

ISSN 2712-8121

Российская ТЮРКОЛОГИЯ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК

ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

РОССИЙСКИЙ КОМИТЕТ ТЮРКОЛОГОВ

№ 1–2(46–47)

МОСКВА
2025

ISSN 2712-8121

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ
РОССИЙСКИЙ КОМИТЕТ ТЮРКОЛОГОВ

Российская ТЮРКОЛОГИЯ

Учредитель

Институт языкознания РАН

«Российская тюркология» является продолжением журнала «Советская тюркология», выходявшего в 1970–1990 гг. в качестве научно-теоретического органа двух академий – Академии наук СССР и Академии наук Азербайджанской ССР.

После 1991 г. в Азербайджане издается журнал «Türkologiya».

Журнал «Российская тюркология» издается с 2009 г.

© Институт языкознания РАН, 2025
© Российский комитет тюркологов, 2025

№ 1–2(46–47)

ISSN 2712-8121

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
DEPARTMENT OF HISTORICAL AND PHILOLOGICAL SCIENCES
INSTITUTE OF LINGUISTICS
THE COMMITTEE OF RUSSIAN TURCOLOGISTS

Russian TURKOLOGY

Founded by

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences

The scientific journal “Russian Turkology” is a continuation of the journal “Soviet Turkology” that was published from 1970 to 1990 as a scientific and theoretical print media of two academies – the Academy of Sciences of the USSR and the Academy of Sciences of the Azerbaijan SSR.

After 1991 in Azerbaijan the “Türkologiya” journal is being published.

The journal “Russian Turkology” is being published since 2009.

© Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, 2025

© The Committee of Russian Turkologists, 2025

№ 1–2(46–47)

Редакционный совет

К. Абдулла, д.ф.н., проф. (Баку, Азербайджан), Ш.Х. Акалын, д.ф.н. проф. (Анкара, Турция), А.А. Акматалиев, д.ф.н. (Бишкек, Кыргызстан), В.М. Алпатов, академик РАН (Москва), М. В. Бавуу-Сюрюн, д.ф.н. (Кызыл, Россия), И. Вашари, к.ф.н., д.и.н., Почётный проф., академик Венгерской академии наук (Будапешт, Венгрия), Дж. Н. Вашингтон, д.ф.н., адъюнкт-проф. (Суортмор, Пенсильвания, США), Н.Х. Гаджихмедов, д.ф.н., проф. (Махачкала, Россия), Н.И. Егоров, д.ф.н., проф. (Чебоксары, Россия), Л. Карой, д.ф.н., проф. (Упсала, Швеция), М.С. Качалин, д.ф.н., проф. (Стамбул, Турция), А.Б. Куделин, академик РАН (Москва, Россия), К.М. Миннуллин, д.ф.н., проф. (Казань, Россия), А. Нурмухаммедов, к.ф.н. (Ашхабад, Туркменистан), М. Ольмез, д.ф.н., проф. (Стамбул, Турция), А. Рона-Таш, д.ф.н., Почётный проф., академик Венгерской академии наук (Сегед-Будапешт, Венгрия), Н.Н. Телицын, к.ф.н. доцент (Санкт-Петербург, Россия), М.З. Улаков, д.ф.н., проф. (Нальчик, Россия), Д.А. Функ, д.ф.н., проф. (Москва, Россия), Ф.С. Хахимзянов, д.ф.н., проф. (Казань, Россия), П. Циме, д.ф.н., Почётный проф. (Берлин, Германия), А.А. Чеченов, д.ф.н., проф. (Москва, Россия), М. Эрдал, д.ф.н., Почётный проф. (Франкфурт-на-Майне), адъюнкт-проф. (Берлин, Германия), Ю. Янхунен, д.ф.н., проф. (Хельсинки, Финляндия)

Редакционная коллегия

Главный редактор: И. В. Кормушин, д.ф.н., проф. (Москва)

Зам. главного редактора: А.В. Дыбо, д.ф.н., проф., чл.-корр. РАН (Москва)

З.Н. Экба, к.ф.н. (Москва)

Ответственный секретарь: З.К. Алжанбескова к.ф.н. (Москва)

Члены редколлегии: М.И. Алиева-Чынар, к.ф.н., доц. (Бурса, Турция), Х.Ч. Алишина, д.ф.н., проф., почетный член АН РТ (Тюмень), Л.Л. Габышева, д.ф.н. (Якутск), А.А. Глашев, к.ф.н. (Москва), Ф.Н. Дьячковский, к.ф.н. (Якутск), А.В. Кузнецов, к.ф.н. (Чебоксары), И.Л. Кызласов, д.и.н. (Москва), О.А. Мудрак, д.ф.н., проф. (Москва), М.Х. Надергулов, д.ф.н. (Уфа), Е.М. Напольнова, д.ф.н. (Москва), И.А. Невская, д.ф.н., проф. (Франкфурт-на-Майне, Германия), Ф.Ш. Нуриева, д.ф.н., проф. (Казань), Е.А. Оганова, к.ф.н. (Москва), Ю.В. Псянчин, д.ф.н., проф. (Уфа), М.М. Репенкова, д.ф.н. (Москва), А.В. Савельев, к.ф.н. (Москва), С.Б. Сарбашева, к.ф.н., доц. (Горно-Алтайск), Л.С. Селендили, д.ф.н. (Симферополь), И.Я. Селютина, д.ф.н., проф. (Новосибирск), Ф.Ш. Сибагатов, к.ф.н. (Уфа), Р.А. Тадинова, д.ф.н. (Москва), В.Н. Тугужекова, д.и.н., проф. (Абакан), Л.Н. Тыбыкова, к.ф.н., доц. (Горно-Алтайск), Н.С. Уртегешев, д.ф.н. (Новосибирск), Т.М. Хаджиева, к.ф.н. (Москва), И.В. Шенцова, д.ф.н. (Новосибирск)

Advisory Board

K. Abdulla (Grand PhD in Philology, Prof.; Baku, Azerbaijan), Ş.H. Akalın (Grand PhD in Philology (in the Turkish language), Prof.; Ankara, Turkey/Türkiye), A.A. Akmataliyev (Grand PhD in Philology; Bishkek, Kyrgyzstan), V.M. Alpatov (Grand PhD in Philology, Prof., Academician of the Russian Academy of Sciences; Moscow, Russia), (M.V. Bavuu-Syuryun (Grand PhD in Philology; Kyzyl, Russia), A.A. Chechenov (Grand PhD in Philology, Prof., Moscow, Russia), M. Erdal (PhD in Linguistics, Prof., Professor Emeritus of Turcology, Goethe-Universität Frankfurt am Main, Germany; Associate Professor, Institute of Turcology, Freie Universität, Berlin), D.A. Funk (Grand PhD in Philology, Prof.; Moscow, Russia), N.Kh. Gadzhiakhmedov (Grand PhD in Philology, Prof.; Makhachkala, Russia), J. Janhunen (PhD in Linguistics, Prof. of East Asian Languages and Cultures, University of Helsinki, etc.; Helsinki, Finland), M.S. Kaçalin (PhD in Linguistics, Prof.; İstanbul, Turkey), L. Károly (PhD in Linguistics, Chair and Professor; Uppsala, Sweden), F.S. Khakimzyanov (Grand PhD in Philology, Prof.; Kazan, Russia), A.B. Kudelin (Grand PhD in Philology, Prof., Academician of the Russian Academy of Sciences; Moscow, Russia), K.M. Minnullin (Grand PhD in Philology, Prof.; Kazan, Russia), A. Nurmukhammedov (PhD in Philology; Ashkhabad, Turkmenistan), M. Ölmez (PhD in Linguistics, prof.; İstanbul, Turkey), A. Róna-Tas (PhD in Linguistics, Professor Emeritus, Full Member of the Hungarian Academy of Sciences (HAS); Szeged–Budapest, Hungary), N.N. Telitsin (PhD in Philology, Assoc. Prof.; Saint-Petersburg, Russia), M.Z. Ulakov (Grand PhD in Philology, Prof.; Načhik, Russia), I. Vásáry (CSc in linguistics, DSc in history, Professor Emeritus, Full Member of the Hungarian Academy of Sciences (HAS); Budapest, Hungary), J.N. Washington (Ph.D. in Linguistics, Associate Professor; Pennsylvania, Swarthmore, USA), N.I. Yegorov (Grand PhD in Philology, Prof.; Cheboksary, Russia), P. Zieme (PhD in Linguistics, Hon.-Prof. Dr.; Berlin, Germany).

Editorial Board

Editor-in-Chief: I.V. Kormushin (Grand PhD in Philology, Prof.; Moscow)

Deputy Editor-in-Chief: A.V. Dybo (Grand PhD in Philology, Prof., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences; Moscow), Z.N. Ekba (PhD in Philology; Moscow)

Executive Secretary: Z.K. Alzhanbekova (PhD in Philology; Moscow)

Members of the editorial board: M. Alieva Çınar (PhD in Philology, Assoc. Prof.; Bursa, Turkey), Kh.Ch. Alishina (Grand PhD in Philology, Prof., Honorary member of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan; Tyumen), A.A. Glashev (PhD in Philology; Moscow), F.N. Dyachkovsky (PhD in Philology; Yakutsk), L.L. Gabysheva (Grand PhD in Philology; Yakutsk), T.M. Khadzhiyeva (PhD in Philology; Moscow), A.V. Kuznetsov (PhD in Philology; Cheboksary), I.L. Kyzlasov (Grand PhD in History; Moscow), O.A. Mudrak (Grand PhD in Philology, Prof.; Moscow), M.Kh. Nadergulov (Grand PhD in Philology; Ufa), E.M. Napolnova (Grand PhD in Philology; Moscow), I.A. Nevskaya (Grand PhD in Philology, Prof.; Frankfurt, Germany), F.Sh. Nuriyeva (Grand PhD in Philology, Prof.; Kazan), E.A. Oganova (PhD in Philology; Moscow), Yu.V. Psyanchin (Grand PhD in Philology, Prof.; Ufa), M.M. Repenkova (Grand PhD in Philology; Moscow), S.B. Sarbasheva (PhD in Philology, Assoc. Prof.; Gorno-Altaysk), A.V. Savelyev (PhD in Philology; Moscow), L.S. Selendili (PhD in Philology; Simferopol), I.Ya. Selyutina (Grand PhD in Philology, Prof.; Novosibirsk), I.V. Shentsova (Grand PhD in Philology; Novosibirsk), F.Sh. Sibagatov (PhD in Philology; Ufa), R.A. Tadinova (Grand PhD in Philology; Moscow), V.N. Tuguzhekova (Grand PhD in History, Prof.; Abakan), L.N. Tybykova (PhD in Philology; Gorno-Altaysk), N.S. Urtegeshev (Grand PhD in Philology; Novosibirsk).

Редакция журнала выражает искреннюю благодарность
доктору филологических наук, профессору
Алию Ахматовичу Чеченову
за финансовую поддержку при подготовке данного номера

Published in the Russian Federation.

Russian Turkology (Previous Name: *Soviet Turkology*, was founded in 1970)

Has been issued as *Russian Turkology* since 2009; ISSN: 2079-9160; E-ISSN: 2712-8121
2025. № 1–2 (46–47), pp. 7–20. Journal homepage: <http://rosturcology.ru/>

УДК/UDC: 811.512.156

DOI 10.37892/2712-8121-2025-46-47-7-20

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

МУЗЫКАЛЬНАЯ ЛЕКСИКА В ТУВИНСКОМ ЯЗЫКЕ: РУССКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ И АДАПТАЦИЯ

Ульяна Очур-ооловна Донорова¹, Игорь Валентинович Кормушин²

¹ Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва;
Государственное бюджетное учреждение Республики Тыва
«Международная Академия «Хоомей», г. Кызыл, Россия,
кандидат филологических наук, научный сотрудник,
ORCID: 0000-0001-7968-4713
e-mail: ochur-ool@mail.ru

² Институт языкознания РАН, г. Москва, Россия,
доктор филологических наук, главный научный сотрудник
отдела урало-алтайских языков Института языкознания РАН,
e-mail: igorkormushin@yandex.ru

© ИЯз РАН, 2025

© Донорова У.О., Кормушин И.В., 2025

Аннотация: Статья посвящена анализу заимствованных из русского языка тувинских музыкальных терминов. В работе показано, как в тувинском языке посредством русского языка закрепились термины европейского происхождения, в том числе обозначения темпов, характеров исполнения, динамических оттенков и т. п. Особое внимание уделяется современным процессам взаимодействия семантических структур русского и тувинского языков, способствующим более четкому различению значений терминов. Объектом исследования выступает язык группового билингвизма, так называемый «культурный» язык, используемый в среде профессиональных музыкантов. В нем активно функционируют заимствованные музыкальные термины, отражающие интеграцию тувинской музыкальной традиции в общекультурное пространство.

Ключевые слова: лексика, тувинский язык, музыкальные термины, заимствования, музыкальные заимствования, заимствованные термины, русизмы, русские заимствования.

Для цитирования: Донорова У.О., Кормушин И.В. Музыкальная лексика в тувинском языке: русские заимствования и адаптация // Российская тюркология. 2025. № 1–2 (45–46). С. 7–20. DOI 10.37892/2712-8121-2025-46-47-7-20.

Musical vocabulary in the Tuvian language: Russian borrowings and adaptation

Uliyana Ochur-oolovna Donorova¹, Igor Valentinovich Kormushin²

¹ Tuvan Institute of Humanities and Applied Social and Economic Research
under the Government of the Republic of Tuva;
State Budgetary Institution of the Republic of Tuva "International Academy 'Khoomei'",
Kyzyl, Russia,
PhD in Philology, Researcher
e-mail: ochur-ool@mail.ru
ORCID: 0000-0001-7968-4713

² Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,
Doctor of Philological Sciences, Chief Researcher,
e-mail: igorkormushin@yandex.ru

© IL RAS, 2025

© Donorova, U.O., Kormushin, I.V., 2025

Abstract: The article analyzes Tuvan musical terms borrowed from the Russian language. It demonstrates how terms of European origin, including those denoting tempos, performance styles, dynamic nuances, etc., have become entrenched in the Tuvan language via Russian. Particular attention is paid to the contemporary interactions between the semantic structures of Russian and Tuvan, which facilitate a clearer distinction between the meanings of these terms. The object of this study is the language of group bilingualism, the so-called "cultural" language used by professional musicians. Borrowed musical terms actively function within it, reflecting the integration of the Tuvan musical tradition into the general cultural space.

Key words: vocabulary, Tuvan language, musical terms, borrowings, musical borrowings, borrowed terms, Russianisms, Russian loanwords.

For citation: *Donorova, U.O., Kormushin, I.V.* Musical vocabulary in the Tuvan language: Russian borrowings and adaptation // Russian Turkology. 2025. No. 1–2 (45–46). Pp. 7–20. DOI 10.37892/2712-8121-2025-46-47-7-20.

Введение

Литературный тувинский язык, находящийся на стыке традиционной культуры и современных тенденций, активно взаимодействует с русским языком, который широко распространен в регионе. Одним из важных аспектов этого взаимодействия является заимствование лексики, в том числе терминов из области музыки. Музыкальная терминология, связанная с новыми инструментами, жанрами и понятиями, часто приходит из русского языка и интегрируется в тувинскую речь. Русские заимствования вызывают интерес как часть развивающейся музыкальной терминологии тувинского языка, взаимодействуя с традиционной тувинской лексикой в двух формах: прямые заимствования и образцы для калькирования. Данная тема рассмотрена в диссертации У.О. Доноровой (Монгуш) [Донорова 2015] и отражена в словаре музыкальных терминов тувинского языка [Донорова 2022].

Цели и задачи. Основной целью настоящей статьи является исследование музыкальных терминов в тувинском языке, заимствованных через русский язык. Для этого ставятся следующие задачи:

– выявить заимствованные из русского языка термины и классифицировать их по категориям (инструменты, жанры, техники исполнения и т. д.);

– проанализировать, в каком контексте и как используются заимствованные термины в тувинской музыкальной практике.

Методология. В работе использовались сравнительно-сопоставительный, структурно-типологический методы, метод экспликации, включенного наблюдения. Исследовательский материал представляет собой различные работы историков, филологов, музыковедческие тексты, лексикографические определения из словарей, фрагменты художественной литературы, примеры из современной языковой практики в профессиональной среде музыкантов Тувинского национального оркестра, артистов Тувинской государственной филармонии им. В.М. Халилова, преподавателей Республиканской школы искусств им. Р.Д. Кенденбиля и Кызылского колледжа искусств им. А.Б. Чыргал-оола, а также учебные материалы и интервью с учителями музыки. Анализ заимствованных слов и словосочетаний проводится с точки зрения фонетики, морфологии и семантики.

Впервые анализом тувинского языка и его заимствований занялся Н.Ф. Катанов, который в начале XX в. заложил основы этого направления в своей работе «Опыт исследования урянхайского языка с указанием главнейших родственных отношений его к другим языкам тюркского корня» [Катанов 1903]. В его труде заимствованные слова представлены скудно, что отражает ранний этап русско-тувинских контактов.

Дальнейшее систематическое изучение грамматики и фонетики тувинского языка, его отношений с русским языком связано с именами таких лингвистов, как Ф.Г. Исаков, А.А. Пальмбах («Грамматика тувинского языка» [Исаков, Пальмбах 1961]), З.Б. Арагачи («Основы тувинской орфографии» [Пальмбах, Арагачи 1963]), Ш.Ч. Сат («Формирование и развитие тувинского национального литературного языка» [Сат 1973]). Специальное исследование русских заимствований провел В.М. Шабалин [Шабалин 1964]. Лишь в начале 1970-х гг. данный вопрос был подробно рассмотрен и профессионально разработан Б.И. Татаринцевым в его работе «Русские лексические заимствования в современном тувинском языке» [Татаринцев 1974].

В настоящее время тема русских заимствований в тувинском языке вновь приобретает актуальность, что отражено в работе молодых языковедов ТИГПИ Б.Ч. Ооржак, Э.К. Аннай, Н.М. Монгуш «Влияние русского языка на тувинскую лексику: заимствования нового времени» [Ооржак, Аннай, Монгуш 2025], на основе которой авторы составили базу данных русских заимствований в тувинском языке¹. Зарегистрированная в Роспатенте и включающая в себя 6222 словарных единицы, упорядоченных по алфавиту, эта база данных является уникальным ин-

¹ Свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2024625792 Российская Федерация. Русские заимствования в тувинском языке: № 2024625611: заявл. 26.11.2024; опубл. 05.12.2024 / Ч. Г. Ондар, Н. М. Монгуш, Э. К. о. Аннай, Б. Ч. о. Ооржак; заявитель Государственное бюджетное научно-исследовательское и образовательное учреждение «Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва». – EDN GKGFSO.

струментом для изучения языкового взаимодействия русского и тувинского языков. В системе также отображаются произошедшие при заимствовании фонетические изменения.

Указанная база данных востребована в компьютерной и когнитивной лингвистике, семиотике, методике обучения тувинскому, а также переводоведении. Она играет важную роль в документировании языковых изменений, что особенно актуально для сохранения тувинского языка. В базу вошли музыкальные термины, заимствованные из русского языка, которые ранее были зафиксированы в «Русско-тувинском словаре» и «Толковом словаре тувинского языка»².

I. Теоретические основы заимствования терминов

1.1. Определение заимствования в лингвистике

Заимствование в лингвистике – это процесс переноса слов, выражений или терминов из одного языка в другой. Этот процесс может происходить в различных формах: посредством прямого заимствования (когда слово сохраняет свою форму) и адаптации (когда слово изменяется в соответствии с фонетическими и морфологическими нормами целевого языка). Заимствованные термины часто используются для обозначения новых концепций, явлений или технологий, которые не имеют аналогов в языке-реципиенте.

Одним из аспектов этого взаимодействия является заимствование терминов из области музыки. Музыкальная терминология, связанная с новыми инструментами, жанрами и понятиями, часто приходит из русского языка и интегрируется в тувинскую речь.

Музыка является важной частью истории культуры Тувы, отражающей ее самобытные традиции, обычаи и социальные изменения. В последние десятилетия наблюдается активный процесс заимствования музыкальных терминов из русского языка, что связано с влиянием глобализации и интеграции различных культур. Настоящее исследование направлено на анализ заимствованных музыкальных терминов и определение их значения и роли в тувинской музыкальной культуре.

В контексте музыкальной терминологии заимствования играют ключевую роль, поскольку позволяют интегрировать в язык новые музыкальные стили, инструменты и теории. Например, термины, связанные с западной музыкой, часто заимствуются в языки, где традиционная музыка не имеет соответствующих понятий.

1.2. Причины заимствования терминов

Заимствование терминов происходит по нескольким причинам, которые можно условно разделить на культурные, социальные и образовательные.

² Русско-тувинский словарь: ок. 22000 сл. изд. 2-е / под ред. А.А. Пальмбаха. Москва: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1954; Толковый словарь тувинского языка / под ред. Д.А. Монгуша. Новосибирск, 2003. Т. I.; Толковый словарь тувинского языка / под ред. Д.А. Монгуша. Новосибирск, 2011. Т. II. (издание продолжается).

Культурные причины:

Культурные обмены между народами и регионами способствуют заимствованию, а музыка, как форма искусства, является одним из способов взаимодействия культур. Так, при внедрении западной музыкальной системы в Туве многие термины, связанные с инструментами и стилями, были заимствованы из русского языка.

Социальные причины:

Социальные изменения, такие как миграция, урбанизация и глобализация, также благоприятствуют заимствованию. В современном обществе, в котором происходит активная интеграция культур, музыкальные термины необходимы для общения и понимания. Это особенно актуально для молодежи, которая активно воспринимает новые музыкальные течения.

Образовательные причины:

Образование играет важную роль в процессе заимствования. Введение новых образовательных программ, курсов и учебников, основанных на западной музыкальной теории, приводит к необходимости использования заимствованных терминов. Это не только облегчает процесс обучения, но и способствует формированию общего музыкального языка, который объединяет различные культурные контексты.

Таким образом, заимствование музыкальных терминов из русского языка в тувинский не только отражает влияние культуры, но и представляет собой ответ на социальные и образовательные вызовы, стоящие перед современным обществом.

II. Исторический контекст

2.1. Краткий обзор истории русского языкового влияния и музыкального образования в Туве

Активное влияние русского языка на тувинский началось с 1944 г., когда Тува вошла в состав Советского Союза. В своей монографии Б.И. Татаринцев выделяет три этапа проникновения русизмов в тувинский язык [Татаринцев 1974].

Первый этап (конец XIX – начало 30-х гг. XX в.) характеризуется индивидуальным билингвизмом и устным заимствованием; второй этап (начало 30-х – середина 40-х гг.) – групповым билингвизмом и преобладанием письменного заимствования; третий этап (вторая половина 40-х гг. – наши дни) – массовым билингвизмом и сосуществованием устного и письменного путей заимствования.

С 1970-х гг. влияние русского языка стало доминирующим. Идея объединения народов СССР под общим языком, русским, привела к переводу делопроизводства на русский язык. Многие тувинцы стали использовать русский язык в повседневном общении и в семье, что ослабило функциональное развитие тувинского языка. Поколение тувинцев того времени часто не владело родным языком, так как родители обучали детей на русском.

С распадом СССР в начале 90-х гг. картина функционального развития языков изменилась. Новый период для тувинского языка начался с нормативного регулирования его статуса – в проекте Закона Тувинской АССР «О языках в Тувинской АССР» 1990 г. четко прописаны сферы применения тувинского языка и его правовая защита. В 1993 г. Конституция Республики Тыва подтвердила государственный статус тувинского языка, указав на равноправие тувинского и русского языков в сферах общения.

Таким образом, можно выделить новые вехи в развитии тувинско-русского билингвизма: четвертый период (70–90-е гг.) отмечен расширением роли русского языка как языка межнационального общения; пятый период (1993–2010-е гг.) связан с признанием тувинского и русского языков государственными.

Период с 2010 г. по настоящее время может быть выделен как шестой этап в развитии тувинско-русского билингвизма, характеризующийся интенсивной культурной интеграцией. На данном этапе фиксируется активное заимствование музыкальных терминов из русского языка в тувинский, что способствует обогащению последнего и формированию уникального музыкального лексикона, отражающего современные тенденции и культурные обмены. Важно отметить, что роль русского языка как языка межнационального общения в Туве продолжает укрепляться.

Однако до сих пор полноценное развитие тувинского языка остается актуальной проблемой из-за недостатков в государственной языковой политике. Функциональная дистрибуция тувинского и русского языков продолжает вызывать беспокойство, так как исторически официальные сферы обслуживались сначала монгольским, а затем русским языком.

Музыкальное образование в Туве уходит корнями в традиционную культуру, где музыка играла важную роль в ритуалах, праздниках и повседневной жизни. С начала XX в., с приходом советской власти, началось системное развитие музыкального образования. В столице Тувы, городе Кызыле, при учебном комбинате и на базе клуба им. Оюна Шагдыр-Сюрюна была создана Национальная театральная студия. Были привлечены специалисты и преподаватели из крупных городов СССР, которые вели уроки по теории музыки, сольфеджио и занятия по хоровой и оркестровой музыке. В 1947 г. была открыта первая музыкальная школа в г. Кызыле, что явилось значительным шагом в формировании профессиональной музыкальной среды.

В 1960-х гг. музыкальное образование стало более структурированным благодаря созданию специализированных учреждений – Тувинской государственной филармонии, Музыкального училища, Центра народного творчества. Программы обучения включали не только традиционные тувинские инструменты, но и элементы западной музыкальной теории, что способствовало появлению новых музыкальных стилей и терминов, заимствованных из русского языка.

В 1990-х гг., после распада Советского Союза, музыкальное образование в Туве столкнулось с новыми вызовами, включая необходимость адаптации к изменяющимся культурным условиям и потребностям общества. В это время усилилось внимание к сохранению и развитию тувинской музыкальной традиции, при этом заимствованные термины продолжали играть важную роль в обучении.

В настоящее время многие преподаватели сами пишут и издают авторские учебно-методические пособия, обогащая музыкальное терминологическое поле своими примерами переводов русских заимствованных терминов.

2.2. Влияние русского языка на тувинскую культуру и музыку

Русский язык оказал значительное влияние на тувинскую культуру, особенно в области музыки, что обусловлено как историческими, так и социальными факторами.

В советский период русский язык стал языком межнационального общения, что способствовало распространению западной музыкальной культуры в Туве. В результате в тувинский язык было заимствовано множество терминов, связанных с инструментами, жанрами и техниками исполнения. Например, слова «оркестр», «соло», «концерт» и т. д. стали неотъемлемой частью тувинского музыкального лексикона.

Период 1984–1995 гг. ознаменовал становление ряда музыкальных терминов, впоследствии закрепившихся в тувинском языке. Эти термины зафиксированы в серии учебных пособий по музыке А.С. Танова [Танов 1984, 1987, 1992, 1995], рассчитанных на разные возрастные группы. Несмотря на то что указанные учебники были выполнены на литературном тувинском языке, использованные в них музыкальные термины, в том числе заимствованные, нуждались в дальнейшей унификации и стандартизации норм перевода.

Следующий этап развития тувинской музыкальной терминологии связан с появлением методических рекомендаций по изготовлению тувинских музыкальных инструментов, пособий по обучению горловому пению *хоомей* А.К. Тамдына [Тамдын 2009, 2010] и по обучению игре на *бызаанчы* А.А. Оюн [Оюн 2013]. Обе работы насыщены музыкальной лексикой, однако отсутствие системных исследований по упорядочению и унификации музыкальных терминов вызвало у авторов трудности при их переводе на тувинский язык. В частности, наблюдаются различия в наименованиях частей традиционных инструментов, причем термины представлены в неименной форме. Так, в пособии А.А. Оюн части *бызаанчы* обозначены следующим образом: *бажы* [голова (инструмента)], *мойну* [шея (инструмента)], *бели* [поясница(инструмента)]. В работе А.К. Тамдына те же элементы названы иначе: *бажы* [голова (инструмента)], *уну* или *сывы* [ствол (инструмента)], *доскаары* [бочка (инструмента)]. Термин *баиш* [головка инструмента] в обеих работах обозначает конец грифа с резной головкой коня, при этом в 1950-е гг. головкой *баиш* называли корпус инструмента [Прокофьева, 1953: 147].

Заимствование терминов также отражает процесс адаптации тувинской музыки к новым условиям. В результате интеграции западной музыкальной системы возникли новые жанры и стили, в которых традиционные тувинские элементы сочетаются с современными музыкальными формами, что привело к созданию уникального музыкального языка, который продолжает развиваться и сегодня.

Таким образом, влияние русского языка на тувинскую музыку и культуру представляет собой многогранный процесс, фиксирующий исторические и культурно-образовательные трансформации в регионе.

III. Классификация заимствованных музыкальных терминов

3.1. Термины, обозначающие высоту и динамические оттенки звучания, звукоизвлечение

чоон / чавыс ун – муз. ‘низкие звуки (ноты и т. п.)’; букв. «толстый/низкий, густой голос».

бедик – муз. 1) ‘высокая нота или звук в составе интервала, аккорда’; 2) кульминационная точка мелодии; букв. «вершина».

чиңге үн // бедик үн – муз. 1) ‘высокий (тонкий) голос, звук’; 2) ‘высокий диапазон певческого голоса или звучания музыкального инструмента’.

диапазон – муз. ‘совокупность всех звуков различной высоты, доступных какому-либо инструменту или голосу, входящих в какой-либо звукоряд, мелодию; означает то же, что объем звучания’. *Диапазон* в тувинском – сохраненное русское заимствование, по происхождению – из древнегреческого, связанного именно с музыкальной терминологией. Однако в архивных записях нами обнаружено высказывание знатока и носителя музыкального фольклора тувинцев В.С. Шомбула (1947 г.р.), который в своей речи заменяет термин «диапазон» словосочетанием *ойнаар хемчээл* – в музыкальном значении как ‘диапазон’, а в буквальном смысле «играющий размер // размер игры» – возможный объем звуков, помещающихся на грифе какого-либо инструмента.

Например: *Бо чылдарга чедир бурунгу бызаанчывысты ойнап тургаш, ооң ойнаар хемчээли (диапазону) кызыы, амгы шагның негелдезинге дүүшпес турган деп билдим* [Науч. Арх. ТИГИ. ФоноФ. Оп.1.Пл.№876] ‘до настоящего времени играя на традиционном бызаанчы, я удостоверился в том, что его играющий размер, т. е. диапазон, оказался узким, не соответствующим современным требованиям’. Музыкально-терминологическое значение словосочетания *ойнаар хемчээл* основано на общезыковой семантике.

динамика – муз. ‘сила (громкость) музыкального звучания’³. Как и слово *диапазон*, музыкальный термин *динамика* в тувинском – сохраненное русское заимствование, по происхождению – из древнегреческого.

В данной группе неизменными остались такие прямые заимствования, как названия интервалов: прима, секунда, терция, кварта, квинта, секста, септима и др.; названия голосов, относящиеся к мужским и женским вокальным диапазонам в хоровом и оперном искусстве: сопрано, альт, прима, контральто, бас, баритон, тенор и т. д.

Названия динамических оттенков в тувинском языке адаптированы и часто представляют собой сочетания слов, кроме того, встречаются синонимические ряды: форте (*ыыткыр, дыңзыг, өткүт*), пиано (*оожум, ыыткыр эвес, дыңзыг эвес, өткүт эвес*), меццо форте (*шала ыыткыр, өй-тап ыыткыр*), меццо пиано (*шала оожум, дыка ыыткыр эвес*), фортиссимо (*дыка ыыткыр, аажок ыыткыр*), пианиссимо (*дыка оожум, эмин эртир оожум*), крещендо (*чоорту ыыткыр, чоорту күштелдирер*), диминуэндо (*чоорту оожум, чоорту бадар*) и т. д.

3.2. Термины, обозначающие темп и характер исполнения музыки

Наибольшую долю зафиксированных терминов составляют лексические единицы, используемые композиторами-песенниками. В нотных записях произведений крупных форм и песен фиксируются обозначения темпа и характера исполнения. В рамках исследования проанализировано свыше 50 сборников тувинских композиторов, включающих более 300 примеров (произведений и песен). В них наблюдаются те же тенденции: встречаются прямые заимствования обозначения

³ Далее в других группах примеры не приводятся, поскольку они отражены в диссертации У.О. Доноровой (Монгуш).

темпа (*аллегро, модерато, ларго* и т. п.), а также адаптированные переводы с обширными синонимическими рядами (*аяар, оожум, шала таваар* – по отношению к темповому обозначению «ленто», *марш темпизи-биле, вальс темпизи-биле* – прямые переводы с русского «в темпе марша», «в темпе вальса» и т. п.).

3.3. Термины, обозначающие длительности, размер и ритм музыки

Названия длительностей (целая, половинная, четвертная, восьмая и т. д.), ритмические обозначения (пунктир, синкопа, дуоль, триоль и т. д.) в тувинской музыкальной терминологии совпадают с русскими. Длительности и размер адаптированы: *бүдүн, чартык, дөрттүң, сестин, он алдының, үжөн ийиниң, алдан дөрттүң; хемчээл* (размер), *дөрттүң ийизи* (две четверти), *дөрттүң үжү* (три четверти) и т. д.

3.4. Термины, обозначающие понятия ладовой организации мелодии (мелоса): звукоряд, лад, тональность

Основу данной группы составляют слова, испокон веков существовавшие в лексике кочевых и полукочевых народов и передававшиеся из поколения в поколение.

В то же время обращает на себя внимание обилие заимствованных музыкальных терминов, русских и западноевропейских: лад, мажор, минор, гамма, такт, пентатоника, размер, интервал, октава, кварта, прима, музыкальная фраза, слабая доля, унисон, интонационная структура и т. д.

Также встречаются общеупотребительные слова, приобретшие специализированные музыкальные значения. В эту группу входят как исконные тюркские слова, так и очень давние заимствования. Расширение этой понятийно-тематической сферы происходит не только посредством новых заимствований, но и благодаря созданию калек и полукалек, что указывает на живые словопроизводные процессы в современном тувинском языке.

Приведем несколько примеров:

лад – муз. ‘лад’ – система звуков, организованных между устойчивыми и неустойчивыми звуками вокруг главного, опорного звука. Данный термин, заимствованный из русского языка, прочно вошел в тувинскую музыкальную терминологию в форме языка-оригинала, однако, будучи освоенным, принимает все тувинские грамматические показатели – падежа, числа и т. д.

Например: *ладтар ... ырыга бодаарга, кожамык тургузуунда тодаргай кирбейн турар* [Кюнзегеш 2005: 11] ‘лады ... по сравнению с песней, в структуру кожамык определенно не входят’.

В тувинском языке на основе это термина образованы следующие музыкально-терминологические словосочетания, представляющие собой морфологические или лексемные полукальки с русского языка:

мажорлуг лад – муз. ‘мажорный лад’ – из числа самых распространенных семиступенных ладов, звукоряд которого совпадает со звукорядом по белым клавишам фортепиано, если начать его со звука «до».

Например: *Мында аялга сергек, мажорлуг ладка эгелээш, шала муңгаргай минорлуг ладка доозулган* [Кюнзегеш 2005: 13] ‘Здесь мелодия, начиная со светлого мажорного лада, заканчивается в грустном минорном ладу’.

минорлуг лад – муз. ‘минорный лад’ – семиступенный лад, звукоряд которого отличается от мажорного низкими III, VI и VII степенями. См. пример выше.

Как видно из примеров, словосочетания *мажорлуг лад* и *минорлуг лад* являются частичными кальками, так как в них прилагательные с существительными минимально морфологически согласованы при помощи аффикса +луг и все элементы являются заимствованными музыкальными терминами.

3.5. Термины, употребляемые для обозначения частей, разделов, видов и жанров музыкальной формы

К данной группе относятся следующие термины: композиция, композиционная структура / композиционное строение (*композиция тургузуу*), часть (*кезек*), акт, соната, куплет, припев (*кожумаа*), форма, вид (*хевир*) и т. д. В современной тувинской музыке произошло определенное расширение музыкальных жанров за счет освоения форм, заимствованных из зарубежной и русской классической музыки. Этот процесс также затронул композиционные построения произведений горлового пения тувинцев *хоомей*.

Нами были собраны и проанализированы слова и словосочетания, употребляемые в современной тувинской литературной письменной и устной речи в специфических терминологических значениях, характеризующих общие принципы построения современной тувинской музыки независимо от ее ладово-тональной основы. Анализ этих терминов состоял, во-первых, из исследования лексико-семантической и грамматической природы музыкального терминообразования и, во-вторых, из краткой этимологической справки (по основным словарям, без углубления в тему) с целью выяснения исконного или заимствованного характера анализируемых лексем.

Следующая группа из общемзыкальных терминов тувинского языка связана с характеристикой структуры музыкальных явлений не в целом, как первая группа, а по отдельным их аспектам. Эти термины (общим числом 142) составляют отдельный пласт слов, которые употребляются, в большей степени, в профессиональной среде, так как носят достаточно технический характер. В основном, это музыкальные термины нового образования, связанные с освоением классической музыки. Они поначалу, как показали наши материалы, почти всегда бывают прямыми заимствованиями (русскими или европейскими, через русское посредство), но со временем тувинский язык начинает осваивать их путем калькирования, т. е. посредством подбора смысловых эквивалентов с помощью слов, имеющих прозрачную внутреннюю форму. Термины данной группы делятся на следующие семь подгрупп: 1) термины, обозначающие высоту и динамические оттенки – всего 19 (из них 5 обозначают высоту звука, 14 выражают силу звучания); 2) термины, обозначающие темп и характер – 45; 3) термины, обозначающие длительности и ритм – 13; 4) термины, обозначающие понятия ладовой организации мелодии (мелоса) – звукоряд, лад, тональность, – 5 ключевых и 7 словосочетаний, связанных с названиями разновидностей лада; 5) термины, употребляемые для обозначения частей, разделов и видов музыкальной формы – 19 (5 словосочетаний, связанных со словом *хевир* ‘форма’; 5 словосочетаний, связанных со словом *кезек* ‘часть’ + 9 ключевые термины), 6) термины, употребляемые в многоголос-

ной музыке (гармонические средства, аккордовые последовательности) – 11 (почти все термины помечены знаком*, означающим предложение новых переводных эквивалентов); 7) термины, обозначающие специальные названия музыкальных звуков, октав и их деление на ступени – 14 (5 словосочетаний, характеризующих строение ноты, + 5 словосочетаний, связанных с термином октава, + 4 словосочетания, покрывающие понятие *хемчээл* ‘размер’ (из них 9 – ключевые)).

Слова и словосочетания, которые употребляются в процессе обучения народному пению, составляют 25 единиц. Термины данной группы являются заимствованиями, которые вошли в тувинский язык с помощью калькирования. Например, *адалга туружу** – муз. ‘артикуляционная позиция’, букв. «расположение/местонахождение произношения», *ыраажының үн аппараты** – муз. ‘певческий аппарат’, букв. «звуковой аппарат певца», *ырлаарының шын туружу** – муз. ‘певческая позиция’, букв. «правильная позиция пения» и т. д. Данные термины отражают специфическую природу народного пения, выражающуюся, в отличие от академического пения, во взятии открытого, спонтанного звука.

Слова и словосочетания, используемые в процессе обучения академическому пению, насчитывают 7 единиц. От предыдущей тематической группы термины данного семантического поля отличаются наименованиями разных приемов при профессиональной постановке голоса, например, *думчук ажыглавас* – букв. «не использовать нос», *баише ырлаар* – муз. ‘петь в голову’, *хөрөктөн үндүрер* – муз. ‘извлекать из груди’ и т. д.

Последние две группы связаны с обучением сценическому пению, поэтому имеют общие музыкально-терминологические заимствования, которые получаются способом калькирования музыкальных терминов из европейских языков через посредство русского.

Таким образом, музыкальная терминология тувинского языка в настоящий момент включает в себя 447 отдельных слов и словосочетаний. Необходимо отметить, что в наиболее популярном лексикографическом пособии – «Тувинско-русском словаре» 1968 г. – отсутствуют специальные пометы муз. (музыка, музыкальное). Такими пометами начали снабжаться, причем достаточно специфически, слова в «Толковом словаре тувинского языка»: в двух опубликованных томах (2003 и 2011 гг.) в статьях на буквы от А до С как муз. помечено 57 терминов – причем исключительно те, что не имеют толкования на тувинском языке (!), т. е. признается их неадаптированный статус. Подобный подход, на наш взгляд, не отражает реального статуса заимствованных терминов: многие из них активно употребляются в современной тувинской речи и постепенно переходят из специальной лексики в общенародный язык – например, нота, мажор, динамика, регистр, аккорд, тон и т. д.

Как и любая лексика культурного слоя, музыкальные термины охотно заимствовались тувинским языком на протяжении всей его истории. Языками-источниками служили древнеуйгурский, китайский через уйгурское посредство, монгольский, тибетский через монгольское посредство. В современную эпоху после начала активного контактирования с русской культурой широким потоком в тувинский язык вошли термины европейской музыкальной культуры, которые своими источниками имеют не столько русский, сколько итальянский, греческий, немецкий и другие европейские языки. Например, наряду с такими терминами,

как *алгыш*, *оюн*, *чаңгы* (древнетюрк.), *хөгжүм*, *аялга* (старомонг.), *кандан*, *дуудорум*, *карааңгы* (монг.), стали употребляться музыкальные термины из европейской культуры – тональность, диапазон, лад, мажор, минор и др.

Однако тематическая классификация музыкальной терминологии тувинского языка и определение точного количества терминов сопряжены с рядом трудностей, обусловленных включением в разряд музыкальных терминов ряда общеупотребительных слов, закрепившихся в традиционной музыкальной практике, и неустоявшимся статусом некоторых заимствований из европейской музыкальной культуры. Например, *хөгжүм чогаадыкчызы* ‘композитор’, *шураашкын* ‘скачок’, *согуушкун/согуг* ‘доля или пульсация’, *хөгжүм демдээ* ‘нота’, ‘музыкальный знак’, *чаңгыс аай аялга* ‘унисон, букв. ‘одновременная мелодия’ и т. п.

IV. Морфологическое освоение русских заимствований

Заимствованные из европейских языков русские музыкальные термины входят в тувинский язык как имена существительные в форме именительного падежа единственного числа: *нота*, *музыка*, *интервал*, *октава* и т. д. Обычно, если у заимствований нет аналогов в принимающем языке, они сохраняют оригинальное написание и произношение. Такие слова называют прямыми фонетическими заимствованиями без адаптации. В лингвистике чаще употребляются термины «прямое заимствование» (direct loanword) или «калькирование».

Вошедшие в тувинский язык русские заимствования подчиняются тувинской морфологии: они получают тувинские аффиксы и образуют новые производные существительные, прилагательные и глагольные формы, даже если остаются непереведенными, например: *темазы* ‘его тема’, *мотивтен* ‘из мотива’, *куплеттер* ‘куплеты’, *ритминге* ‘(его) ритму’, *композициялыг* ‘композиционный’; *нота* (нота), *ноталыг* (нотный), *нотажыткан* (нотируемый), *ноталаар* (нотировать); *музыка* (музыка), *музыкалыг* (музыкальный), *музыкалаар* (музичировать) и др.

Заключение

Заимствование иностранных музыкальных терминов обеспечивают их быструю и единообразную конвенционализацию в профессиональной среде. Однако из-за отсутствия внутренней формы такие единицы менее доступны для непрофессиональных музыкантов и широкой аудитории любителей музыки. Для преодоления данного ограничения общество прибегает к калькированию – смысловому переводу иноязычных терминов на родной язык.

Как показало проведенное нами исследование, музыкальные термины нового образования, связанные с освоением классической музыки, поначалу почти всегда бывают прямыми заимствованиями (русскими или европейскими, через русское посредство), но со временем тувинский язык начинает осваивать их путем калькирования с помощью слов, имеющих прозрачную внутреннюю форму, – или же путем подбора смысловых эквивалентов.

Мы поддерживаем процессы поиска приемлемых замен иноязычным музыкальным терминам и уже внесли ряд предложений по совершенствованию тувинской музыкальной терминологии, а также планируем продолжать эту работу.

Таким образом, формирование новых музыкальных терминов в тувинском языке осуществляется двумя путями – в опоре на собственные лексические и словообразовательные ресурсы и посредством заимствования из чужого языка. Заимствования способствуют обогащению музыкальной лексики, позволяя описывать новые инструменты, процессы и стили, но не вытесняют традиционные термины, а дополняют их. Это приводит к появлению языковой двуязычности в музыкальной сфере. Необходимы дальнейшие исследования в этой области для оценки влияния такого двуязычия на сохранение коренных музыкальных традиций.

Список сокращений

Общие	Языки
муз. – музыкальный	др.-тюрк. – древнетюркский
букв. – буквально	сп.-монг. – старописьменный монгольский
см. – смотри	монг. – монгольский
ср. – сравни	
ТИГПИ – Тувинский институт гуманитарных и социально-экономических, прикладных исследований	

Литература

- Бавуу-Сюрюн 2015 – *Бавуу-Сюрюн М.В.* Структура русизмов в тувинском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2015. – № 2 (44): в 2-х ч. – Ч. I. – С. 20–24. {*M.V. Baviuu-Syuryun. The structure of Russianisms (=Russicisms) in the Tuvan language // Philological Sciences. Questions of theory and practice. – Tambov: Gramota, 2015. – No. 2 (44): in 2 parts. – Part I. – Pp. 20–24.*}
- Донорова 2015 – *Донорова (Монгуш) У.О.* Музыкальная терминология в тувинском языке: автореферат дисс. ... канд. филол. наук. – М., 2015. – 26 с. {*U.O. Donorova (Mongush). Musical terminology in the Tuvan language: abstract of diss. ... cand. philol. sci. – Moscow, 2015. – 26 p.*}
- Донорова 2022 – *Донорова У.О.* Словарь музыкальных терминов тувинского языка / науч. ред.: И.В. Кормушин, Е.К. Карелина. – СПб.: Сциентиа, 2022. – 104 с. – URL: <https://scientia-pub.org/index.php/Sci/catalog/book/45> (дата обращения: 10.01.2026). {*U.O. Donorova. Dictionary of musical terms of the Tuvan language / sci. ed.: I.V. Kormushin, Ye.K. Karelina. – St. Petersburg: Scientia, 2022. – 104 p. – URL: https://scientia-pub.org/index.php/Sci/catalog/book/45 (accessed: 10.01.2026).*}
- Исхаков, Пальмбах 1961 – *Исхаков Ф.Г., Пальмбах А.А.* Грамматика тувинского языка. Фонетика, морфология. – М.: Восточная литература, 1961. – 472 с. {*F.G. Iskhakov, A.A. Palmbach. Grammar of the Tuvan language. Phonology, morphology. – Moscow: Vostochnaya literatura [Oriental literature], 1961. – 472 p.*}
- Катанов 1903 – *Катанов Н.Ф. (/Катановъ Н.Ф.)* Опыт исследования урянхайского языка, с указанием главнейших родственных отношений его к другим языкам тюркского корня. (/Опытъ изслѣдованія урянхайскаго языка, съ указаніемъ главнѣйшихъ родственныхъ отношеній его къ другимъ языкамъ тюркскаго корня.) – Казань: Типо-литография императорского университета (/Типо-литографія Императорскаго Университета), 1903. – Т. I. (/Томъ первый): 832 с. – Т. II. (/Томъ второй): 1539+8+LX+4 с. {*N.F. Katanov. An attempt to study the Uriankhai language, with an indication of its main relationships to other languages of Turkic origin. – Kazan, 1903. – Vol. 1 (/The first volume): 832 p. – Vol. 2 (/The second volume): 1539+8+LX+4 p.*}
- Куулар 2021 – *Куулар Е.М.* Фонетические особенности русских заимствований в тувинском языке и его диалектах // Мир науки, культуры, образования. – 2021. – № 6 (91). – С. 486–487. {*Ye.M. Kuular. Phonetic features of Russian borrowings in the Tuvan language and its dialects // World of Science, Culture, Education. – 2021. – No. 6 (91). – Pp. 486–487.*}
- Кюнзегеш 2005 – *Кюнзегеш Ю.Ш.* Тувинские песни и частушки. (Составление, предисловие и комментарии). 2-е, исправленное и дополненное изд. – Кызыл: Республиканская типография.

2005. – 192 с. {*Yu.Sh. Kyunzegesh. Tuvan songs and ditties. (Compilation, preface, and commentary).* – 2nd, corrected and supplemented edition. – Kyzyl: Republican Printing House. – 2005. – 192 p.}
- Лотте 1982 – *Лотте Д.С.* Вопросы заимствования и упорядочения иноязычных терминов и терминологических элементов / [Предисл. Т.Л. Канделаки, С.В. Гринева]. – Москва: Наука, 1982. – 149 с. {*D.S. Lotte. Issues of borrowing and systematization of foreign-language terms and term elements* / [Pref. by: T.L. Kandelaki, S.V. Grinev]. – Moscow: Nauka, 1982. – 149 p.}
- Ооржак, Аннай, Монгуш 2025 – *Ооржак Б.Ч., Аннай Э.К., Монгуш Н.М.* Влияние русского языка на тувинскую лексику: заимствования нового времени // Языки и фольклор коренных народов Сибири. – 2025. – № 2 (Вып. 54). – С. 22–32. – DOI: 10.25205/2312-6337-2025-2-22-32. – URL: https://www.philology.nsc.ru/journals/ykns/pdf/YFKNS_54/02.pdf. {*B.Ch. Oorzhak, E.K. Annay, N.M. Mongush. The influence of the Russian language on Tuvan vocabulary: borrowings of recent times* // Languages and Folklore of the Indigenous Peoples of Siberia. – 2025. – No. 2 (Issue 54). – Pp. 22–32. – DOI: 10.25205/2312-6337-2025-2-22-32. – URL: https://www.philology.nsc.ru/journals/ykns/pdf/YFKNS_54/02.pdf.}
- Орешкина 2023 – *Орешкина М.В.* Заимствование языковое // Социолингвистика. – 2023. – № 3 (15). – С. 147–170. – DOI: 10.37892/2713-2951-3-15-147-170. {*M.V. Oreshkina. Linguistic borrowing* // Sociolinguistics. – 2023. – No. 3 (15). – Pp. 147–170. – DOI: 10.37892/2713-2951-3-15-147-170.}
- Пальмбах, Арагачы 1963 – *Пальмбах А.А., Арагачы З.Б.* Основы тувинской орфографии. – Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1963. – 186 с. {*A.A. Palmbach, Z.B. Aragachy. Fundamentals of Tuvan orthography.* – Kyzyl: Tuvan Book Publishing House, 1963. – 186 p.}
- Прокофьева 2011 – *Прокофьева Е.Д.* Процесс национальной консолидации тувинцев. – СПб.: Наука, 2011. – 538 с. {*Ye.D. Prokofiyeva. The process of national consolidation of the Tuvans.* – St. Petersburg: Nauka, 2011. – 538 p.}
- Сат 1973 – *Сат Ш.Ч.* Формирование и развитие тувинского национального литературного языка – Кызыл: Тувин. кн. изд-во, 1973. – 194 с. {*Sh.Ch. Sat. Formation and development of the Tuvan national literary language* – Kyzyl: Tuvan book publishing house, 1973. – 194 p.}
- Сат, Салзынмаа 1980 – *Сат Ш.Ч., Салзынмаа Е.Б.* Амгы тыва литературлуг дыл. – Кызыл: Тываның ном үндүрер чери = Тувинское книжное издательство, 1980. – 258 ар.[с.] {*Sh.Ch. Sat, Ye.B. Salzynmaa (=Salzyngmaa, Salzyñmaa). Modern Tuvan literary language.* – Kyzyl: Tyvanyn nom ündürer čeri = Tuvan book publishing house, 1980. – 258 p.} (In Tuvan.)
- Татаринцев 1974 – *Татаринцев Б.И.* Русские лексические заимствования в современном тувинском языке. – Кызыл: Тув. кн. изд-во, 1974. – 116 с. {*B.I. Tatarintsev. Russian lexical borrowings in the modern Tuvan language.* – Kyzyl: Tuv. book publ. house, 1974. – 116 p.}
- Шабалин 1964 – *Шабалин В.М.* Русские лексические заимствования в тувинском литературном языке // Ученые записки. – Вып. XI. – Кызыл, 1964. – С. 311–317. {*V.M. Shabalin. Russian lexical borrowings in the Tuvan literary language* // Scholarly notes. – Issue XI. – Kyzyl, 1964. – Pp. 311–317.}
- Эшматова 2017 – *Эшматова И.С.* Тахлили тафовути маъноии истилохоти мусикиӣ дар забонҳои русӣ ва тоҷикӣ. Анализ семантического варьирования музыкальной терминологии русского и таджикского языков // Номай донишгоҳ (Ученые записки). – 2017. – № 3 (52). – С. 166–169. {*I.S. Eshmatova. Analysis of semantic variation of musical terminology in Russian and Tajik languages* // Nomai donishgoh (Scholarly notes). – 2017. – No. 3 (52). – Pp. 166–169.} (In Tajik.)

Published in the Russian Federation.

Russian Turkology (Previous Name: *Soviet Turkology*, was founded in 1970)

Has been issued as *Russian Turkology* since 2009; ISSN: 2079-9160; E-ISSN: 2712-8121
2025. № 1–2 (46–47), pp. 21–34. Journal homepage: <http://rosturcology.ru/>

УДК/UDC: 811.512.15

DOI 10.37892/2712-8121-2025-46-47-21-34

ДИАЛЕКТНЫЕ НАЗВАНИЯ РЫБОЛОВНЫХ ЗАГРАЖДЕНИЙ В ЯКУТСКОМ ЯЗЫКЕ

*Егор Револьевич Николаев*¹

¹ Кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела якутского языка
Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера
СО РАН, Якутск, Россия
1953307@mail.ru
orcid.org/0000-0003-3782-8402,
Scopus Author ID: 57190870421

© ИЯз РАН, 2025

© Николаев Е.Р., 2025

Аннотация: В статье анализируются семантические особенности диалектных названий рыболовных заграждений в якутском языке. Материалом исследования послужили лексические единицы, извлеченные из диалектологических словарей, этнографических трудов и периодических изданий. Номинации (около 30 названий), которые обозначают способы ловли рыбы путем строения различных заграждений (плотин, заездков и т. п.), относятся к группе названий орудий пассивной охоты и рыболовства. Данная лексико-тематическая группа ранее не была изучена с точки зрения лингвистики. Большинство из них вышли из активного словоупотребления, тем самым семантический анализ проводится на основе выявления мотивирующих признаков производящей основы. В исследовании были применены сравнительно-сопоставительный метод и словообразовательный анализ, а также элементы семантико-мотивационной реконструкции. Выделены, как т.н. микрогруппы, собственно якутские названия, а также заимствования из русского, эвенкийского языков и монгольские параллели. Большинство названий образованы от имен существительных и глаголов. Отыменные (в т.ч., производные от прилагательных) названия чаще акцентируют на материал (тальник, жердь, бревно), реже указывают на размер заграждения. Отглагольные названия в основном говорят о способах сооружения заграждений (например, плетение из тальника). Большинство названий – сочетания определяемого компонента *быһым* 'плотина; заграждение' с лексемами, которые обозначают различные типы заграждений. В результате анализа установлено, что мотивирующие признаки представляют собой обозначение характерных черт заграждений: их величину, форму, материал, из которого строят заграждение, функциональные особенности. В заимствованиях из русского языка происходит фонетическая адаптация русских лексем (например, *мёрда* = *муёрдэ*). Монгольские заимствования не отражают ни способы, ни орудия рыболовства. Их присутствие обусловлено семантикой составных слов в якутских номинациях заграждений. В русских и эвенкийских названиях четко прослеживаются рыболовецкие традиции.

Ключевые слова: якутский язык, диалектная лексика, названия рыболовных заграждений, семантика, мотивирующие признаки

Для цитирования: Николаев Е.Р. Диалектные названия рыболовных заграждений в якутском языке // Российская тюркология. 2025. № 1–2 (45–46). С. 21–34. DOI 10.37892/2712-8121-2025-46-47-21-34.

Dialect names of fishing barriers in the Yakut language

*Yegor Revoliyevich Nikolayev*¹

¹ PhD in Philology, senior research scientist of the Yakut language department, The Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of the Siberian branch of the Russian Academy of Sciences, Yakutsk, Russia 1953307@mail.ru
orcid.org/0000-0003-3782-8402,
Scopus Author ID: 57190870421

© IL RAS, 2025

© Nikolayev, Ye.R., 2025

Abstract: The article analyzes the semantic features of dialect names of fishing barriers in the Yakut language. The research material comprises lexical units extracted from dialectological dictionaries, ethnographic works and periodicals. The nominations (about 30 names) denote ways of catching fish by building various barriers (dams, fish weirs, etc.). They belong to the group of names of passive hunting and fishing tools. This lexical and thematic group has not been studied earlier from a linguistic perspective. Since the majority of these terms have left active vocabulary, their semantic analysis relies on identifying the motivating features of the base stem. The study applies the comparative method and word-formation analysis, as well as elements of semantic-motivational reconstruction. As a result of the analysis, the following micro-groups have been identified: inherently Yakut lexical units, borrowings from Russian and Evenki languages and Mongolian semantic parallels. Most of the lexical units are formed from nouns and verbs. The names formed from nouns and adjectives indicate the material of the fence (*tal'nik* 'willow' in Russian), poles, logs), and less often they refer to its size. The verb-derived names represent ways of constructing barriers (e.g., osier/wicker weaving). Most of the names are formed by combining the determinative component *byhyt* 'dam; barrier' with lexemes that denote different types of barriers. As a result of the analysis, it has been established that the motivating features denote the characteristic traits of the barriers, such as their size, shape, material of which the barrier is built, functional features. In borrowings from the Russian language there is a phonetic adaptation of Russian lexemes (for example, *murda* = *müörde*). Mongolian loanwords do not reflect either methods or instruments of fishing. Their presence is conditioned by the semantics of compound words in Yakut nominations of fences. In the Russian and Evenki names, distinct elements of fishing traditions are clearly traceable.

Key words: Yakut language, dialectal lexicon, names of fishing barriers, semantics, motivating features

For citation: Nikolayev, Ye.R. Dialect names of fishing barriers in the Yakut language // Russian Turkology. 2025. No. 1–2 (45–46). Pp. 21–34. DOI 10.37892/2712-8121-2025-46-47-21-34.

Введение

В нашу область исследования входит предметно-бытовая лексика якутского языка, которая содержит несколько лексико-тематических групп (микрогрупп): названия пищи; названия посуды и утвари; названия орудий и предметов труда и т. д. Особый интерес вызывают названия способы рыболовства. Изучение этой группы лексики актуально тем, что на данный момент она практически утрачена

в силу не только изменения способов рыболовства, но и социально-экономических условий – нет необходимости в подобных способах добычи пропитания.

В трудах лингвистов, посвященных изучению рыболовецкой лексики, хотя и рассматриваются различные названия способов, предметов ловли рыбы, описанию номинаций плотин, запруд, заграждений и т. п. посвящено не так много работ [Андреева 1987; Баженова 2019; Девякович 2011; Кузьмина 2014; Олесева 2006; Ракин 2014 и др.]. В тюркологии названия заграждений для ловли рыбы отмечаются в СИГТЯ [СИГТЯ 2001: 418]. В тюркских языках лексику рыболовства изучали в тувинском [Куулар 2016], хакасском [Боргояков 2001], татарском [Бятикова 2003] и др. языках. В якутском языке лексику рыболовства рассматривали А.А. Скрябина, Ю.М. Борисова [Скрябина, Борисова 2022], Н.С.у. Багдарыын [Багдарыын 2018], И.П. Павлова, Д.С. Багардынов [Павлова, Багардынов 2016], С.И. Эверстов [Эверстов 2009] и др. Однако, стоит отметить, что якутские названия рыболовных заграждений до сих пор не становились предметом лингвистического исследования.

Таким образом, **целью** данного исследования является описание диалектных названий заграждений для ловли рыбы в якутском языке и выявление мотивирующих признаков в их семантике. Исходя из поставленной цели, были поставлены следующие **задачи**: извлечь из лексикографических и иных источников названия различных типов рыболовных заграждений; определить семантику производящих основ; установить мотивирующие признаки производных номинаций.

Фактический материал был извлечен из диалектологических словарей якутского языка [ДСЯЯ 1976; ДСЯС 1995], а также из Большого толкового словаря якутского языка (2004-2016), этнографических трудов, периодических изданий на якутском языке.

О слове *быһыт* ‘плотина; заграждение’

В якутском языке лексика способов ловли рыб обычно становится предметом исследования этнографов: «... в узких, удобных местах, на небольших речках, на второстепенных протоках ... устраивают “городьбу” – по-якутски *быс* (...). Иногда забор “череза” делают в виде решетки из тонких ровных стволов молодой лиственницы, с таким расчетом, чтобы сквозь нее прошла только мелкая рыба. Такими же городьбами после убыви воды запирают глухие “курии”, ради поимки забредшей туда рыбы. Там, где на реке нет удобных для “череза” мест, устраивают в известное время года “заездки”, по-якутски *сюрюк*, что значит “быстрина”» [Серошевский 1993: 286].

Первичное значение общеякутского слова *быһыт* – невысокая изгородь типа плетня с воротцами, в которых установлены западни, петли для ловли зайцев, теревов. При ловле рыбы также используют своеобразный *быһыт* ‘заездок, изгородь (плетень) через узкие речки, протоки, виски в целях ловли рыб’ [ТСЯЯ 2005: 772–773]. Основа слова – гл. *быс* – ‘резать; перерезать; преградить’ [ТСЯЯ 2005: 748]. Назван заграждений для ловли рыбы ух компонентов-слов: первый компонент определяет материал в основном образуются из двязаграждения: тонкие деревья (в основном лиственница), кустарники (тальник), крупные прутья,

а также форму, функциональные особенности; второй компонент – определяемое доминантное слово *быһыт* ‘заграждение’.

1. Собственно якутские названия

В номинациях отражаются и выделяются те или иные доминирующие мотивирующие признаки в значении производящей основы, тем самым рыболовные заграждения можно условно выделить в следующие тематические группы:

1.1. Материал строения

аал быһыт, аб. ‘один из видов рыболовных заграждений’. Полагаем, что компонент *аал* восходит к сущ. *аал* ‘связанные вместе бревна, предназначенные для сплава леса или кратковременных перевозок, плот’ [ТСЯЯ 2004: 134–135], т. е. можно допустить, что данный тип заграждения строили из бревен.

изрэ быһыт, ордж. ‘один из видов рыболовных заграждений’. Номинация исходит от названия прутьев, из которых сделано заграждение: *ишрэ* ‘ива береговая’ [ТСЯЯ 2006: 581]. В верхоянском говоре в рыболовстве используют *изрэ туута* «верша из тальника четырехгранной формы» [Афанасьев 1965: 123].

обустары быһыт, с.-кол. ‘один из видов рыболовных заграждений’. Мотивированность четко не проявляется. Однако, можно предположить, что в основе лежит гл. *обус-* со значениями: ‘относить что-нибудь в сторону (течением)’ для изменения или усиления течения, или ‘срубить, поставить какое-либо небольшое строение’ [БТСЯЯ 2010: 215].

сизги быһыт, сунт. ‘рыболовное заграждение, сооружаемое для временного использования’. Предположительно, номинация заграждения исходит от слова *сизги* ‘длинная прочная волосяная верёвка, бечева’ [БТСЯЯ 2011: 469]. Однако, вряд ли для временного устройства использовали волосяную веревку. Скорее всего, это *сизгэ талах* ‘вид тальника, используемый благодаря гибкости для связки, чернотал’, от которого было образовано *сизгэ* ‘срезанный вдоль наружный слой ствола тальника, используемый для связки чего-л.; тальниковый ремешок’ [БТСЯЯ 2011: 356].

сэдиp/хэдиp/сэтиp быһыт, верх. ‘закол через речку из сложенных горизонтально веточек, тальника’ [Афанасьев 1965: 124]. Имеет лексические параллели с алт. *чедэн*¹ ‘городьба, частокол, плетень’, *чэпэр* ‘плетень, забор’, чагат. *чэч* ‘плетушки из тонких сучьев для ловли рыбы’, шор. *чэзэ* ‘заездка (забор для ловли рыбы)’ [Антонов 1971: 74]. Название произошло от обозначения ветвей тальника: сущ. *сэтиp* ‘ветви деревьев или обрезанные ива, тальник; какое-л. сооружение из такого материала’ [БТСЯЯ 2012: 611].

тоһоҕо быһыт, букв. кол+заграждение=Noun+Noun. Традиционный тип рыболовного заграждения, указывающий на особенности строения – из кольев (приемущественно, лиственницы).

¹ В стандартной алтайской орфографии – ‘чеден’ и т.д. См. Орус-алтай сөзлик–Русско-алтайский словарь под ред. Н.А. Баскакова (Москва, 1964), Алтайско-русский словарь–Алтай-орус сөзлик (Горно-Алтайск, 2018) и др. нормативные словари собственно-алтайского наречия. – Прим. ред.

1.2. Функционал строения

далаһа быһыт, аб., сакк. ‘один из видов рыболовных заграждений’, букв. мосток+заграждение. В литературном якутском языке *далаһа* обозначает ‘мостки у берега водоема, с которых черпают воду; настил из бревен или досок для перехода через лужу, ручей, болото, овраг’ [ТСЯЯ 2006: 94]. Вероятно, строение служило и как заграждение для ловли рыбы, и как мосток через водоем.

кэлбэ быһыт, аб., бул., верх.; ср.: *кэлбиэ*, инд. ‘заготовка для плетёного закола’. Словарь Э.К. Пекарского проясняет семантику данного названия: сущ. *кэлбэ* ‘кусок, конец, звено ручного плетеного учуга (сэбиэ)’, прилаг. *кэлбэгэр* ‘в сторону выдавшийся; расширившийся, расплывшийся’, гл. *кэлбэгэйдэт* ‘пропускать, дать пройти’ [Пекарский 1959 I: 1018].

торучча, бул., сакк. ‘заездок для ловли рыбы’. Название образовалось от гл. *торут* ‘загородив, остановить на ходу (напр., зверя); замаскировать что-л. (напр. ловушку)’ [БТСЯЯ 2013: 448] + *-чча* – имяобразующий аффикс с диминутивным значением (например, *быһах* ‘нож’ < *быһычча* ‘ножик’, *сүгэ* ‘топор’ < *сүгэччэ* ‘топорик’). Семантика данной номинации, возможно, образует с гл. *торулун* ‘робеть, бояться’ [БТСЯЯ 2010: 483–484] единое семантическое поле, т. к. в ней проявляется смысловой признак, указывающий на результат действия вследствие чего-либо, например, испуга (рыбы от преграды), т. е. заграждение изначально так устроено, рассчитано на нерестовую рыбу, плывущую и попадающую прямо в основной закуток заграждения. Однако, в пользу другой версии существуют – эвф., с.-кол. *торучча* ‘нож’, *торучча илим* ‘короткая сеть для ловли рыбы’ [Умсуура 2006: 13], которые восходят к тюрк. **dogra-* ‘нарезать ломтиками, небольшими кусочками’². Тем самым, *торучча* – это короткий по длине заездок для рыбы.

туу быһыта, букв. верша+заграждение=poss.3sg. Мотивация названия указывает на то, что верша становилась частью запруды. Як. *туу* восходит к тюрк. *туу*, уйгур. *туу*, хакас. *туу*, шор. *туу*, як. *түү*, тув. *duy-da-*, тоф. *duy*, кирг. *туу*, башк. диал. *tüw* ‘рыболовная снасть, сплетённая из лыка, деревянных пластин и прутьев в виде узкой воронкообразной корзины, верша’: др.-тюрк.: *туу*, караханид. *Туу* репрезентирует образование вторичных долгих гласных в якутском языке в группе основ, имеющих только тюркские соответствия (по модели: гласный+к, г, б, в, д, например, **tük* → *түү* ‘шерсть; волос’ и др.) [Антонов 2019: 38–39].

устуу быһыта, сакк. ‘один из видов рыболовных заграждений’, букв. плавание+заграждение=poss.3sg. Мотивирующий признак указывает на обусловленность от гл. *уһун-* ‘плыть’, т. е. заграждение ставили во время активного заплыва, нереста рыбы.

1.3. Внешний признак строения

В названиях отражаются некоторые особенности заграждений, например: изгибающийся, сплошной характер; размер (короткий);

куойа быһыт, аб., с.-кол. ‘рыболовное заграждение из мелких листовенниц или тальника’. Возможно, что номинация восходит к *куойа* ‘ободок рыболовного

² Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы «В», «Г» и «Д». – Москва: Издательство «Наука», 1980 – С. 248–249.

сака' [БТСЯЯ 2007: 487–488]. Вероятно, что *куойа* является усеченным вариантом *куокуйа быһыт*, бул. 'один из видов рыболовных заграждений' или *куобайа*, которая конструктивно похожа на *сантыы*: имелись несколько ворот, оставляемых в стенках, зигзагами уходящих к середине озера. В этих воротах могли вставить и по одной, и по паре верш [Николаев 2009: 230]. *Куобайа* по конструкции является продолжением, усовершенствованием *сантыы*. Видимо, поэтому в некоторых источниках иногда присутствует название *куобайа сантыы*, имеющий синонимы *мунньан*, букв. извивающийся, *элиэ кынат*, букв. коршун+крыло = Noun+Noun [Лыткин 2017: 17]. Мы склоняемся к тому, что в основе названия лежит признак «изгибающийся» от гл. *куобай-* 'плавно наклоняться, склоняться, сгибаться (о верхней части длинных и тонких предметов)' [БТСЯЯ 2007: 484].

кэлимсэ быһыт, горн. 'один из видов рыболовных заграждений'. В основе мотивированности названия лежит его внешний признак – плотно плетеный из тальника: прилаг. *кэлимсэ* 'нераздельный, цельный, сплошной' [БТСЯЯ 2008: 472].

кэрчим быһыт, ордж. 'один из видов рыболовных заграждений'; *кэрчэм быһыт*, аб., горн., толок. 'один из видов рыболовных заграждений'; *кэччэм быһыт*, вил. 'один из видов рыболовных заграждений'. Скорее всего, здесь мотивация исходит от размера заграждения – короткий: от сущ. *кэрчик* 'короткая линия между двумя точками, отрезок' [БТСЯЯ 2008: 548].

тарахана быһыт, вил. 'один из видов рыболовных заграждений'. Возможно, от прил. *тарабар* 'торчащий в разные стороны, растопыренный' [БТСЯЯ 2013: 239]. Есть другой фонетический вариант *тарахана* – *тарабана* и подробное описание: по форме напоминала стрелу. Стенки, начинаясь от берега шли прямо к середине озера. Там, обрываясь, они оставляли по обе стороны два воротца для закладки верш. Для направления рыбы по обе стороны ставились две короткие стены, наподобие двух жал пикообразной стрелы [Николаев 2009: 230]. Тем самым мотивирующий признак *тарахана быһыт* – растопыренный или имеющий ответвление.

1.4. Способ строения

өрүндэ быһыт, олекм. 'один из видов рыболовных заграждений'; *өрүү быһыт*, аб., горн., мом., нюрб., с.-кол., ойм., олекм. 'один из видов рыболовных заграждений', букв. плетеное заграждение. Судя по *өрүндэ*, коб. 'корзина', производящая основа *өр-* 'плести, сплести, заплести' [БТСЯЯ 2010: 446] указывает на то, что заграждение было сплетено из тонкого тальника, кустарников.

К различным типам мотивированности названий рыболовных заграждений можно отнести следующие примеры:

сэлии быһыт, толок. 'один из видов рыболовных заграждений'. В БТСЯЯ *сэлии* представлен в значении 'осенняя охота на конях с собаками за лисицами, песцами' [БТСЯЯ 2012: 556], однако он не позволяет выстролить семантическую картину данной номинации.

эмэхсинэ, ойм. 'загородка по обе стороны верши для прохода рыб, устраиваемая в проёмах рыболовной запруды зимой', букв. '[его] старуха'. Мотивация, без сомнения, основана на эвфемизации в лексике охоты и рыболовства. Замена названия другим словом, опосредованное обозначение является распространенным явлением, связанным с древними поверьями, интегрирующемся в промы-

словом культе. В якутском языке часто используют термины родства в качестве эвфемизмов: *обонньор* ‘медведь; букв. старик’, *эдьиий* ‘оспа; букв. сестра’. Эвфемистические названия часто употребляются в охотничьей лексике: *кыталык* ‘ружье; букв. стерх’, *кул* ‘порох; букв. зола’, *тайах* ‘копье; букв. трость’ [Луковцев 1980: 101, 102]. Возможно, здесь наблюдается гендерный аспект эвфемизации, когда обозначение подразумевает женскую физиологию, например: *тимэх тыһыта* ‘прорезь для петли’, букв. пуговица+самка [БТСЯЯ 2013: 353]. В нашем случае, в номинации рыболовного заграждения отмечается проем подо льдом, где может собираться рыба.

С затемненной этимологией можно считать термин *барындай/барындай быһыта*, аб. ‘один из видов рыболовных заграждений’. В данном сочетании слов второе имя оформляется аффиксом принадлежности 3-го л. ед. ч (POSS.3SG) и буквально дает представление о том, что заграждение [чье-то] или указывает на его местонахождение. Осмысление семантики приводит к устар. слову *барын* ‘западный; западная сторона’, однако, не дает окончательного ответа.

В нюрбинском говоре присутствует слово *ырыына* ‘рыболовное заграждение, которое строили узких местах речки, когда начинает спадать вода’ [Николаева, Гаврильев 2022: 49]. В оймьяконском говоре *ырыына* обозначает старицу *элгээн*, а в словаре Э.К. Пекарского – мелкий водоем (на Алдане) [Пекарский 1959 III: 3824]. Как географический термин *ырына* в амгинском и таттинском говорах обозначает ‘застоявшуюся в понижениях, ложбинах воду (после половодья)’, в жиганском говоре – приток речки, а *ырыына*: баяг. ‘глубокое место в реке’, олекм. ‘заливаемое в половодье место’ [БС 2019: 315, 316]. Для сравнения: в тюркских языках отмечается географический термин *ирим* ‘пучина, омут, заводь, водоворот (кирг.)’; плес, отдельные озерки; отрезки пересыхающей реки с текущей водой, ниже уходящей в галечный или песчаный аллювий; плесы маловодной реки (казах.) [Мурзаев 1984: 235]. Во всяком случае, слово *ырыына* связано с образовавшимся водоемом после половодья.

2. Названия, имеющие монгольские лексические параллели

дэлбэ быһыт, сакк. ‘один из видов рыболовных заграждений’. В ДСЯЯ указывается, что слово восходит к п.-монг. **delbing* ‘отогнутый; оторочка, околыш’ [ДСЯЯ 1976: 91].

өксөлгө, сунт. ‘один из видов рыболовных заграждений’; *өксөлгө быһыт*, нюрб. ‘один из видов рыболовных заграждений’; *өксөтүү быһыта*, сакк. ‘один из видов рыболовных заграждений’. Эти номинации образовались от гл. *өксөй-* ‘плыть против течения (о рыбе, во время нереста)’ [БТСЯЯ 2010: 405], т. е. заграждение строили во время нереста, когда рыба поднимется вверх по течению к традиционному месту нереста. Тому есть подтверждение: *өксөлгөн*, в.-кол. ‘рыба, истощенная во время сезонной миграции’, *өксөтүү балыга*, сакк., букв. нерестовая рыба, пойманная в заграждении. Глагольный тип мотивации образует также расширение семантики слова: *өксөлгөн атах*, аб. ‘особый вид кольев изгороди’, букв. колья-ноги. По В.И. Рассадину, относится к монголизмам [Рассадин 1980: 74].

Сибиэ, у.-май., в.-вил. ‘один из видов рыболовных заграждений’. В основе мотивирующего признака лежит внешний признак, указывающий на характер

плетения заграждения из тонких тальников – на плотность плетения, тем самым заграждение предназначалось для рыб разного размера и для мелкой, и для большой рыбы. Производящая основа – гл. *симэ* ‘очень часто, плотно, густо’ [БТСЯЯ 2011: 407]. Нормативный вариант – *сибиэ* также указывает на мелкие ячейки или строчки (например, о сетке, стежке, сети, посуде) [БТСЯЯ 2011: 343]. В данный семантический ряд включается и другие названия рыболовного заграждения: *сиибийэ*, коб. ‘один из видов рыболовных заграждений’, *симиш быһыт*, сунт. ‘один из видов рыболовных заграждений’, основой который является гл. *симэ*. Восходит к бур.-монг. *шэбээ* ‘изгородь, частокол; палисадник’, *шэбээдэһэ(н)* ‘насыпь, вал; плотина’, бур. зап. *шэбээһэн* ‘заездок (для ловли рыбы)’ [БМРС 1951: 710; БРС 2010: 632].

3. Названия, заимствованные из русского языка

Количество русизмов дореволюционного времени насчитывают около 2800 слов [Слепцов 1964: 12]. Заимствованные слова представляют те новации, которые появились с приходом русских и их освоением местного северного ландшафта. В заимствованиях из русского языка, прежде всего, отражается сингармонизм гласных звуков якутского языка, происходит фонетическая адаптация русских слов:

мөрөөһө/мөрөһө быһыта, аб. ‘заграждение из прутьев для ловли рыбы мерёжей’; *мөрүдэ быһыт*, ордж. ‘один из видов рыболовных заграждений’. От кол.-рус. *мерёжа* ‘сетевая рыболовная снасть; ручную связанная часть невода’ [Русскоустынский словарь 2024: 149].

мүөрдэ быһыт, аб., нюрб., с.-кол. ‘заграждение из прутьев для ловли рыбы мерёжей’, *мүөндэ*, нюрб.: «городьбовые стенки из тонкого тальника или тонких молодых лиственниц. Охапки последних, разостлав на земле, прищемляли определенным количеством зажимов из двух палок, положенных сверху и снизу» [Николаев 2009: 230]. Образовано от рус. диал. *мёрда* ‘рыболовный снаряд, сплетенный из прутьев или толстых ниток, (сети) на обручах, верша’ [СРНГ 1981: 113].

сайыаска, аб., лен., с.-кол., в.-кол. ‘зимнее рыболовное заграждение’; от рус. диал. *заездок* ‘небольшое сооружение, перегораживающее часть реки для ловли рыбы’ [Русскоустынский словарь 2024: 110], *заездка* и *заезка*, *заёзка* ‘жерди, из которых делается такое устройство; перегораживание реки частоколом для ловли рыбы перед ледоходом’ [СРНГ 2002: 10, 77].

сантыы – заграждение, застенок из веток или ивы по обеим сторонам верши для загона рыбы [БТСЯЯ 2011: 235]; «... строилась на мысках суши, вдающихся в водоем. оставляя ворота прямо у края воды, стенка их “мүөрдэ” уходила далеко в озеро от выступа мыса. В воротах вставлялись две верши, устьями в обе стороны. Стенка “сантыы” обычно занимала всю неглубокую часть водоема» [Николаев 2009: 230]. *Сантыы* – заимствованное слово от кол.-рус. *шантá* ‘неполный езь, однако больше заезка, до одной третьей части всей реки’ [Пекарский 1959 II: 2075]. В словаре В. Даля: *шантá*, колымск. ‘неполный закол для ловли рыбы’³. Фонетические варианты: *сарда* ‘один из рыболовных снарядов (для ловли в озере

³ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. – В 4 т. – Т. 4 (Т–ящур) / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. – 2-е. изд., стер. – М.: Прогресс, 1987. – С. 405.

карасей и мунде)', *санда* 'плетень в 1/3 сажени, забой (отличается от *быһыт* тем, что ставится на больших реках у самого берега' [Пекарский 1959 II: 2075, 2080]. *Санты* как *хантыылааһын* как способ ловли тайменя, щуки, налима, язя использовали также в Нюрбинском улусе [Николаева, Гаврильев 2022: 49].

чөрөһүбүөй быһыт, в.-кол. 'рыболовное заграждение на речке', *сирэһэбуой; чараһабуой*, с.-кол. заимствовано из рус. диал. *березовая забойка* – заграждение через всю ширину реки. Здесь мы видим фонетическую адаптацию березовой забойки.

ыскаамыйа быһыт, ордж. 'один из видов рыболовных заграждений'. На данный момент есть только одна версия: от рус. *скамья* (?). Любопытно, что также существует *ыскаамыйа күрүө*, ордж., толок. 'разновидность изгороди', букв. скамья-изгородь. Возможно, название указывает на особенности его строения: чтобы колья заграждения не унесло сильным течением, с двух сторон соединяли плотину, утрамбовывая гравием, крупными камнями, глинистой почвой или поперек водоема кладут толстые жерди из лиственницы и связывают их [Николаева, Гаврильев 2022: 49].

4. Названия, заимствованные из эвенкийского языка

Якутско-эвенкийское взаимовлияние, безусловно, проявляется в различных тематических группах, в т. ч. в лексике традиционных промыслов и рыболовства [Романова 1975: 158–160]:

налба быһыт, аб., нюрб., олекм. 'разновидность рыболовных заграждений'; *налба*, лен. 'щит из ивовых прутьев или молодых лиственниц для рыболовного заграждения'; у.-май. 'рыболовное заграждение'; ср.: эвенк. *налба* 'плетенка из тальника для речного запора; плетеная морда' [Мыреева 2004: 392]. Н.К. Антонов относит к монг.-бур. *налмайх* 'быть широким, растилающимся' [Антонов 1971: 76].

уокаан, уокан, кол. 'заездок, в воротцах которого вставлены верши с обеих сторон, в основном для ловли налима'. Диминутивный аффикс *-каан* указывает на заимствованность из эвенкийского языка: у-кй 'заездок, закол, запор'⁴ [Мыреева 2004: 665].

Заключение

В работе нами было проанализировано около 30 диалектных названий рыболовных заграждений в якутском языке. Основным способом образования названий заграждений является сочетание слов, состав которого оформляется определяющим

⁴ См.: **укй** 1) снасть (рыболовная), ловушка для рыбы (*вентерь, мережа, верша*); **бу укилэвр нулгичэвун** мы поочевали к своим рыболовным снастям; 2) закол (*приспособление для ловли рыбы — заграждение из кольев, прутьев или плетня*). ; **укй-** ставить закол (*с ловушкой для рыбы*). ; **укйкйт/ч-** место, где устраивают закол для ловли рыбы. ; **укйма** дерево с ободранной корой (*высохшее*). ; **укйң-** (тж. графич. <укйң>) 1) делать ловушки для ловли рыбы; 2) караулить рыбу у закола. ; <...> **укйт/-ч-** ловить рыбу снастями (*ставя закол и ловушки*). Из: Б.В. Болдырев. Эвенкийско-русский словарь. – Часть 2. – Р-Я – Новосибирск: Издательство СО РАН, Филиал «ГЕО», 2000. – С. 185. (Прим. ред.)

и определяемым лексемами. Определяемое слово в большинстве случаев обозначается как *быһыт* 'плотина; заграждение'. В основе мотивированности определяющих лексем лежат различные признаки, которые характеризуют рыболовные заграждения: материал, размер, форма, функциональные особенности, способы строения. В рассмотренных названиях используется семантический тип мотивированности, поскольку признаки проявляются в семантике производящих основ.

Большинство рассмотренных названий относятся к исконно якутской лексике. Присутствие монгольских и эвенкийских заимствований отражает лексический состав якутского языка в целом. Заимствования из русского и эвенкийского языков свидетельствуют о рыболовецких традициях, которые существовали на время взаимопроникновения традиционной промысловой культуры. Русизмы прошли путь фонетической адаптации согласно закону сингармонизма гласных в якутском языке.

Рассмотренные названия рыболовных заграждений охватывают преимущественно периферийные диалектные зоны якутского языка – олекмо-вилюйскую (сунтарский, нюрбинский, вилюйский, кобыйский говоры), северо-восточную (колымские говоры), т. е. ключевым фактором их образования является особенность окружающей среды (обилие природных водоемов (рек, речек) и различных видов рыбы), которая означает и в языке. Тем самым комплекс диалектных названий заграждений для ловли рыбы обусловлен развитием на протяжении длительного времени данного вида промысла как одного из традиционных видов занятий якутов (саха).

Сокращения

Языки, диалекты и говоры

аб. – абыйский говор
 алт. – алтайский язык
 башк. диал. – диалект башкирского языка
 баяг. – баягинский подговор таттинского говора
 бул. – булунский говор
 бур. зап. – западный диалект бурятского языка
 бур.-монг. – бурято-монгольский язык
 верх. – верхоянский говор
 в.-кол. – верхнеколымский говор
 вил. – вилюйский говор
 горн. – горный говор
 др.-тюрк. – древнетюркский язык
 инд. – индигирский говор
 казах. – казахский язык
 караханид. – караханидский язык
 кирг. – киргизский язык
 коб. – кобыйский говор
 колымск. – язык колымских русских
 кол.-рус. – колымско-русский язык
 кол. – колымские говоры якутского языка
 лен. – ленский говор
 мом. – момский говор
 нюрб. – нюрбинский говор
 ойм. – оймьяконский говор

олекм. – олёкминский говор
 ордж. – орджоникидзеvский говор
 п.-монг. – письменно-монгольский
 рус. диал. – диалект русского языка
 рус. – русский язык
 сакк. – саккырырский подговор верхоянского говора
 с.-кол. – среднеколымский говор
 сунт. – сунтарский говор
 токк. – токкинский говор
 тоф. – тофаларский язык
 тюрк. – тюркский язык
 чагат. – чагатайский язык
 уйгур. – уйгурский язык
 у.-май. – усть-майский говор
 хакас. – хакасский язык
 эвенк. – эвенкийский язык

Общие

букв. – буквально
 гл. – глагол
 прилаг. – имя прилагательное
 ср. – сравни
 сущ. – имя существительное
 устар. – устаревшее слово

Литература

- Антонов 2019 – Антонов Н.К. Исследования по исторической лексике якутского языка: (фонетические особенности именных основ). – Якутск: Издательский дом СВФУ, 2019. – 303 с. {*N.K. Antonov. Studies on the Historical Lexicon of the Yakut Language: (Phonetic Features of Noun Bases).* – Yakutsk: Publishing House of NEFU, 2019. – 303 p.}
- Антонов 1961 – Антонов Н.К. Лексические особенности говора якутов Абыйского района / Сборник диалектологических материалов якутского языка. – Якутск: Якутское книжное изд-во, 1961. – С. 91–117. {*N.K. Antonov. Lexical Peculiarities of the Yakut Dialect of the Abyi District / Collection of Dialectological Materials of the Yakut Language.* – Yakutsk: Yakutsk Book Publishing House, 1961. – Pp. 91–117.}
- Антонов 1971: Антонов Н.К. Материалы по исторической лексике якутского языка / отв. ред. проф. И.М. Романов. – Якутск: Якутское книжное изд-во, 1971. – 172 с. {*Antonov N.K. Data on the Historical Lexicon of the Yakut Language / ed. by Prof. I.M. Romanov.* – Yakutsk: Yakutsk Book Publishing House, 1971. – 172 p.}
- Андреева 1987: Андреева Е.П. Наименования рыболовецких орудий запорной системы в деловой письменности Белозерья XV–XVII вв. // Диалектное и просторечное слово в диахронии и синхронии: Межвузовский сборник научных трудов. – Вологда: Русь, 1987. – С. 3–10. {*Ye.P. Andreyeva. Names of Fishing Tools of the Locking System in the Business Writings of Belozero in the 15th–17th centuries // Dialect and Substandard Language in Diachrony and Synchrony: Interuniversity Collection of Scholarly Works.* – Vologda: Rus, 1987. – Pp. 3–10.}
- Афанасьев 1965: Афанасьев П.С. Говор верхоянских якутов / отв. ред. Е.И. Коркина. – Якутск: Якут. кн. изд-во, 1965. – 176 с. {*P.S. Afanasiyev. The Dialect of the Verkhoyansk Yakuts / Ed. by Ye.I. Korkina.* – Yakutsk: Yakut Book Publishing House, 1965. – 176 p.}
- Багдарыын 2018: Багдарыын, Нь.С.у. (Багдарыын Ньургун Сүлбэ уола = Багдарыын Сүлбэ уола Ньургун.) Рыболовная лексика в топонимии северо-запада Республики Саха // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2018. – № 10-1(88). – С. 45–52. {*Bagdaryyn, Ny.S.u. (Bagdaryyn Nyurgun Sülbe uola = Bagdaryyn Sülbe uola Nyurgun.) Fishery Vocabulary in the Toponymy of the North-West of the Republic of Sakha // Philology. Theory & Practice.* – 2018. – No. 10-1(88). – Pp. 45–52.}
- БС 2019: Багдарыын Сүлбэ. (=М.С. Иванов–Багдарыын Сүлбэ.) Талыллыбыт үлэлэр [Избранные труды.]. – Т. 7: Словарь топонимной лексики Республики Саха (Якутия): местные географические термины и понятия. – Дьокуускай: Бичик, 2019. – 328 с. {*Bagdaryyn Sülbe. (=M.S. Ivanov–Bagdaryyn Sülbe.) Talılıbit üleler [Selected works.].* – Vol. 7: Dictionary of Toponymic Lexicon of the Republic of Sakha (Yakutia): Local Geographical Terms and Concepts. – Dyoikuuskay (/Yakutsk): Bichik, 2019. – 328 p.} (In Yakut and Russian.)
- Баженова 2019: Баженова Т.Е. Лексика рыболовства в самарских говорах // Лексический атлас русских народных говоров: Материалы и исследования. – 2019. – № 13. – С. 37–51. {*T.Ye. Bazhenova. Fishing Vocabulary in Samara Dialects // Lexical Atlas of Russian Folk Dialects: Data and Research.* – 2019. – No. 13. – Pp. 37–51.}
- Боргояков 2011: Боргояков В.А. Лексика охоты и рыболовства в диалектах хакасского языка: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Москва, 2001. – 22 с. {*V.A. Borgoyakov. Lexicon of Hunting and Fishing in Dialects of the Khakass Language: author's abstract of the dissertation for the degree of Candidate of Philological Sciences.* – Moscow, 2001. – 22 p.}
- БМРС 1951: Бурят-монгольско-русский словарь: Около 25000 слов: С прил. краткого граммот. справочника по бурят-монгол. яз. / Сост. к.м. Черемисов; под ред. Ц.Б. Цыдендамбаева. – М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1951. – 852 с. {*Buryat-Mongolian-Russian Dictionary: About 25,000 words: With an Appendix of a Brief Grammatical Guide to the Buryat-Mongolian Language / Comp. by K.M. Cheremisov; ed. by Ts.B. Tsydendambayev.* – Moscow: State Publishing House of Foreign and National Dictionaries, 1951. – 852 p.}
- БРС 2010: Шагдаров Л.Д., Черемисов К.М. Бурятско-русский словарь. – Т. II. – О–Я. – Улан-Удэ: Изд-во ОАО «Республиканская типография», 2010. – 708 с. {*L.D. Shagdarov, K.M. Cheremisov. Buryat-Russian Dictionary.* – Vol. 2. – O–Ya. – Ulan-Ude: OJSC “Republican Typography” Publishing House, 2010. – 708 p.}

- БТСЯЯ 2007: Большой толковый словарь якутского языка. – Т. IV: (Буква К) / Под ред. П.А. Слепцова. – Новосибирск: Наука, 2007. – 672 с. {Big Explanatory Dictionary of the Yakut Language. – Vol. 4: (Letter K) / Ed. by P.A. Sleptsov. – Novosibirsk: Nauka, 2007. – 672 p.}
- БТСЯЯ 2008: Большой толковый словарь якутского языка. – Т. V: (Буква К: күөлэһис гын – кээчэрэ) / Под ред. П.А. Слепцова. – Новосибирск: Наука, 2008. – 616 с. {Big Explanatory Dictionary of the Yakut Language. – Vol. 5: (Letter K: küölehis gın – keečere) / Ed. by P.A. Sleptsov. – Novosibirsk: Nauka, 2008. – 616 p.}
- БТСЯЯ 2010: Большой толковый словарь якутского языка. – Т. VII: (Буквы Нь, О, Ө, П) / Под ред. П.А. Слепцова. – Новосибирск: Наука, 2010. – 519 с. {Big Explanatory Dictionary of the Yakut Language. – Vol. 7: (Letters Ny, O, Ö, P) / Ed. by P.A. Sleptsov. – Novosibirsk: Nauka, 2010. – 519 p.}
- БТСЯЯ 2011: Большой толковый словарь якутского языка. – Т. VIII: (Буква С – сөллөбөр) / Под ред. П.А. Слепцова. – Новосибирск: Наука, 2011. – 572 с. {Big Explanatory Dictionary of the Yakut Language. – Vol. 8: (Letter S – söllögör) / Ed. by P.A. Sleptsov. – Novosibirsk: Nauka, 2011. – 572 p.}
- БТСЯЯ 2012: Большой толковый словарь якутского языка. – Т. IX: (Буква С – сөллөй – сээн, буква Ы) / Под ред. П.А. Слепцова. – Новосибирск: Наука, 2012. – 630 с. {Big Explanatory Dictionary of the Yakut Language. – Vol. 9: (Letter S – söllöy – seen, letter Y) / Ed. by P.A. Sleptsov. – Novosibirsk: Nauka, 2012. – 630 p.}
- БТСЯЯ 2013: Большой толковый словарь якутского языка. – Т. X: (Буква Т: т – төһүүлээ) / Под ред. П.А. Слепцова. – Новосибирск: Наука, 2013. – 575 с. {Big Explanatory Dictionary of the Yakut Language. – Vol. 10: (Letter T: t – töhüüle) / Ed. by P.A. Sleptsov. – Novosibirsk: Nauka, 2013. – 575 p.}
- Бятикова 2003: Бятикова О.Н. Лексика рыболовства в татарском литературном языке: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Казань, 2003. – 26 с. {O.N. Byatikova. Lexicon of Fishing in the Tatar Literary Language: Author's Abstract of the Dissertation for the Degree of Candidate of Philological Sciences. – Kazan, 2003. – 26 p.}
- Девякович 2011: Девякович А.А. Тематические группы рыболовецкой лексики в диалектах селькупского языка // Сибирский филологический журнал. – 2011. – № 2. – С. 130–136. {A.A. Devyakovich. Thematic Groups of Fishing Lexicon in Dialects of the Selkup Language // Siberian Philological Journal. – 2011. – No. 2. – Pp. 130–136.}
- ДСЯС 1995: Дialectологический словарь языка саха: дополнительный том: содержит около 5000 слов / составители: М.С. Воронкин, М.П. Алексеев, Ю.И. Васильев. – Новосибирск: Наука, 1995. – 294 с. {Dialectological Dictionary of the Sakha Language: Supplementary Volume: Contains About 5,000 words / comp. by: M.S. Voronkin, M.P. Alekseyev, Y.I. Vasiliev. – Novosibirsk: Nauka, 1995. – 294 p.}
- ДСЯЯ 1976: Дialectологический словарь якутского языка: Содержит свыше 8500 слов / Сост. П.С. Афанасьев, М.С. Воронкин, М.П. Алексеев; АН СССР, Якут. филиал Сиб. отд-ния, Ин-т яз., литературы и истории. – Москва: Наука, 1976. – 392 с. {Dialectological Dictionary of the Yakut Language: Contains over 8,500 words / Comp. by P.S. Afanasiyev, M.S. Voronkin, M.P. Alekseyev; USSR Academy of Sciences, Yakut branch of the Siberian Branch, Institute of Language, Literature and History. – Moscow: Nauka, 1976. – 392 p.}
- Кузьмина 2014: Кузьмина Р.П. Лексико-семантические группы рыболовецкой лексики эвенского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 10-2 (40). – С. 96–100. {R.P. Kuz'mina. Lexical-Semantic Groups of Fishing Vocabulary of the Even Language // Philology. Theory & Practice. – 2014. – No. 10-2 (40). – Pp. 96–100.}
- Куулар 2016: Куулар Е.М. Лексика традиционных орудий и способов ловли в диалектах тувинского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – Ч. 3. – № 12 (66). – С. 125–127. {Ye.M. Kuular. Vocabulary of Traditional Fishing Tools and Methods in the Dialects of the Tuvan Language // Philology. Theory & Practice. – 2016. – Part 3. – No. 12 (66). – Pp. 125–127.}
- Луковцев 1980: Луковцев А.С. Слова-табу в лексике якутских охотников / Актуальные вопросы якутской лексикологии и лексикографии: сборник научных трудов / отв. ред.: Е.И. Коркина, П.А. Слепцов. – Якутск: Якутский филиал СО АН СССР, 1980. – С. 95–101. {A.S. Lukovtsev. Taboo Words in the Lexicon of Yakut Hunters / Current Issues of Yakut Lexicology and Lexicography: A Collection of Scholarly Papers / ed. by Ye.I. Korkina, P.A. Sleptsov. – Yakutsk: Yakut Branch of the Siberian Division of the Academy of Sciences of the USSR, 1980. – Pp. 95–101.}

- Лыткин 2017: *Лыткин И.* Туунан балыктааһын = Ловля рыбы вершой // Байанай. – 2017. – № 8 (88). – С. 16–19. {*I. Lytkin.* Tuunan baliktaahın = Fishing with a Weel (/Basket/Trap) // Bayanay. – 2017. – No. 8 (88). – Pp. 16–19.}
- Мурзаев 1984: *Мурзаев Э.М.* Словарь народных географических терминов. – Москва: Мысль, 1984. – 653 с. {*E.M. Murzayev.* Dictionary of Folk Geographical Terms. – Moscow: Mysl' [Thought], 1984. – 653 p.}
- Мыреева 2004: *Мыреева А.Н.* Эвенкийско-русский словарь: около 30000 слов / отв. ред. д. филол. н. В.А. Роббек. – Новосибирск: Наука, 2004. – 796 с. {*A.N. Myreyeva.* Evenki-Russian Dictionary: about 30,000 words / ed. by Dr. of philological sciences (/PhD in Philology) V.A. Robbek. – Novosibirsk: Nauka, 2004. – 796 p.}
- Николаев 2009: *Николаев С.И.* Народ саха: монография. – Якутск: Якутский край, 2009. – 299 с. {*S.I. Nikolayev.* The Sakha People: A Monograph. – Yakutsk: Yakutskiy kray [The Yakut Land], 2009. – 299 p.}
- Олесева 2006: *Олесева Н.Г.* Названия орудий лова в говорах камчадалов // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2006. – № 1 (9). – С. 153–165. {*N.G. Olesova.* Names of Fishing Tools in the Dialects of the Kamchadals // The Humanities and Social Sciences in the Far East. – 2006. – No. 1 (9). – Pp. 153–165.}
- Павлова 2016: *Павлова И.П.* Номинации орудий охоты и рыболовства в лексике якутского языка / И.П. Павлова, Д.С. Багардынов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 8-2 (62). – С. 132–134. {*I.P. Pavlova.* Nominations of Hunting and Fishing Tools in the Yakut Vocabulary / I.P. Pavlova, D.S. Bagardynov // Philology. Theory & Practice. – 2016. – № 8-2 (62). – Pp. 132–134.}
- Пекарский 1959: *Пекарский Э.К.* Словарь якутского языка. 2-е изд-е. – Ленинград: Издание АН СССР, 1959. – Т. I. – 1278 стлб. – Т. II. – 2010 стлб. – Т. III. – 3858 стлб. {*E.K. Pekarskiy.* Dictionary of the Yakut Language. 2nd ed. – Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1959. – Vol. 1. – 1278 columns; – Vol. 2. – 2010 columns; – Vol. 3. – 3858 columns.}
- Ракин 2014: *Ракин А.Н.* Лексика рыболовства в удмуртском языке // Финно-угорский мир. – 2014. – № 1 (18). – С. 29–34. {*A.N. Rakin.* Fishing Vocabulary in the Udmurt Language // Finno-Ugric World. – 2014. – No. 1 (18). – Pp. 29–34.}
- Рассадин 1980: *Рассадин В.И.* Монголо-бурятские заимствования в сибирских тюркских языках. – М.: Наука, 1980. – 115 с. {*V.I. Rassadin.* Mongol-Buryat Borrowings in Siberian Turkic Languages. – Moscow: Nauka, 1980. – 115 p.}
- Романова, Мыреева, Барашков 1975: *Романова А.В., Мыреева А.Н., Барашков П.П.* Взаимовлияние эвенкийского и якутского языков / Отв. ред. Н.И. Гладкова: Акад. наук СССР, Якут. фил. Сиб. отд-ния, Ин-т яз., лит. и истории. – Ленинград: Наука, Ленинградское отделение, 1975. – 210 с. {*A.V. Romanova, A.N. Myreyeva, P.P. Barashkov.* Interactions between the Evenki and Yakut Languages / Editor-in-Chief: N.I. Gladkova: Acad. of Sciences of the USSR, Yakut branch of the Siberian Division, Institute of Language, Literature and History. – Leningrad: Nauka, Leningrad Branch, 1975. – 210 p.}
- Русско-устынский словарь / составители: Т.А. Бердникова, И.А. Чикачёв; научный редактор Т.А. Бердникова; автор предисловия В.Л. Васильев. – Якутск: Типография СМИК, 2024. – 383 с. {*The Russkoye Ustiyе Dialect Dictionary / comp.: T.A. Berdnikova, I.A. Chikachev/(Chikachov); academic editor T.A. Berdnikova; author of the foreword V.L. Vasiliyev.* – Yakutsk: Tipografiya SMIK [SMIK (/СМЫК) Printing House], 2024. – 383 p.}
- Серошевский 1993: *Серошевский В.Л.* Якуты. Опыт этнографического исследования. 2-е изд. – Москва, 1993. – 744 с. {*V.L. Seroshevskiy (Sieroszewski, Wacław Kajetan).* The Yakuts. An Experience of Ethnographic Research. 2nd ed. – Moscow, 1993. – 744 p.}
- Скрябина 2022: *Скрябина А.А.* Устаревшие и диалектные слова в рыболовной лексике якутского языка / А.А. Скрябина, Ю.М. Борисова // Мир науки. Социология, филология, культурология. – 2022. – Т. 13. – № 4. — URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/24FLSK422.pdf> (дата обращения: 30.04.2025). {*A.A. Skryabina.* Obsolete and Dialectal Words in the Fishing Vocabulary of the Yakut Language / A.A. Skryabina, Y.M. Borisova // World of Science. Sociology, Philology, Cultural Studies. – 2022. – Vol. 13. – No. 4. — URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/24FLSK422.pdf> (access date: 30.04.2025).}

- Слепцов 1964: *Слепцов П.А.* Русские лексические заимствования в якутском языке: (дореволюционный период) / отв. ред. Л.Н. Харитонов. – Якутск: Кн. изд-во, 1964. – 176 с. {*P.A. Sleptsov. Russian Lexical Borrowings in the Yakut Language: (Pre-Revolutionary Period)* / ed. by L.N. Kharitonov. – Yakutsk: Yakutsk Book Publishing, 1964. – 176 p.}
- СРНГ 1981: Словарь русских народных говоров. – Вып. 18: Масленичек – Мутарсливый / сост. Н.И. Андреева-Васина и др.; гл. ред. Ф.П. Филин. – Москва: Наука; Ленинград: Наука, Ленинградское отд-ние, 1981. – 383 с. {*Dictionary of Russian Folk Dialects. – Vol. 18: Masleniček – Mutarslivyĭ* / comp. by N.I. Andreyeva-Vasina *et al.*; ed. by F.P. Filin. – Moscow: Nauka; Leningrad: Nauka, Leningrad Branch, 1981. – 383 p.}
- СРНГ 2002: Словарь русских народных говоров. – 2-е изд. – Вып. 10: Заглазки – Заросить / Сост.: Л.И. Балахонова и др. – СПб.: Наука, 2002. – 388 с. {*Dictionary of Russian Folk Dialects. – 2nd ed. – Vol. 10: Zaglazki – Zarosit’* / Comp. by: L.I. Balakhonova *et al.* – St. Petersburg: Nauka, 2002. – 388 p.}
- ТСЯЯ 2004: Большой толковый словарь якутского языка / Под ред. П.А. Слепцова. – Новосибирск: Наука, 2004. – 680 с. (Буква А). {*The Great Explanatory Dictionary of the Yakut Language* / Ed. by P.A. Sleptsov. – Novosibirsk: Nauka, 2004. – 680 p. (Letter A)}
- ТСЯЯ 2005: Большой толковый словарь якутского языка / Под ред. П.А. Слепцова. – Новосибирск: Наука, 2005. – 912 с. (Буква Б). {*The Great Explanatory Dictionary of the Yakut Language* / Ed. by P.A. Sleptsov. – Novosibirsk: Nauka, 2005. – 912 p. (Letter B)}
- ТСЯЯ 2006: Большой толковый словарь якутского языка / Под ред. П.А. Слепцова. – Новосибирск: Наука, 2006. – 844 с. (Буквы Г, Д, Дь, И). {*The Great Explanatory Dictionary of the Yakut Language* / Ed. by P.A. Sleptsov. – Novosibirsk: Nauka, 2006. – 844 p. (Letters G, D, Dy, I).}
- Эверстов 2009: *Эверстов С.И.* Рыболовный промысел в историко-культурном наследии народа саха. – Якутск: Медиа-холдинг “Якутия”, 2009. – 120 с. {*S.I. Everstov. Fishing Industry in the Historical and Cultural Heritage of the Sakha People. – Yakutsk: “Yakutia” Media Holding, 2009. – 120 p.*}
- Николаева, Гаврильев 2022: *Николаева М.П., Гаврильев С.Л.* Үөдэй = Одей. – Дьокуускай: Алаас, 2022. – 456 с. {*M.P. Nikolayeva, S.L. Gavriilyev. Üödey = Odey (also /Yedey). – Yakutsk (/Dyokuuskay): Alaas, 2022. – 456 p.*} (In Yakut.)
- Умсуура 2006: *Умсуура.* Кэли үүтэ = Отверстие ступы // Чуораанчык. – 2006. – № 3. – С. 12–14. {*Umsuura. Kelii üüte = The Mortar [Bowl] Opening* // *Čuoraančik. – 2006. – No. 3. – Pp. 12–14*} (In Yakut.)

Published in the Russian Federation.

Russian Turkology (Previous Name: *Soviet Turkology*, was founded in 1970)

Has been issued as *Russian Turkology* since 2009; ISSN: 2079-9160; E-ISSN: 2712-8121
2025. № 1–2 (46–47), pp. 35–66. Journal homepage: <http://rosturcology.ru/>

УДК/UDC: 811.512.19

DOI 10.37892/2712-8121-2025-46-47-35-66

СОЦИАЛЬНОЕ И ЯЗЫКОВОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ДРЕВНИХ ТЮРКОВ И КИТАЯ (НА ПРИМЕРЕ ТЕРМИНА *QUNČIJ*)

*Дмитрий Владимирович Рухлядев*¹

¹ Институт языкознания РАН, Москва, Россия
кандидат исторических наук
e-mail: rukhladev@mail.ru

© ИЯз РАН, 2025

© Рухлядев Д.В., 2025

Аннотация: Статья посвящена истории термина *qunčij*, первоначально возникшего в Китае (*gōngzhǔ* 'принцесса'), а затем распространившегося в Центральной Азии в форме *qunčij*. Представлен краткий очерк истории дипломатических браков между Китаем и северными кочевниками (в т. ч. тюрками) начиная с хуннской эпохи до времен уйгуров, в которых китайские невесты именовались *gōngzhǔ*. Устанавливается, что тюркский термин *qunčij* имел три основных значения: 1) дочь/родственница правителя / знатного лица, 2) супруга правителя / знатного лица, 3) женщина княжеского достоинства – т. е. все они восходят к общему понятию 'принцесса'. В разные исторические периоды какое-либо из них преобладало над остальными, однако общей тенденцией был переход от узкого 'дочь правителя' до широкого, но более «сниженного» 'знатная женщина', 'жена' и 'женщина'.

Помимо *qunčij*, в статье анализируется китайский термин *quj* 'женские покои', употребляющийся в енисейских памятниках в составе устойчивого словосочетания *qujda qunčijit* ('мои принцессы в женских покоях').

Ключевые слова: древние тюрки, Китай, принцесса, дипломатические браки, тюркские рунические памятники, женские покои, супруга, родственница, заимствование, титулатура.

Благодарность: Автор благодарит за помощь в работе над статьей Н. Базылхана, И. Галамбоша, П. Голдена, А.В. Дыбо, И.В. Кормушина, В. Мейра (Мэйра), И.А. Невскую, Ф. Рыбацкого, Н. Симса-Вильямса, Т. Текина, Хатидже Ширин Усэр, П. Циме, М. Эрдала.

Для цитирования: *Рухлядев Д.В.* Социальное и языковое взаимодействие древних тюрков и Китая (на примере термина *qunčij*) // *Российская тюркология*. 2025. № 1–2 (45–46). С. 35–66. DOI 10.37892/2712-8121-2025-46-47-35-66.

Social and linguistic interactions between the ancient Turks and China (using the term *qunčuj* as an example)

Dmitriy Vladimirovich Rukhlyadev¹

¹ Institute of Linguistics RAS, Moscow, Russia

Ph.D. in History

e-mail: rukhlyadev@mail.ru

© IL RAS, 2025

© Rukhlyadev, D.V., 2025

Abstract: The article considers the history of the term *qunčuj*, which originally appeared in China (*gōngzhǔ* “princess”) and then spread to Central Asia in the form *qunčuj*. It begins with a brief overview of the history of diplomatic marriages between China and the northern nomads (including the Turks) from the Xiongnu era to the Uyghurs, during which Chinese brides were called *gōngzhǔ*. It is established that Turkic *qunčuj* was characterized by a triad of meanings: (1) daughter/kinswoman of a ruler/nobleman; (2) spouse of a ruler/nobleman; (3) woman of princely title, all going back to the general concept of “princess”. At different periods, individual parts of the triad could be expressed to varying degrees, with one meaning or the other predominating. The general trend was to extend and “downgrade” the meanings of these individual parts – from the narrow “ruler’s daughter” to “noble woman”, “woman”, and “wife”.

In addition to *qunčuj*, the article analyzes the Chinese term *quj* “women’s quarters” used in the Yenisei monuments as part of the set phrase *qujda qunčujim* (“my princesses in the women’s quarters”).

Keywords: ancient Turks, China, princess, diplomatic marriages, Turkic runiform monuments, women’s quarters, spouse, kinswoman, borrowing, titles

Acknowledgement: The author would like to thank the following people who helped make it possible for this article to be completed: N. Bazykhan, I. Galambos, Peter B. Golden, A.V. Dybo, I.V. Kormushin, Victor H. Mair, I.A. Nevskaya, V. Rybatzki, N. Sims-Williams, T. Tekin, Hatice Şirin User, P. Zieme, M. Erdal.

For citation: *Rukhlyadev, D.V.* Social and linguistic interactions of ancient Turks and China (using the term *qunčuj* as an example) // Russian Turkology. 2025. No. 1–2 (45–46). Pp. 35–66. DOI 10.37892/2712-8121-2025-46-47-35-66.

В ряду многочисленных заимствований «культурных слов» древними тюрками у китайцев есть термин *qunčuj*¹, смысл и значение которого, в общих чертах улавливаемые с самого начала, долгое время оставались не до конца проясненными. Ниже мы попытаемся на основе сравнительного анализа дать более полное объяснение этого термина и показать его исторические связи. Для этого мы сначала рассмотрим его бытование в китайском языке (источнике заимствования), затем словоупотребление и трансформации в древнетюркском и, наконец, социальные контексты, которые привели к этим трансформациям.

По мнению большинства исследователей, древне- (и средне-) тюркский термин *qunčuj* восходит в конечном итоге к китайскому 公主 *gōngzhǔ* ‘дочь им-

¹ Написание всех тюркских слов дается в единой транскрипции, за исключением случаев прямого цитирования.

ператора, принцесса, царевна, княжна' [ДТС: 466; Дыбо: 792; Кононов: 162; Кормушин 2008: 258–259; Малов 1951: 415; Малов 1959: 98; Радлов, стлб. 915–916; Радлов, Мелиоранский: 21, прим. 5; ЭСТЯ 2: 150; АТИМ: 460; Aydın 2008: 119; Bang: 247; Bang, Gabain 1931: 38; Bazin: 39; Bazylkhan, 288; Clauson: 9; Cleaves: 48, n. 70; p. 109, n. 73; Doerfer: 561; EDT: 635; Erdal 2004: 4, n. 6; Gabain 1950: 331; Gabain 1959: 58; Ligeti: 128; Orkun: 76, 442, 843; Ölmez: 59; Pelliot 1912: 585, n. 1; Pelliot 1914: 269; Räsänen: 301; Rybatzki: 508; Tekin 1988: 151; Wilkens: 423]².

Титул *gōngzhǔ* отмечен в китайском языке довольно рано – он встречается, например, у Сыма Цяня (145–86 до н. э.). Это сложное слово, состоящее из двух лексем: 公 (*gōng*) и 主 (*zhǔ*). Словарные значения *gōng*: 'министр, герцог; господин; дед, отец, свекор, старший брат мужа; государев, императорский, княжеский' [БКРС 4: 956], «самый высший чиновный сан; князь; принц; герцог; господин» [Иннокентий 1: 211–212], «князь, владыка; министр, сановник, господин; высший, княжеский» [Палладий I: 131–132], «князь; господин» [СДИ: 23, 240], «представитель высшего ранга знати, герцог; благородный человек, владыка, господин» [Giles: 828–830], «герцог; принц» [Hucker: 290], «отец, князь» [Karlgrén: 302], «герцог, господин; свекор» [MCED: 544], «герцог, князь; свекор» [MDBG], «князь, герцог; отец» [Pulleyblank: 108], «мужчина старшего поколения или более высокого ранга, к которому следует относиться почтительно; отец, дядя; глава клана; князь, герцог» [Schuessler 1987: 197; Schuessler 2007: 255–256], «мужчина, принадлежащий к старшему поколению или более высокому рангу; герцог; дед; свекор» [Wiktionary]. Согласно этимологической справке С.Е. Яхонтова для «Древнетюркского словаря», в северо-западном диалекте китайского языка IX в. н. э. (по реконструкции Ло Чан-пэя) это слово произносилось *koŋ* [ДТС: 466; Кормушин 2008: 258–259]. Согласно Б. Карлгрэну, в среднекитайском оно звучало как *kung* [Karlgrén: 302], Э. Пуллиблэнку – *kəwŋ* [Pulleyblank: 108], У. Бакстеру – *kuwng* [Baxter: 759], А. Шюсслеру – *kuŋ* [Schuessler 1987: 197; Schuessler 2007: 255]. Его звучание в древнекитайском восстанавливается как **kung* [Karlgrén: 302], **kong* [Baxter: 759], **kuŋ*, **klun* [Schuessler 1987: 197]; *koŋ*, *kōŋ* (<**kloŋ*) [Schuessler 2007: 255]. У. Бакстер и Л. Сагарт связывают это слово с 翁 *wēng* «старик» (древнекитайское **q'ōŋ*) [Baxter, Sagart: 365]; STEDT предвари-

² По А. фон Габэн, *qun* вместо ожидаемого *qun* есть, скорее всего, некий вид ассимиляции [Gabain 1959: 58]. По И. Эчеди, соединение медиальных *ŋ-č* при заимствовании упростилось; появление конечного *-j*, вероятно, было вызвано диалектными причинами [Ecsedy: 88 with n. 27; ср. Ligeti: 128]. Согласно А.В. Дыбо, по фонетике форма *gōngzhǔ* – среднекитайская; слово заимствовано в древнетюркский (где среднекитайская медиаль была передана как дифтонг), а из древнетюркского – в язык-предок тувинского и тофаларского, где оформилось «стандартным аффиксоидом» [Дыбо: 792]. По мнению И.В. Кормушина, китайские реконструкции не объясняют сонантов в тюркских формах – средняяязычного *j* в древнем и велярного *ɣ* в современных языках. Он полагает, что, если конечный сонант в тюркских формах исконный (причем велярная форма должна быть старше палатальной), то, возможно, это объясняется более ранним, чем среднекитайский период, временем заимствования [Кормушин 2008: 259].

тельно устанавливает прото-сино-тибетскую форму **kaŋ* «отец, дед»³ [STEDT: 754–755].

Словарные значения второго слова – *zhǐ* – таковы: «хозяин, владелец, глава [семьи], господин (для домочадцев, слуг); распорядитель, начальник, глава [государства], государь, владыка; принцесса; возглавлять, ведать, управлять, брать на себя» [БКРС 2: 167], «владыка, господин, хозяин; государь, правитель, управитель; управлять» [Иннокентий 2: 698], «владыка, господин, хозяин; управлять, распоряжаться» [Палладий II: 421–422], «хозяин; князь» [СДИ: 32], «хозяин; управлять; главный» [DeFrancis: 1290], «хозяин, владелец, господин; суверен, правитель; возглавлять; управлять делами» [Giles: 314–315], «хозяин, начальник; правитель» [Hucker: 179], «хозяин, господин; принцесса; управлять» [Karlgren: 54], «господин, хозяин, владелец; правитель» [MCED: 186], «владелец, хозяин, господин; главный» [MDBG], «хозяин, господин, владелец» [Pulleyblank: 414], «хозяин, ответственное лицо» [Schuessler 1987: 852; Schuessler 2007: 626], «владелец, хозяин, господин; отвечать за что-то» [Wiktionary]. По уже упоминавшейся справке С.Е. Яхонтова, в IX в. это слово произносилось *čy* [ДТС: 466; Кормушин 2008: 258–259]. Его среднекитайское звучание – *tšju*: [Karlgren: 54], позднесреднекитайское – *tšyǎ*, раннесреднекитайское – *teuǎ'* [Pulleyblank: 414], *tsyuX* [Baxter: 810], *tšju* [Schuessler 1987: 852], *tšju*^B [Schuessler 2007: 626]. Реконструируемые древнекитайские формы: **tju* [Karlgren: 54], **tjo?* [Baxter: 810], **tjugx*, **tju?* [Schuessler 1987: 852]; *tso*^B, **to?* [Schuessler 2007: 626].

В составе титулов *zhǐ* нередко мог обозначать знатных лиц женского пола: 太主 *tàizhǐ* «царевна» (太 *tài* «великий») [Палладий II: 422], 宮主 *gōngzhǐ* «принцесса» (宮 *gōng* «дворец») [MCED: 544], 貴主 *guìzhǐ* «принцесса, дочь императора» (貴 *guì* «знатный, благородный») [БКРС 4: 676], 翁主 *wēngzhǐ* «княжна, принцесса (дочь местного князя)» (翁 *wēng* «старший мужчина, отец» – упоминавшийся выше в связи с *gōng*-ом термин) [БКРС 3: 117], 王主 *wángzhǐ* «дочь государя, принцесса» (王 *wáng* «царь») [БКРС 2: 155], 郡主 *jùnzǐ* «принцесса, великая княжна» (郡 *jùn* «округ, удел») [БКРС 2: 776], 內主 *nèizhǐ* «супруга, госпожа» (內 *nèi* «внутренний, домашний») [БКРС 3: 325]⁴.

Рассмотрим словарные значения сложного титула *gōngzhǐ*: «дочь императора, принцесса, царевна» [БКРС 4: 956], «дочь императора, императорская прин-

³ Ср., между прочим, древнетюркское *qaŋ* «отец». В последнем Ш. Текин выделял корень *qa* (как в сочетании *qa qadaš*), возводимый Габэн к китайскому 家 *jiā* «семья» [ЭСТЯ 1: 258; Gabain 1959: 47], и аффикс -*ŋ*. В среднекитайском *jiā* обычно реконструируется как *ka* [Karlgren: 28]; *kæ* [Baxter: 766]; позднесреднекитайское *kja:*, раннесреднекитайское *kai/ke*: [Pulleyblank: 143]; *ka* [Schuessler 1987: 284] и т. п.; в древнекитайском для него предполагают форму **kra* [Baxter: 766]; **kâ* [Karlgren: 28]; **krag*, **kara* [Schuessler 1987: 284]; *ka*, **krâ* [Schuessler 2007: 300]. *Kuŋ* «старший родственник-мужчина» морфологически и семантически кажется ближе к древнетюркскому *qaŋ*, чем *ka* «дом, семья».

⁴ Существовали и структурно аналогичные «мужские» титулы, например, 公子 *gōngzǐ* «сын князя, принц» (子 *zǐ* «сын») [БКРС 4: 958]; 太子 *tàizǐ* «наследник престола, наследный принц» [БКРС 3: 645]; 貴子 *guìzǐ* «сын знатных родителей» [БКРС 4: 677]; 王子 *wángzǐ* «княжеский сын, наследник; принц» [БКРС 2: 156] и т. п.

цесса» [Иннокентий 1: 212]; «царевна; принцесса» [Иннокентий 2: 698], «принцесса, княжна, царевна» [Палладий I: 131; Палладий II: 422], «дочь императора, принцесса» [СЦ VI: 466], «принцесса» [DeFrancis: 311], «дочь императора, [императорская] принцесса» [Giles: 314, 829], «принцесса, императорская принцесса» [Hucker: 291], «принцесса» [MCED: 187, 544], «принцесса» [MDBG], «императорская принцесса, дочь императора» [Pelliot 1914: 269], «принцесса» [Porre: 165], «принцесса, дочь императора» [Rybatzki: 508], «дочь монарха, принцесса» [Wiktionary]. Этот титул вошел в языки синоцентричного мира (корейский, маньчжурский, японский, вьетнамский), а также в монгольский и тибетский языки⁵.

Таким образом, самым распространенным или, точнее, самым «заметным» значением *gōngzhǔ* является «принцесса». Г.А. Джайлз приводит в своем словаре любопытную этимологию, которая гласит, что принцесс называли так потому, что император не мог «заключать» (*zhǔ*) их бракосочетания, а обязан был поручать делать это князю из императорского рода (*gōng*). В связи с этим, *gōngzhǔ* значит «та, чей брак заключен князем» [Giles: 829]. Это объяснение напоминает «традиционную» китайскую этимологию, и трудно судить, насколько оно правомерно. По любезному сообщению Виктора Мейра⁶, у него могут иметься основания: в каноническом конфуцианском тексте «Гунъян чжуань» («Комментарий Гунъяна») (V в. до н. э.) сказано, что Сын Неба не мог выдавать дочь замуж за местного князя, поскольку два семейства должны были быть одинакового ранга. Он, следовательно, должен был обращаться к князю из того же клана, что и он сам, чтобы тот брал на себя «заклучение» (*zhǔ*) этого брака. Обычное обозначение князя – 公 *gōng*, отсюда название царской принцессы – 公主 *gōngzhǔ* («та, чей брак заключен князем»)⁷. Такое объяснение, продолжает Мейр, все еще могло бы быть «традиционной» (или народной) этимологией, если бы не тот факт, что дочь местного князя могла быть выдана замуж своим отцом, которого иногда называли 翁 *wēng*, а его дочь-принцессу – 翁主 *wēngzhǔ* («та, чей брак заключен отцом»). Допустим и титул 王主 *wángzhǔ* («устроенная ваном (царем)»), но, вероятно, больше в теории. Отсюда можно заключить, что объяснение титула

⁵ Титул *qinčuj* известен также в среднеперсидском (*χίνčūi*, *χίνžūi*, *χίνžūiy*) [Doerfer: 561; Ecsedy: 88; Ligeti: 128], согдийском (*γwnčwyh*) [Ecsedy: 88; Ligeti: 128; Rybatzki: 508], бактрийском (*χινζωιο*) [Erdal 2004: 4, n. 6; Golden 2013: 29; Rybatzki: 508; Sims-Williams 2002: 233; Sims-Williams 2007: 277] и ваханском (*xinžó*) языках [Golden 2013: 29; Sims-Williams 2002: 233]. Обычно иранские слова считаются заимствованиями из древнетюркского, хотя М. Эрдал предполагает, что бактрийское *kinžyu* может в действительности быть более архаичным, чем древнетюркское *qinčuj*, исходя из формы этого термина в раннесреднекитайском; бактрийская рукопись, в которой *kinžyu* появляется семь раз в отношении халаджской принцессы, датируется 711 г., что делает ее синхронной орхонским надписям [Erdal 2004: 4, n. 6].

⁶ В личной переписке – электронное письмо от 22.02.2020.

⁷ Гао Чэн в трактате «Шиу цзиюань» («Записки о происхождении дел и вещей», 1095 г.) приводит цитату из сочинения «Чуньцю чжичжан суйюй»: «[Когда] Сын Неба выдавал замуж дочь, начиная со [времен] Цинь и Хань, он поручал [одному из] трех князей (*gōng*) устроить (*zhǔ*) [свадьбу]. Поэтому говорят *gōngzhǔ*» [Wiktionary].

gōngzhǔ, приведенное Джайлзом, может быть верным⁸. Для нашей темы, впрочем, это не имеет принципиального значения, поскольку мы можем ограничиться констатацией исходного значения *gōngzhǔ* – «принцесса».

Как и когда титул *gōngzhǔ* проник к кочевникам Центральной Азии? Уже в период Весен и Осеней (770–481 до н. э.) начались брачные отношения между китайскими и иностранными правителями. Позднее ханьские императоры время от времени, в целях упрочения отношений с сюнну и усунями, выдавали своих принцесс за шаньюев и усуньских царей. Это делалось в рамках т. н. договоров о мире, основанных на родстве (*хэцинь*), начиная с первого ханьского императора Гао-цзу ([здесь и далее – годы правления – *Уточн. ред.*] 202–195 до н. э.) [СЦ VIII: 436]. При этом нередко вместо настоящих принцесс отправлялись другие родственницы или наложницы, также именовавшиеся *gōngzhǔ*. Так, тот же Гао-цзу не решился послать шаньюю Маодуню свою дочь-принцессу, а взял девушку из обычной семьи, объявил ее принцессой и отдал в жены шаньюю [СЦ VIII: 196–197]. Император Сяо Вэнь [*тж.* Вэнь-ди, Сяо Вэнь-ди и др. – *Уточн. ред.*] (180–157 до н. э.) отправил Лаошан-шаньюю Цзию принцессу из императорского рода в качестве супруги [СЦ VIII: 335]. Император Сяо Цзин (157–141 до н. э.) отправил принцессу в жены шаньюю [СЦ VIII: 340]. У-ди (141–87 до н. э.) отдал принцессу в жены усуньскому царю, чтобы отделить сюнну от западных государств, которые им оказывали помощь [СЦ VIII: 348]. Во всех указанных случаях принцесса именовалась *gōngzhǔ*⁹. К 133 до н. э., однако, У-ди положил конец брачным отношениям с сюнну и перешел к более агрессивной политике. После правления У-ди Ханьский двор вернулся к дипломатическим методам взаимодействия с сюнну, отказавшись от заключения брачных союзов [Skaff: 210].

Эта практика продолжилась и после падения династии Хань и смены в Центральной Азии сюннуского доминирования сяньбийским. Она отмечена, например, у непосредственных предшественников тюрков – жужаней. В 435 г. тобасский император Тайу-ди (423–452) выдал за жужаньского кагана Чилиня царевну Сихай (西海公主), а себе в жены взял его младшую сестру [Бичурин: 191]. По-

⁸ В. Томсен упоминает, как Э. Паркер и Г. Шлегель сообщили ему, независимо друг от друга, что они считают вероятным, что древнетюркское *qunčij* заимствовано из китайского *gōngzhǔ* «принцесса» (буквально: «та, чей брак заключен» (*zhǔ*) герцогом, вассальным князем (*gōng*), потому что император слишком велик, чтобы заниматься этим) [Thomsen 1896: 196].

⁹ Для ее обозначения могли использоваться и другие титулы. Так, Сыма Цянь, передавая речь шаньюя Увэя в разговоре с китайским послом, использует титул *wēngzhǔ* (翁主): «По прежним договорам Ханьская империя обычно присылала к нам в жены принцессу (*wēngzhǔ*)» [СЦ VIII: 349]. Этот же титул фигурирует в речи китайского посла перед царем усуней (117 до н.э.): «Если усунь [согласится] откочевать на восток и поселиться на землях Хуньсе, то Хань пришлет принцессу в жены Гуньмо» [СЦ IX: 205]. В «Описании Дайюани» сказано, что Ханьский двор отправил девушку императорского рода (宗室女 *zōngshìniǚ*), княжну (*wēngzhǔ*) из Цзянду, в качестве жены усуньскому правителю (Гуньмо), которая, из-за старости последнего, стала супругой его внука Цэньцюя [СЦ IX: 209]. Здесь речь идет о девушке из императорского рода, хотя Ч.О. Хакер сообщает, что в Хань *wēngzhǔ* было обозначением дочери князя не из императорской фамилии, в отличие от императорской принцессы (*gōngzhǔ*), дочери князя из императорского дома [Hucker: 568].

следний жужаньский каган Анагуй в 532 г. просил выдать царевну за своего старшего сына. В 533 г. тобасский У-ди (532–535) указом обещал выдать за него старшую дочь одного из князей царевну Ляньцзе (連結公主) [Бичурин: 204]. Западно-вэйский Вэнь-ди (535–551) в 535 г. выдал дочь сановника Юань И за младшего брата Анагуя, Тахана, в качестве царевны Хуачжэн (化政公主), а дочь Анагуя взял себе в жены [Бичурин: 205]. В 540 г. за сына Анагуя Аньлочэня была выдана младшая сестра восточно-вэйского князя Чжо царевна Лэань (樂安公主) [Бичурин: 206]. Анагуй выдал свою внучку, царевну Линьхэ (鄰和公主), за восточно-вэйского князя Чжэнь-цзина [Бичурин: 206–207]. Он же выдал свою дочь-царевну Жужу (蠕蠕公主) за восточно-вэйского полководца Гао Хуаня [Бичурин: 207].

Тюрки унаследовали эту модель дипломатии. Основатель Тюркского каганата, Тумэнь, предложил заключить династический союз западно-вэйскому императору Вэнь-ди. В 551 г. Вэнь-ди выдал за него царевну Чанлэ (長樂公主) [Бичурин: 228]. В 579 г. каган Тобо просил о мире и родстве. Северо-чжоуский император Сюань-ди (578–579) приказал выдать за него дочь князя Чжао царевну Цяньцзинь (千金公主), но Тобо умер, и она стала женой кагана Шаболио [Бичурин: 234–235], в дальнейшем она была замужем за сыном Шаболио – Дуланем [Таšбаџ: 168]. Сын кагана Шаболио, Тули-хан, в 597 г. просил себе в жены представительницу двора Суй. Суйский император Вэнь-ди (581–604) выдал за него княжну из своего рода – Иань (Аньи) (安义公主) [Бичурин: 241–243]. Когда царевна Иань скончалась, император выдал за Тули-хана княжну из своего рода под именем Ичэн (义成公主) [Бичурин: 242]. После смерти Тули-хана она стала женой его сына – Шиби-кагана, а далее была супругой Чуло-кагана и Хэли-кагана [Бичурин: 245–247]. В 614 г. суйский император Ян-ди (604–618) выдал за западно-тюркского Чуло-кагана царевну Синьи (信义公主) [Бичурин: 283]. Танский император Тай-цзун (626–649) согласился выдать за сеяньтоского кагана Инаня царевну Синьсин (新興公主), однако брак не состоялся [Бичурин: 341–342]. В 710 г. просил о мире и родстве каган Мочжо. Император Жуй-цзун (710–712) указал выдать за него дочь князя Чэн-ци под именем царевны Цзиньшань (金山公主), но брак не состоялся [Бичурин: 272]. Титулы царевен были даны супругам западно-тюркских каганов Ашина Синя и Сулу [Бичурин: 296, 298]. Бильге-каган также искал брачных связей с Тан, неоднократно обращался с запросом об этом к Сюань-цзуну (712–756), начиная с 718 г., но так и не получил невесту [Skaff: 221].

Политика брачных союзов была продолжена и уйгурами. В 756 г. уйгурский каган Моюнчор выдал за китайского князя Чэн-цая свою свояченицу. Танский император Су-цзун (756–762) присвоил ей титул царевны Пицзя (咸安公主) [Бичурин: 310, 327]. Су-цзун выдал за Моюнчора свою малолетнюю дочь царевну Нинго (寧國公主) [Бичурин: 313]. В 769 г. дочь китайского полководца Пугу Хуай-эня царевна Чунвэй (崇徽公主) была отдана в супруги уйгурскому Бёгю-кагану [Бичурин: 322]. Император Дэ-цзун (779–805) выдал за уйгурского кагана Тун-бага царевну Сяньань (咸安公主), которая всего побывала замужем за четырьмя ханами [Бичурин: 327, 331]¹⁰. Император Му-цзун (820–824) выдал за уйгурского Чундэ-кагана царевну Тайхэ (太和公主), дочь покойного императора Сянь-цзуна (805–820) [Бичурин: 332].

¹⁰ Тун-бага, Чжун-чжэнь, Фэн-чэн, Хуай-синь.

Во всех указанных выше случаях царевны носили титул *gōngzhǔ*, хотя встречались и другие титулы (также с элементом *zhǔ*). Чаще всего они были дочерьми князей и других представителей знати. Обычно титул присваивался перед совершением брака и включал в себя приставку в виде топонима (указание на округ и т. п.). Титул имели не только китайки, выдаваемые за глав кочевых племен, но и кочевые аристократки, выходившие замуж за китайских правителей и вельмож. Несмотря на то что отправляемые в степь китайки иногда объявлялись дочерьми императора, это редко соответствовало действительности. Браки с кочевниками были вынужденными и рассматривались китайскими властями как унижительные. Дочери императоров обладали большой политической ценностью в легитимации власти тюркских правителей, поскольку последние, чтобы выйти победителями во внутренних конфликтах, должны были, помимо прочего, установить монополию на заграничные браки и инвеститурные отношения с китайским двором [Arden-Wong: 83; Ecsedy: 88; Skaff: 208, 219, 238–239].

Помимо титула *gōngzhǔ*, «принцессы», китайские императоры могли присваивать титул *qatun* – «царицы». Например, Дай-цзун (762–779) пожаловал такой титул жене Бёгю-кагана¹¹. Императоры жаловали царевнам, ставшим женами князей, княжеское, а ханов (каганов) – ханское достоинство, т. е. возводили их в достоинство супруга. Учитывая то, что браки играли большую роль во внутренней политике, кажется естественным, что правители степи и Китая использовали их как средство дипломатии. Дары невесты могли продемонстрировать добрую волю и дружеские намерения [Skaff: 209].

Подавляющее большинство (примерно пять из шести) попыток установления международных брачных связей династиями Суй и Тан приходилось на тюрков и монголов. Переговоры о браке, однако, заканчивались свадьбами немногим менее чем в половине всех случаев (29 браков и 34 провала) [Skaff: 210–214]. Согласно исследованию Скаффа, «суйско-танская стратегия дипломатических браков варьировалась в зависимости от восточно-евразийского баланса сил. Когда Суй и Тан были едины и могущественны в военном отношении, они стремились к “экспансивной” брачной дипломатии <...> и отправляли принцесс, которые не были дочерьми императоров <...> В периоды внутренней политической слабости, танские правители стремились к “оборонительной” (defensive) брачной дипломатии с крупными державами в Монголии. Вынужденные идти на уступки, императоры были более склонны инициировать переговоры и отдавать в невесты своих настоящих дочерей <...> С Суй и до середины Тан экспансивная дипломатия была нормой, а после восстания Ань Лушаня преобладала оборонительная дипломатия» [Skaff: 210–212]. Танская экспансивная дипломатическая стратегия, отражающая более ранний Суйский подход к тюркам, стремилась поддерживать инвеститурами и браками более близких и слабых правителей, которые служили буферами против более отдаленных крупных держав.

Су-цзун возродил браки как средство оборонительной дипломатии во время восстания Ань Лушаня. Уйгурский каган Моюнчор получил в жены настоящую дочь императора. После этого уйгуры продолжали получать выгодные браки, поскольку империя Тан стала слабой. Следующие четыре брака с уйгурами вклю-

¹¹ Она именовалась Гуанцинь-кэдунь (光亲可敦).

чали двух настоящих дочерей, одну приемную дочь и одну внучку по отцовской линии [Skaff: 216].

Самые ранние фиксации слова *gōngzhǔ* в собственно тюркской среде встречаются, по-видимому, в орхонских памятниках VIII в. Оно дважды отмечено в памятнике Кюль-тегина (734) и дважды (один раз под вопросом) – в памятнике Бильге-кагана (735) в форме *qunčuj*. Это следующие фрагменты:

siñilim qunčujuy bertimiz (КТб 20/БК 17)¹²

ögüm qatun ulaju öglärim äkälärim käliñünim qunčujlarym bunča jämä tirigi kün boltaçy ärti ölügi jurtda jolta jatu qaltaçy ärtigiz (КТб 49)

rä qu[nču]... qī... (БК Ха 3)

В.В. Радлов сначала видел в *qunčuj* в надписи Кюль-тегина два разных слова: в КТб 20 – название рода («мы дали ему шесть моих родов *Kuntschajug*») [АТИМ: 13, 110], а в КТб 49 – некую категорию родственников-женщин *qunčaj*¹³, под которой, как он предполагал, могут подразумеваться лишь младшие сестры или племянницы, поскольку матери (*ögä*¹⁴), тетки (*äkä*), свойственницы (жены и невестки) (*käliñün*) упомянуты ранее¹⁵. В итоге *qunčujlarim* он переводил как «мои младшие сестры (?)» [АТИМ: 110]. Потом, после исправления чтения знаков, предложенного Томсеном [Thomsen 1896: 40, n. 1], Радлов стал переводить *qunčuj* как «принцесса» и предложил иной перевод КТб 20: «мою сестру, *qunčuj* (принцессу), мы ему дали» [АТИМ: 202, 441], и КТб 49: «моя мать-катун, за ней мои матери (жены умершего отца, тетки?), мои тетки (старшие сестры?), мои свойственницы (жены, невестки) т. е. (все) мои принцессы» [АТИМ: 445]. Таким образом, по его мнению, *siñilim qunčuj* значит «моя сестра-принцесса» (соответствуя выражениям типа *qañim qan* «мой отец-хан», *äčim qayan* «мой дядя-каган»), а *qunčujlarim* – «мои принцессы», указывая на всех перечисленных перед этим родственников-женщин [АТИМ: 218–219].

В. Томсен, анализируя КТб 20, предположил для *qunčuj* значение «супруга» [Thomsen 1896: 13] (сопоставив его, под вопросом, с восточнотюркским/османским *qonšu* «сосед» [Thomsen 1896: 13–14 avec n. 1]). Соответственно, пассаж *siñilim qunčujuy bertimiz* он переводил как «мы дали ему мою младшую сестру в жены» [Thomsen 1896: 40, n. 1, 104]. *Qunčujlarim* в КТб 49 он трактовал как «мои супруги, мои жены» [Thomsen 1896: 31], а весь отрывок переводил как «моя мать-катун, следующие за ней мои мачехи, мои сестры (и мои тетки?), мои невестки и мои жены» [Thomsen 1896: 113]¹⁶.

¹² Сиглы памятников даются по С.Е. Малову [Малов 1951; Малов 1952; Малов 1959].

¹³ Позднее Радлов (вслед за Томсеном) изменил транскрипцию на *qunčuj*.

¹⁴ Правильно – *ög*; при цитировании Радловских и Томсеновских переводов приводится форма *ögä*.

¹⁵ Более ранние варианты перевода: (1) *ögäm qatun ulaju* (у Радлова: улыју – Прим. ред.) *ögälärim äkälärim käliñünim qunčajlarim* «моя мать-катун и вместе с ней все мои тетки, сестры, невестки и *Qunčaj*» [АТИМ: 28–29]; (2) *ögäm qatun <...> ögälärim* «моя мать-катун; <...> мои тетки (матери?)» (возможно, это жены умершего хана) [АТИМ: 99].

¹⁶ «Сборный» вариант далее по тексту: «моя мать-катун, мои мачехи, мои старшие сестры/тетки, мои невесты/невестки/золовки, мои супруги/жены» [Thomsen 1896: 164, прим. 59].

Он сомневался, что слово *qunčuj* может быть заимствованием из китайского языка и означать «принцесса» [Thomsen 1896: 150, прим. 26].

Возражая Томсену, Радлов писал, что выражение *siɣlim qunčujuy bertimiz* ни в коем случае нельзя переводить как «мою сестру мы дали [ему] в жены»; это выглядело бы совершенно не по-тюркски. За *siɣlim* обязательно должен был бы стоять аффикс аккузатива: *siɣlimin qunčuj bertimiz* или *siɣlimin qunčujqa bertimiz* [АТИМ: 202]. Предложенное Томсеном значение «жена» в КТБ 20 очень спорно. Это подтверждается фразой в БК Хб 9 *türgäs qayanqa qizimîn* <...> *alî bertim* и в БК Хб 10 *qizîn* <...> *oyluma alî bertim*, где слова *qizimîn* «мою дочь» и *qizîn* «его дочь» стоят в аккузативе. Пропуск аккузативного аффикса после местоименного аффикса в существительных крайне маловероятен. Радлов предлагает трактовать *qunčuj* как «принцесса». За это, по его мнению, говорит и пассаж в КТБ 49. Было бы удивительно, если бы супруги шли за свойственницами (*käliɣünim*). Аффикс множественного числа в *qunčujlarim* также указывает на то, что это слово обозначает всех перечисленных прежде родственниц [АТИМ: 218–219]. Окончательный перевод Радлова гласит: «мы дали ему мою младшую сестру, принцессу, (в жены)» (КТБ 20); «моя мать-катун и с ней мои мачехи, мои старшие родственницы, мои жены и младшие родственницы, вы, все мои принцессы» (КТБ 49) [АТИМ N.F.: 135, 147].

После сообщения Паркером и Шлегелем о вероятности заимствования древнетюркского *qunčuj* из китайского *gōngzhǔ* Томсен скорректировал свое толкование КТБ 20 и предложил его новый вариант: «мы дали ему (в жены) принцессу (или госпожу) (Madame), мою младшую сестру»¹⁷. Он сопоставил выражение *siɣlim qunčuj* с такими формами как *qanɣim qan* «мой отец-хан», *ögäm qatun* «моя мать-катун» и т. д. [Thomsen 1896: 196]. Что касается фрагмента в КТБ 49, то он пришел к выводу, что *qunčujlarim* здесь правильное переводить как «мои принцессы» или «мои госпожи» (Mesdames), в число которых входили как жены кагана¹⁸, так и его дочери (и дочери его предшественников, если они не охватывались термином *äkä*). По Томсену, поскольку слово *qunčujlarim* идет последним и, так сказать, вне порядка, в то время как другие классы женщин даны по возрасту, это могло быть сделано с умыслом, чтобы особым образом выделить его: «и (даже) царицы и принцессы» [Thomsen 1896: 198].

Итоговые Радловские переводы:

КТБ 20: «нашу младшую сестру, принцессу, мы дали ему (в жены)» [Радлов, стлб. 916]

КТБ 49: «моя мать хатун, мои мачехи, тетки, снохи¹⁹ и принцессы» [Радлов, стлб. 915–916]

Итоговые переводы Томсена:

КТБ 20: «мы дали ему принцессу, мою младшую сестру, в жены» [Thomsen 1924: 148; Ross, Thomsen: 866]

¹⁷ Таким образом, понятие жены в переводе КТБ 20 «перекочевывает» в скобки: речь по-прежнему идет о выдаче замуж, но само слово *qunčuj* означает не жену, а выдаваемую «в жены» принцессу.

¹⁸ То есть понятие «жена» в КТБ 49 отчасти сохранялось.

¹⁹ Радлов здесь переводит термин *käliɣün* на русский язык как «снохи» [Радлов, стлб. 916].

КТб 49: «моя мать-катун, вместе с моими мачехами, моими тетками и старшими сестрами, моими невестками, моими принцессами» [Thomsen 1924: 155; Ross, Thomsen: 870]

Как видим, и Томсен, и Радлов сохранили перевод *qunčij* как «принцесса», но Радлов был склонен к расширительной трактовке его множественного числа в КТб 49 как указывающей на всех родственниц кагана, а Томсен видел в *qunčij-larim* только обозначение его дочерей и жен (принцесс и цариц). В своем «Опыте словаря тюркских наречий» Радлов, однако, по-видимому, отказался от расширительной трактовки КТб 49, поставив принцесс в один ряд с другими родственницами (хотя оставил за *qunčij* обобщающее значение «родственницы хана») ²⁰.

Фрагмент Ха 3 в надписи Бильге-кагана Томсен и Радлов первоначально опускали из-за его плохой сохранности, лишь позднее Радлов предположил там слово «принцесса» (?) [Радлов, Мелиоранский: 33; АТМ N.F.: 146].

П.М. Мелиоранский, переводя на русский язык текст последнего немецкого варианта Радлова, перевел слово «принцесса» как «княжна»: «мы дали ему (в жену) мою младшую сестру, княжну» (КТб 20), «моя мать-хатун, и вы, мои сводные матери (т. е. другие жены моего отца), мои старшие родственницы, вы, мои жены и младшие родственницы, вы, все мои княжны» (КТб 49) [Радлов, Мелиоранский: 21, 34]. С этого времени в русскоязычной литературе одним из вариантов перевода *qunčij* становится «княжна». В примечании приводится Радловское определение *qunčij*: «Это титул женщин, принадлежащих к ханскому, царствующему дому» [Радлов, Мелиоранский: 21, прим. 5]. Два года спустя Мелиоранский издал собственную работу о памятнике Кюль-тегина, в которой сохранил Радловскую трактовку КТб 20 («[мы] дали ему (в супружество) мою младшую сестру-княжну»), но несколько изменил перевод КТб 49: «моя мать-катун и вы, идущие за нею (по знатности) мои сводные матери (т. е. другие жены отца Бильге-хана), мои тетки (или вообще: старшие родственницы?), мои невестки (или вообще: младшие родственницы?), мои княжны» [Мелиоранский: 69, 76], т. е., по-видимому, отказался от «широкоохватного» понимания *qunčijlarim* («все мои княжны») в пользу понимания его как равноправного термина в ряду предшествующих ему других (просто «мои княжны»).

В дальнейшем трактовки употребления *qunčij* в памятнике Кюль-тегина вращались именно вокруг переводов Томсена и позднего Радлова/Мелиоранского, став относительно устоявшимися. Для КТб 20 единодушно был принят перевод «мы дали (ему в жены) мою младшую сестру-принцессу (княжну)» [ДТС: 466; Кононов: 214 [«ханшу»]; Малов 1951: 30, 38; Стеблева 1976²¹: 22, 181; Тугушева: 29, 42; bitig.kz; Ercilasun: 103; Ergin: 23, 70; Orkun: 38–39; Rybatzki: 509; Tekin 1968: 234, 266; Tekin 1988: 12–13; Vambéry: 43; для КТб 49 большинство приняло перевод «мои принцессы (княжны)» [ДТС: 296; Кононов: 145 («мои ханши-девицы»); Малов 1951: 33, 42–43; Стеблева 1976: 34 [под знаком вопроса], 188; Тугушева: 33, 48; bitig.kz; Ercilasun: 107; Erdal 2004: 270,

²⁰ Таким образом, отчасти вернувшись к своей первоначальной интерпретации, противопоставлявшей младших сестер/племянниц матерям, теткам и свойственницам.

²¹ В работе 1965 г. Стеблева писала «мы дали [ему] в жены свою младшую сестру» [Стеблева 1965: 78, 115]; так же переводил это место Айдаров [Айдаров: 294].

422²²; Ergin: 29, 75; Orkun: 50; Ölmez: 59; Rybatzki: 509; Tekin 1968: 271; Tekin 1988: 22–23; Vambéry: 65 («мои дочери (принцессы)»), лишь И.В. Стеблева (в ранней работе), Г. Айдаров и С.Г. Кляшторный трактовали *qunčujlarım* как «мои жены» [Айдаров: 302; Кляшторный: 480; Стеблева 1965: 46, 84, 122]. Особняком стоит позиция Дж. Клосона, который сохранял перевод «жены» и для КТб 20 («мы дали ему мою младшую сестру в качестве супруги»), и для КТб 49 («мои супруги») [EDT: 635, 719]²³. Также М. Эрдал в одной из статей переводил *sinjilim qunčujı bertimiz* как «мы дали (ему) мою младшую сестру в супруги», а *qunčuj* – как «царская супруга» [Erdal 1993: 99–100], тем самым следуя раннему толкованию Томсена²⁴. Фрагмент Ха 3 в надписи Бильге-кагана большинство авторов не переводило; Малов и Айдаров усматривали в нем знаки *qunči*, которые трактовали как «принцесса» [Айдаров: 314; Малов 1959: 18, 22]. Значение «княжна» также предполагалось Радловым и Мелиоранским [Радлов, Мелиоранский: 33].

По нашему мнению, общепринятый ныне перевод *sinjilim qunčujı bertimiz* как «мы дали (ему в жены) мою младшую сестру-княжну» вполне убедителен и согласуется с такими формами как *qanım qan* «мой отец-хан», *ögüm qatun* «моя мать-катун», *äcım qayan* «мой дядя-каган»²⁵, на что указывали первые исследователи памятников. Характер аккузатива, обозначающий «принцессу (в жены)», а не «жену», хорошо показан Радловым. Что касается второго фрагмента, с *qunčujlarım*, то здесь можно констатировать, что, несмотря на расхождения в толковании отдельных терминов, почти все исследователи согласны с тем, что в данном случае мы имеем список родственников и свойственников кагана, возможно, ранжированных по знатности и/или возрасту. За исключением матери-катун, которая, естественно, идет в единственном числе, все остальные родственники и свойствен-

²² Правда, в другом месте своей книги Эрдал переводит *qunčujlar* как «жены» [Erdal: 158]. Далее он оговаривает, однако, что здесь имеются в виду все женщины данной категории в племени, а не только связанные непосредственно с говорящим [Erdal: 270, п. 457].

²³ В качестве вторичной формы для *qunčuj* Клосон допускал (под знаком вопроса) *qunši*, также в значении «жена» [EDT: 59, 635]. В. Банг и А. фон Габэн, однако, издавшие один из текстов, на которые ссылается Клосон, переводили это слово как «сосед» [Bang, Gabain 1929: 13₁₅₆]; их перевод был принят авторами ДТС [ДТС: 455, 618]. Ср. с сопоставлением Томсеном *qunčuj* с *qonšu* «сосед» [Thomsen 1896: 13–14, п. 1]. Термин *qunčılar* в значении «женщины» встречается в сиро-тюркском фрагменте Пигулевской из Хара-Хото [Zieme 2015: 173]. В сиро-тюркской эпиграфике Елизаветы с юга Китая (Янчжоу, XIV в.) он зафиксирован в форме *qunči* «принцесса; госпожа (lady)» [Franzmann: 86–87; Niu Ruji: 232–233]. Это, возможно, влияние тогдашнего китайского произношения.

²⁴ Анализируя граффити № 6 из Яр-Хото, в котором просматривается «странно напеминающая» КТб 20 фраза *s(i)η(i)l (?) qunč(u)j(u)t (?)*, Эрдал переводил ее как «(моя) младшая сестра (?) (и) моя жена (?)», допуская для *qunčuj* значение «жена» [Erdal 1993: 99–100]. Радлов читал эту фразу *sinli qunčujıma* и переводил: «младшей сестре [Йилиг Чура], моей принцессе (моей супруге)» [Radloff: 82]. В граффити № 5а Эрдал трактует *qunčuj* то как «(моя) жена (?)», то как «госпожа» (lady)» [Erdal 1993: 97].

²⁵ То есть конструкциями с препозиционно примыкающим определением – именем существительным, обозначающим родственные или социальные отношения, с аффиксом принадлежности [Кононов: 214].

венники названы в форме множественного числа (на *-lar* или через аффикс собирательной множественности *-ün*). Таким образом, морфологически *qunčujlarım* не отличается от других терминов в этом ряду²⁶. Аффикс *-lar* не может свидетельствовать о том, что это слово указывает на всех перечисленных прежде родственниц. Трудно судить о том, находится ли данное слово «вне порядка». Радлов и Томсен были склонны обособлять его: Радлов придавал ему резюмирующий («все»), а Томсен – акцентированный («и даже») характер. Как ни странно, Радловский перевод КТб 49 не включает понятия дочерей кагана, хотя титул «принцесса» в первую очередь указывает на эту категорию родственников. Исходя из его перевода КТб 20, мы вправе предположить, что в общем дочери правителя входили в область значений этого термина, но в данном случае они не названы и, видимо, не подразумеваются. Могли ли входить в него, хотя бы теоретически, жены кагана, неясно; критическое отношение Радлова к переводу *qunčuj* как «супруга» в КТб 20 заставляет усомниться в этом (поначалу он включал жен, наряду с невестками, в *käliün*). Томсен, напротив, последовательно сохраняет перевод *qunčuj* как «принцесса (=дочь кагана)» и допускает включение в него (в КТб 49) значения «жена». Вероятно, последнее было навеяно тем фактом, что такой титул носили супруги тюркских правителей, о чем упоминается в его работе [Thomsen 1896: 198].

Если мы будем оставаться на почве непреложных лингвистических и исторических фактов о том, что *qunčuj* являлось обозначением мнимых или истинных дочерей и иных родственниц китайских императоров, выдаваемых в жены тюркским правителям, то следует признать, что трактовать его в КТб 49 как резюмирующий термин для обозначения названных родственниц кагана нет оснований. Вполне достаточно понимать его как «княжна», т. е. дочь или родственница кагана (не охватывающая *ög, äkä* и *käliün*). «Акцентированность» Томсена допустима (она позволяет находиться женам после свойственниц, против чего возражал Радлов), но недоказуема. Можно предположить, что упоминание жен (и дочерей) после свойственниц вообще не противоречило подразумеваемой в перечислении иерархии. Что касается возможного значения «жены», которое, как мы увидим ниже, довольно рано проявилось в тюркском *qunčuj* и даже со временем стало в нем господствующим, то оно также теоретически допустимо для КТб 49, хотя достоверных доказательств его наличия нет.

Особенностью функционирования термина *qunčuj* уже в ранний («орхонский») период является его смешанная природа, совмещающая в себе признаки релятивных (относительных) и автосемантических слов. С одной стороны, он указывает на отношение одного индивида к другому (*чья-то* дочь, *чья-то* супруга), с другой – указывает на характеристики этого индивида (женщина княжеского достоинства)²⁷. Китайское *gōngzhǔ* также совмещало в себе оба этих аспекта:

²⁶ Ср. аналогичную по конструкции фразу из КТб 51: *äki šad ulaju ini jigünim oylanım bäglärüm bodunım* «оба шада и идущие за ними мои младшие братья, мои сыновья, мои беги, мой народ».

²⁷ Княжеское достоинство обычно было связано с родством или замужеством, поскольку в традиционном обществе положение женщины почти полностью определялось положением ее отца или мужа. Исключение могли составлять, например, случаи, когда оно жаловалось правителем.

принцесса как дочь императора и принцесса как женщина с княжеским титулом. Становясь женами тюркских каганов, принцессы могли переходить в разряд *qatun* «цариц», но титул *qunčij* за ними сохранялся (пусть даже неформально) как память о родстве с императорским или княжеским домами и указание на их аристократическое происхождение, высоко ценившееся в кочевой среде²⁸. При этом к двум исходным значениям *gōngzhǔ* добавлялось третье – «супруга правителя»²⁹. Оставаясь дочерью/родственницей императора или князя, принцессы одновременно приобретали статус жены кагана. Значение «дочь/родственница» в *qunčij* дополнялось (но не вытеснялось) значением «жена правителя». Однако, помимо категории китайских знатных дам, выдававшихся замуж за тюркских правителей и вельмож, уже в самой тюркской среде титул *qunčij* начал присваиваться дочерям и родственницам каганов, а, возможно, и других высокопоставленных лиц. Эта практика была, безусловно, подражанием китайской практике наречения принцессами дочерей и сестер императоров. В данном случае на первый план опять выходило значение «дочь/родственница», но уже на тюркской почве³⁰. После выхода тюркских принцесс замуж оно вновь дополнялось значением «жена» (с сохранением прежнего значения) и т. д. Титул *qunčij* по знатности уступал только *qatun* [ДЛТ: 382; МК: 922; СТД: 274], поэтому он, по-видимому, сохранялся и после замужества.

Таким образом, если конкретное лицо носило титул «принцессы» (*qunčij*), то его можно было понимать по-разному, в зависимости от контекста, в котором преобладало или полностью доминировало одно из двух релятивных значений (жена или дочь). В КТб 20 речь идет о родственнице кагана – она прямо названа «младшей сестрой». В КТб 49 такого прямого указания нет, но, учитывая, что здесь перед нами список родственников и свойственников, можно предположить, что под «принцессами» подразумеваются все те же дочери/сестры/племянницы. Их брачный статус не ясен. Главная супруга кагана точно не имеется в виду, поскольку она была одна и именовалась *qatun*. Могут ли здесь подразумеваться второстепенные жены кагана? Полностью этого исключить нельзя, но думается, в связи с характером использования *qunčij* в КТб 20, это все же родственницы, а не жены. Поскольку наши данные о *qunčij* в «орхонский» период ограничиваются Кошо-Цайдамскими памятниками, мы можем видеть только одно релятивное значение этого титула – «дочь/родственница [Бильге-кагана]», при сохранении автосемантического значения «женщина княжеского достоинства». Других примеров его употребления нет³¹. Однако это не значит, что значения «жена» не

²⁸ *Qatun* могла также называться *täŋri qunčij* («божественная принцесса») [Maenchen-Helfen: 273]. Иногда титулы *qatun* и *qunčij* могли присваиваться одновременно: так, в 769 г. Дай-цзун выдал свою приемную дочь за Бёгю-кагана и пожаловал ей титулы принцессы (*qunčij*) и царицы (*qatun*) [Skaff: 126].

²⁹ Ср. у П. Пельо: «В тюркском *qunčiu* рано приобрело более общее значение «дочери или жены из знатной семьи»» [Pelliot 1914: 269].

³⁰ См., например, в «Синь Таншу»: «На церемонии бракосочетания Тун-бага и Сяньбан-гунчу присутствовала младшая сестра кагана Кутлуг Бильге Кунчуй» [Бичурин: 327].

³¹ Одну из надписей Хойто-Тамира (III) О.Ф. Серткая и С. Харжаубай читают как *jüzl(ü)g qunč(u)j:t(a)rduš qunč(u)j* и переводят «прекрасная госпожа (*hanım*) / госпожа Тар-

было, или что оно не могло дополнять (в той или иной степени) понятие «дочь/родственница». Та же младшая сестра Бильге-кагана, выданная замуж, наверняка сохранила титул *qunčij*, который мог стать ассоциироваться с ее новым статусом супруги. То, что большинство «принцесс» выходили замуж, подтверждает это предположение.

Те ученые, которые придерживались толкования «жена» для КТб 49 (и даже КТб 20), вероятно, либо находились под влиянием позднейшего распространения значения «жена» в енисейских, уйгурских и других памятниках, либо излишне сосредоточивались на функции *qunčij* как жен каганов, либо следовали неверному переводу *qunčij* как «в жены». Еще раз подчеркнем, что, по нашему мнению, значение «жена» вполне допустимо в «орхонский» период, но, скорее всего, отсутствует в памятниках Кюль-тегина и Бильге-кагана. Оно могло использоваться в других контекстах, не сохранившихся письменно.

В дальнейшем разворачивается процесс того, что Эрдал назвал «дегенерацией» значения термина *qunčij* до «знатная женщина» и просто «жена» [Erdal 1993: 99]³². Уже Клосон писал, что термин *qunčij* «быстро стал использоваться для обозначения «супруги, жены», даже если ни муж, ни жена не принадлежали в действительности к царскому дому» [EDT: 635].

Поскольку в памятниках Уйгурского каганата интересующий нас термин не отмечен, мы сосредоточим свое внимание на енисейских рунических надписях, в которых сохранилось наибольшее число случаев его употребления во всем руническом корпусе.

Радлов, первым обратившийся к енисейским текстам, был ограничен представлением, полученным на материале Кошо-Цайдамских памятников, что *qunčij* не может означать «жена». Доказательств этому в енисейке он не находил, отмечая, что это слово почти повсюду встречается в начале списка лиц, с которыми расстался покойный (т. е. не является резюмирующим в конце ряда). Пытаясь спасти свой вывод, он указывал на то, что, поскольку рядом с *qunčij* не упоминаются ни матери, ни тетки, ни старшие и младшие сестры (зато постоянно называются мужские родственники), а вслед за ним часто следует *sizimä* («от вас моих»), свидетельствующее о множественном числе, можно предположить, что *qunčij* вообще является почетным титулом для женщин дома и означает «госпожа, княжна, принцесса» и т. п. Таким образом, он стремился сохранить «расширительное» толкование данного термина, предложенное им для КТб 49. Включал ли он сюда жен, неизвестно. Тем не менее, от решительного принятия этого тезиса Радлов воздержался, предпочтя помещать его в переводах енисейских эпитафий как иностранное слово с не до конца выясненным значением («Kuntschui») «душ» [Sertkaya, Narcaıbay: 322]. К сожалению, контекст надписи слишком краток, чтобы установить точное значение *qunčij* и дату создания памятника. Есть также похожие на *qunčij* термины в Терхинской надписи (*q(u)nčul/q(a)nčul/(a)q(i)nčul*) и надписи Кара-Балгасун II (*qunč/qunč(i)/(a)qunč*), которые трактуются исследователями как часть титула или личного имени [Katayama: 170, 172; Osawa 1999: 144–145; Osawa 2010: 315; Şirin User: 289; Tekin 1983: 48, 51, 58, 61], но их также пока нельзя идентифицировать уверенно.

³² Ему вторит Э. Айдын, говоря о «деградации значения» (*anlam kötüleşmesi*) этого слова у народов Саяно-Алтая [Ayдын 2013: 31].

[АТИМ: 363]. В более поздней публикации он предлагал для него перевод «знатная дама вообще (так в эпитафиях называют знатные люди своих жен³³ и родственников)» [Радлов, стлб. 916].

Значение «знатная дама, госпожа», однако, вбирающее в себя всех женщин дома, выглядит излишне универсальным. В надписях, содержащих термин *qunčuj*, встречаются обозначения матерей, сестер, дочерей, невесток и других родственников (Е 3, Е 6, Е 10, Е 11, Е 16, Е 45, Е 48, Е 59). Из этого следует, что *qunčuj* не охватывал их. Превалирующим значением его в эпитафиях, как мы увидим далее, было «жена»³⁴.

Томсен, говоря о енисейских надписях, переводил *qunčujit* (а именно в этой форме с посессивным аффиксом 1-го лица в них чаще всего используется данный титул) как «мои госпожи» (*mes dames*) [Thomsen 1913–1918: 5; 6, п. 2]. Очевидно, он следовал в этом своему раннему предположению, сохраняя из него вариант «госпожа» и не упоминая, по крайней мере, в данном случае, вариант «принцесса». Он предлагал считать фразу *qijda eki ešimä* «моим двум супругам в *qij* [гинекее, гареме]» вариантом *qijda qunčujita* «моим господам (*mes dames*) в гинекее», тем самым включая в понятие *qunčuj* супруг умершего. Могли ли под «господами» подразумеваться дочери и другие родственницы, не сказано [Thomsen 1913–1918: 6, п. 2]. В другой своей работе, однако, он уже переводил *qijdaqit qunčujit* как «моя (мои?) супруга(и) в гинекее» [Thomsen 1916: 66].

Оркун, по-видимому, следует Радлову, переводя *qunčuj* как «принцесса» и при этом ассоциируя его с женской частью семейств в целом [Orkun: 450]. Знатные люди всех своих родственников называли *qunčuj*.

А.Н. Бернштам отмечал, что значение термина *qunčuj* остается не совсем ясным [Бернштам: 161], но у кыргызов, предполагаемых авторов енисейских эпитафий, под ним «скрывается несколько иное содержание», чем под китайским *gōngzhū* «императорская принцесса, дочь императора», к которому его возводят [Бернштам: 161, прим. 4]. По мнению Бернштама, «термин *qunčuj* не является родовым термином». Для женского потомства, членов рода, и свойственников, замечает Бернштам, терминология имеется. Термин же *qunčuj* обозначает особых, отдельно находящихся женщин, не родственников. Возможно, это группа наложниц, рабынь [Бернштам: 162]. Верно указывая на обособленность *qunčuj* от других категорий женщин, Бернштам дает ему весьма своеобразную трактовку, связывая с невольницами нетюркского происхождения, принесшими с собой и нетюркский термин. Однако такое видное место, отводимое наложницам в надписях, выглядит удивительным.

С.Е. Малов в «Енисейской письменности тюрков» переводит *qunčuj* как «принцессы» [Малов 1952: 17, 22, 23, 26, 29, 35, 37, 38, 43, 46, 51, 56, 82, 83, 96], «госпожи (принцессы)» [Малов 1952: 11] и «супруги (принцессы)» [Малов 1952: 17]. Могли кто-то еще, кроме супруг, подразумеваться под этим термином, он не указывает.

³³ В немецком оригинале – *Frauen*. Это может значить и «жены», и «женщины». Если имеется в виду первое, то значит, Радлов допускал включение в *qunčuj* значения «жена». В русском тексте словарной статьи перевод *Frauen* отсутствует (оставлены только «родственницы»).

³⁴ Точнее, «знатная жена», «жена бега».

К. Брокельман пишет, что *qunčij* («принцессой») в енисейских надписях называется супруга [Brockelmann 1952: 141].

По К. Менгесу, в надгробных надписях Енисея знатные люди называют своих родственниц *qunčij* («принцесса») [Menges: 139]. Возможно, к этому слову восходит тувинское *кунчуг* «свекровь (мать мужа)», которое в результате конвергенции исхода слова изменило необычный *-ij* в ауслауте на более привычный *-иу* [Menges: 139, 147]³⁵. (Ср. в ЭСТЯ: «Примечательно появление *з* в ауслауте тувинского и тофаларского слов (ср. *суз* «вода», *оэ*, где *з* соответствует *-в* и *-й* туркменского языка)») [ЭСТЯ 2: 149]. Кормушин предполагает, что велярная форма конечного сонанта должна быть старше палатальной [Кормушин 2008: 259].

И.В. Стеблева в енисейских эпитафиях придерживается перевода *qunčij* «жены» [Стеблева 1965: 62, 137–140, 142].

Авторы «Древнетюркского словаря» переводят енисейское *qunčij* как «принцессы» или «младшие родственницы ханской крови» [ДТС: 117, 449, 464, 466].

Дж. Клосон переводит енисейское *qunčij* как «жены» [EDT: 124, 148, 269, 607, 635, 674], верный своему «матримониальному» истолкованию данного термина.

А.Н. Кононов последовательно переводил *qunčij* в енисейских памятниках как «ханша-девица» [Кононов: 131, 145, 154, 156, 162, 178, 183, 217]. По-видимому, имеются в виду дочери и другие младшие родственницы умершего (не жены).

Н.Н. Серегин и В.В. Тишин считают, что «у тюрков *qunčij* обозначаются все входящие в род женщины, являющиеся родственницами главы рода». К рассматриваемой категории они относят жен главы рода, незамужних сестер и дочерей и, видимо, племянниц [Серегин, Тишин: 93–94].

По Эрдалу, в енисейских надписях *qunčij* – это обычное обозначение жены умершего [Erdal 1993: 99; Erdal 2004: 184]. Также переводит его У. Йохансен – «супруга» [Johansen: 78].

Л. Базен, посвятивший ранним заимствованиям у тюрков отдельную статью, склонялся к гипотезе, что использовавшиеся ими иностранные титулы имели в основном почетный характер. Вдовы умерших у тюрков Верхнего Енисея надевались в погребальных надписях титулом *qunčiu* «принцесса». По Базену, это был явно почетный титул без всякой отсылки к генеалогии и реальных функций; он просто обозначает супругу, чье подлинное имя никогда не указывается. Использование этого условного титула, с его анонимностью, есть, видимо, результат закона, запрещавшего мужу произносить имя своей супруги на публике. Следы этого обычая до сих пор сохраняются в разных частях тюркского мира. Использование иностранного слова усиливало эту анонимность, содействуя, таким образом, усилению социальной гармонии [Bazin: 38–40].

Наиболее полный на сегодняшний день анализ словоупотребления *qunčij* в енисейских надписях и его семантики в целом принадлежит И.В. Кормушину. Он переводит его как «супруга, первая жена» [Кормушин 1997: 291; Кормушин 2008: 258–263, 326]. Адресация мемориантов к супругам имеет важное значение,

³⁵ А. Вамбери утверждал, что слово *qunčij* также известно в чагатайском языке в значении «юноша, герой, парень» (*kunžak*). Оно, вероятно, первоначально было почетным титулом молодых людей [Vambéry: 43]. Ср. в «Словаре шейха Сулеймана» (XIX в.): *kužak* (*kočak*) «сильный человек, смельчак» [Šejḫ Sulejman: 137].

поскольку данные адресаты количественно преобладают над остальными, при этом в тексте стоят либо первыми, либо одними из первых. Всего зафиксировано 26 случаев употребления *qinčij* в памятниках. Это наиболее обычное, часто употреблявшееся и, видимо, самое старое слово в лексематическом ряду супруг [Кормушин 2008: 258]. Данное слово сохраняется в современных тувинском и тофаларском языках: тув. *кунчуг*, тоф. *хунчуг* «свекровь»³⁶. «Очевидно, что усвоение слова произошло вместе с реалией, вероятно, в VI–VII вв., в период могущества тюрков, когда браки подобного рода были стабилизирующим фактором китайско-тюркских отношений <...> То, что *кунчуй* была супругой бека (*бега*), наглядно демонстрирует соотносительность семантики этой пары слов в современных тувинском и тофаларском, где *кунчуг* «свекровь», а *бег* «свекор». Семантический сдвиг здесь понятен: старшая пара в роду/племени → старшая пара в семье, но только по отношению к чужеродным членам семьи – невесткам, что, несомненно, коррелирует с исконной чужеродностью *кунчуй*» [Кормушин 2008: 259].

Кормушин предполагает, что лексема вошла в язык древних кыргызов, «скорее всего, гораздо раньше 9 в., времени создания самых ранних енисейских надписей». Об этом свидетельствует пассаж КТб 20, в котором речь идет о женитьбе кыргызского кагана на тюркской принцессе (младшей сестре Бильге-кагана). Это, справедливо отмечает он, «возможно, показывает путь продвижения китайского слова: через тюрков к кыргызам». Поскольку описываемое событие имело место несколько раньше 710 г., значит, к началу VIII в. слово *qinčij* наверняка вошло в древнекыргызский язык [Там же].

Кормушин указывает на трудность, вызываемую при переводах отсутствием аффикса множественного числа в *qinčij*, поскольку, с одной стороны, в енисейско-кыргызском обществе было, вероятно, в обычае многоженство, и супруг могло быть несколько, а с другой стороны, в грамматической системе той эпохи «в принципе существовало применение аффикса множественного числа *-lar*, особенно при родственных терминах». По мнению Кормушина, отсутствие множественного числа в *qinčij* вызвано стремлением пишущих «не входить в семейные проблемы» мемориантов, ограничиваясь самой общей характеристикой родственников, свойственников и их отношений к умершему (без уточнения деталей). О множественности жен сообщается единственный раз, но делается это с помощью числительного (Е 30). С другой стороны, в нескольких надписях под *qinčij* подразумевается одна жена (возможно, старшая), поскольку о ней сообщается, что она была взята замуж покойным в его очень раннем возрасте [Кормушин 2008: 260].

³⁶ По А.В. Дыбо, слово заимствовано в литературный древнетюркский, а из языка Тюркского или Уйгурского каганата – в язык-предок тувинского и тофаларского, где получило дальнейшее семантическое развитие в рамках, по-видимому, обрядовой терминологии свойства (ср. в русской свадебной обрядовой терминологии «князь» и «княгиня» в значении «муж» и «жена») [Дыбо: 792]. Ср. в ЭСТЯ: «В тувинском языке *кунчуг* “свекровь” выступает в паре с *бег* “свекор”, первоначально “бег, князь, принц”. С тувинским “свекор” можно сравнить татарское *би ата* “свекор”. Таким образом, *кунчуг* – почтительное наименование свекрови» [ЭСТЯ 2: 149]. Ср. также одно из значений китайского *gōng* (公) – «свекор».

Отсутствие показателя множественности, действительно, представляет собой проблему, хотя большинство исследователей переводили *qunčuj* в енисейских надписях во множественном числе. Аффикс *-lar* в руническую эпоху уже существовал и присоединялся к очень ограниченному числу основ, обозначающих человеческие существа (в основном родственников и уважаемых людей), выражая любовь, интимную привязанность, почтительность, величие [Brockelmann 1954: 280–282; Tekin 1968: 121]. Отсутствие этого элемента, однако, не говорит о том, что речь идет о единственном числе, поскольку в рунических надписях именное множество выражалось лишь окказионально. Наличие *-lar* в целом было вопросом не экономии аффиксов, а индивидуальности, выделенности по шкале релевантности. Присутствие *-lar* свидетельствует о множестве индивидуальных существ, а не о собирательной множественности, не о массе [Erdal 2004: 158–159]. Присоединение этого аффикса к *qunčuj*, казалось бы, было совершенно естественным, и оно наблюдается в КТб 49; тем не менее в енисейских текстах оно отсутствует. Вряд ли это объясняется недостатком привязанности и уважения покойного к своим супругам – надписи, скорее, свидетельствуют об обратном. Возможно, действительно, речь идет о женах как общем понятии, дифференциация внутри которого была необязательной для вынесения на широкую публику, или, в некоторых случаях, об одной (старшей?) жене. Кроме того, термин *qunčuj*, означающий всю совокупность определенной категории лиц, позволял избегать случайного пропуска того или иного лица.

Х. Ширин Усэр, посвятившая специальную статью терминам *qatun* и *qunčuj*, выдвигает гипотезу о том, что существуют рунические памятники, воздвигнутые в честь женщин. Это можно установить, по ее мнению, по наличию в некоторых из них термина *qunčuj*. Один из вероятных надгробных камней в честь женщин – Бомбогорская стела, принадлежащая, возможно, карлукам. Ширин Усэр читает один из ее фрагментов следующим образом: *il bil(i)g (bilg[ä]) qunč(u)j(u)ŋ tolt(u)nī*, и переводит «могила Ильбилиг (бильге) кунчуй», т. е. принцессы Ильбилиг (бильге). Она приводит чтение данного места у Ц. Баттулги, в котором также фигурирует термин *qunčuj*: *ilbis ilig qunčujŋ tultoni*. Этот текст, с ее точки зрения, с высокой степенью вероятности может быть надгробным камнем *qunčuj*, отданной из тюркского каганского дома в жены карлукам [Şirin User: 287–288].

Указывая, что монгольский исследователь М. Шинехуу читает в 1-й строке надписи Кара-Балгасун II *qunčī*, и в ряде уйгурских памятников есть такие варианты *qunčuj*, как *qunči* и *qunčī*, обусловленные, вероятно, выпадением конечного звука (или альтернативным написанием), Ширин Усэр реконструирует 1-ю строку надписи Кара-Балгасун II как *qunčī bujruiqī ärtim* «я был буюруком у кунчуй» и цитирует схожую реконструкцию этого места у А. Рона-Таша: *qunč[ujniŋ] /// bujruiqī* «буюрук принцессы» (Şirin User: 288–289).

Обращаясь к Архананской надписи, первые два слова в которой читаются рядом исследователей *täŋrikän qunčuj*, Ширин Усэр допускает (вслед за Ф.С. Барутчу Озондер), что эта надпись могла быть создана с целью благословения после завершения брачной церемонии *qunčuj* и некоего Кюль Таркана [Şirin User: 289]³⁷.

³⁷ См. подробный обзор переводов и толкований Архананской надписи в: Кормушин И.В., Баттулга Ц. Архананская надпись // Тюркологический сборник 2011–2012: По-

В надписи Хойто-Тамир III («прекрасная кунчуй, тардушская кунчуй»), по ее мнению, речь идет о некоей тардушской принцессе, что может свидетельствовать о брачных связях каганского дома и племени Тардуш. Поскольку тардуши были одним из племен Второго тюркского каганата, то возможно, эта надпись была создана в VIII веке и относится к группе «орхонских» текстов [Şirin User: 289–290]³⁸.

В двух граффити из пещер Яр-Хото, изданных Эрдалом, также упоминается *qunčuj*. По Ширин Усэр, речь в них идет о жене (женах) Кёртле-чора, одна из которых была младшей сестрой Йилиг-чора [Şirin User: 290–291]. Отмечая, что в ряде современных языков слово *qunčuj* приобрело другое значение – «свекровь», Ширин Усэр указывает, что акцент в нем был перенесен с общественного измерения на семейное [Şirin User: 286, n. 12]³⁹.

Эти наблюдения очень интересны. Вероятное употребление *qunčuj* в Бомбогорской, Кара-Балгасунской II, Архананской, Хойто-Тамирской III надписях и двух надписях из Яр-Хото в значениях «принцесса» и «жена» пока еще мало исследовано специалистами. Некоторые из этих памятников (Кара-Балгасун II, Хойто-Тамир III) могут относиться к VIII веку, другие – к более позднему периоду. Во всяком случае, они составляют любопытную группу рунических текстов, не входящую ни в классический «орхонский», ни в енисейский корпус, хотя, возможно, какие-то ее надписи и связаны с ними. К сожалению, чтение, интерпретация и точная датировка этих памятников остаются спорными; до получения более точной информации трудно говорить о том, какое место они занимают в эволюции орфографии и семантики термина *qunčuj* (см. выше прим. 31).

Завершая наш экскурс в терминологию енисейских памятников, мы можем сказать, что, действительно, термин *qunčuj* в них использовался преимущественно в значении «жена». Осознание этого пришло не сразу, поначалу исследователи толковали его по-разному, но в конечном итоге возобладало мнение о том, что это все-таки «супруга». Безусловно, нельзя исключить того, что в каких-то случаях и в какой-то степени под этим термином могли подразумеваться другие категории женщин: дочери, младшие сестры, родственницы, свойственницы и т. д., но в текстах надписей это надежно не просматривается. Из триады значений *qunčuj* – (1) «дочь/родственница правителя/знатного лица», (2) «супруга правителя/знатного лица», (3) «женщина княжеского достоинства», – в енисейских надписях на первый план выдвинулось «супруга», дополненное действительным или декларативным утверждением знатности. О степени этой знатности трудно судить. Речь идет обычно о женах местных князей, военачальников, чиновников. Жены князей могли наследовать знатность как по происхождению, так и приобретать ее через брак. Возможно, прав Базен, что в некоторых случаях это был по-

литическая и этнокультурная история тюркских народов и государств. М., 2013. С. 204–219. С.Г. Кляшторный и Э. Трыарский переводят *qunčuj* в надписи как «принцесса», Кормушин-Баттулга – «супруга знатного лица» [Кормушин, Баттулга: 213–215]. Кормушин-Баттулга датируют надпись серединой IX в. [там же: 218].

³⁸ По Н.Н. Серегину и В.В. Тишину, *qunčuj* здесь имеет значение «жена, супруга» [Серегин, Тишин: 94].

³⁹ Схожий процесс имеет место в якутском языке, где термин *хотун* стал обозначать «свекровь» или «жену».

четный титул без отсылки к генеалогии и реальным функций. В эпитафиях меморианты величали своих супруг этим княжеским титулом, так или иначе стремясь подчеркнуть притязания на благородство своего или их происхождения, но как это было связано с их реальным социальным статусом и не обуславливалось ли эпитафийным канонам, допускавшим, по-видимому, гиперболизацию, мы не знаем. Строго говоря, при переводе *qunčij* в енисейке на русский язык, учитывая соединенность в нем аспектов супружества и знатности, можно было бы использовать русский термин «княгиня», который подразумевает замужество и знатность. Однако в русской литературе устоялся перевод «княжна», который, с соответствующими комментариями, можно сохранить.

Как указывалось выше, сам термин *qunčij* был известен енисейским кыргызам уже к началу VIII в., а, возможно, и раньше. Он проник к ним, по всей видимости, через тюрков и уйгуров, имевших прямые дипломатические контакты с Китаем и подражавших китайской титулатурной практике в своей среде. Но чем был вызван сдвиг в значениях *qunčij* в пользу «супруги»? Можно предположить, что это было обусловлено следующим обстоятельством. В «орхонскую» и «енисейскую» эпоху титул *qunčij* занимал второе по значимости место после *qatun* – супруги правителя (кагана). Он был усвоен как почетное звание, ассоциировавшееся с китайскими принцессами. Каганы называли своих супруг *qatun*, а родственниц (особенно, быть может, младших) – *qunčij*. Аристократия (беги), стоявшая на социальной лестнице ниже кагана, титул *qatun* не использовала (по крайней мере, такие случаи не засвидетельствованы), но сохраняла за своими супругами, если они были дочерьми или родственницами каганов, титул *qunčij*. Постепенно этот титул распространился и на жен бегов, даже если они не были каганской крови (у кыргызов; но не исключено, что нечто подобное было уже в Тюркском и Уйгурском каганате). Таким образом, установилась связка *bäg* – *qunčij*, частично сохранявшаяся и в более позднее (уйгурское) время и нашедшая свое отражение в тувинском/тофаларском *бег* «свекор» – *кунчуг* «свекровь»⁴⁰. Свидетельство Махмуда Кашгарского о том, что *qunčij* – это титул на одну ступень ниже *qatun*, показывает, как тесно иерархически были связаны эти два титула. Проникновение титула *qunčij* из каганской семьи к представителям аристократии через браки обусловило преобладание в нем значения «супруга». Величание супруг «принцессами» как бы подразумевало, что это были дочери/родственницы правителя, хотя на деле это могло быть (а у кыргызов, видимо, в основном и было) не так. Обращает на себя внимание тот факт, что термин *qatun*, встречающийся в некоторых енисейских надписях (Е 3, Е 12), указывает, видимо, на названия рек, а не на реальных женщин [Кормушин 1997: 182–183, 192–193, 196, 291; Кормушин 2008: 93–94, 105, 325; Малов 1952: 19–20]⁴¹. Разу-

⁴⁰ Ср., например, *qunčujlarnıñ bāgi* «муж[ья] этих женщин [жен]» [Bang: 247; Erdal 2004: 496; Müller III: 81]. Иногда бывает трудно точно определить: идет ли речь о князьях и княгинях или о мужьях и женах.

⁴¹ Так же не может он означать и супругу кагана (хана), т.е. использоваться в своем первичном значении, поскольку надпись Е 3 не является ханской (в ней мемориант упоминает о хане (*qanım*) как о постороннем лице) [Кормушин 1997: 192–193; Кормушин 2008: 92–94]. *Ägük qatun* в Е 3 считал топонимом уже Радлов [АТИМ: 306–307, 351].

меется, со временем, по мере децентрализации политического объединения енисейских кыргызов, титул *qatun* (если он у них был) мог девальвироваться в их среде, но все же в надписях мы не встречаем его, по-видимому, в качестве обозначения супруг умерших⁴². Мог ли титул *qunčij* использоваться для обозначения (младших) родственниц кыргызских бегов, неизвестно. В текстах, однако, когда речь идет об этих родственницах, они обозначаются с помощью других терминов. Исключить то, что существовали контексты, в которых они именовались *qunčij*, нельзя, но в имеющемся корпусе текстов факты такого рода отсутствуют. Незафиксированность *qunčij* применительно к родственницам бегов косвенно подтверждает предположение, что этот титул распространялся в бегской среде в основном по линии брака, а не копирования номенклатуры родства⁴³. В дальнейшем, однако, «престижное» слово стало широко использоваться для обозначения супруг вообще, утратив связь с представителями семейства кагана (хана).

В завершение скажем несколько слов о последнем, уйгурско-караханидском периоде бытования термина *qunčij*. В этот период для него характерны все три упомянутые выше значения, как по отдельности, так и в сочетании. Он может означать принцесс (княжон), [Bang, Gabain 1931: 38; Erdal 2004: 292, 443; Franzmann: 86–87; Le Coq 1911: 31; Le Coq 1912: 147; Müller II: 20; Müller III: 13, 75; Orkun: 76; VATEC; Zieme 2012: 9; Zieme 2015: 86–87, 89, 100–101, 226], царских супруг, цариц, княгинь [Rybatzki: 508; VATEC; Wilkens: 423; Zieme 2015: 35–36, 226], супруг [Дыбо: 792; EDT: 129, 231, 515, 616, 635; Ercilasun: 238; Erdal 2004, с. 180, 186; Gabain 1959: 31–33; Müller II: 23; Müller III: 42, 81; Thomsen 1912: 197; Wilkens: 423], знатных женщин [Ecsedy: 88; Erdal 1993: 99; Erdal 2004: 384; Niu Ruji: 232–233] и просто женщин [EDT: 219, 927, 970; Erdal 2004: 183; Golden 2024: 46; Müller III: 22, 75, 78–79, 82; Wilkens: 423; Zieme 2015: 173, 273]. Махмуд Кашгарский определял *qunčij* как «женщину благородного происхождения или принцессу (*sayyida*), на одну ступень ниже хатун; говорят: *qatun qunčij*» [CTD: 274]. Ф. Рыбацкий дал подробную сводку словоупотреблений *qunčij* в уйгурских памятниках, охватывающую широкий спектр значений: «принцесса» («княжна»), «княгиня», «царица», «царская супруга», «знатная женщина», «жена, супруга», «младшая жена», «женщина» [Rybatzki: 508–509]⁴⁴. Как видим, достаточно последовательно прослеживаются аспекты «знатности» и «супружества», хотя и они могут оказаться отброшенными (в значении «женщина»). Отличительная черта уйгурского периода – «снижение» термина *qunčij* для обозначения женщин вообще, не знатных и не жен. Для уйгурского времени даже Клосон делал уступку и в некоторых случаях переводил *qunčij* как «женщина», а не «же-

⁴² Эрдал полагает, что в Е 12 он может означать жену умершего [Erdal 1993: 98]. *Qatun* также обозначает супругу в таласских надписях [Батманов: 10, 14–16, 47; Малов 1951: 74–75; Малов 1959: 59, 98]. Со временем это слово стало широко распространенным обозначением жены в тюркских языках.

⁴³ Которое все-таки нельзя исключить.

⁴⁴ В целом, складывается впечатление, что под *qunčij* почти всегда подразумеваются знатные семейства (или претендующие на статус быть таковыми). Даже в тех случаях, когда имеются в виду просто женщины или жены, присутствует некий оттенок «благородства».

на». Было ли вызвано это явление какими-то историческими обстоятельствами, или причина в том, что уйгурский корпус памятников более многочислен и разнообразен, чем рунический, и потому в нем сохранилось больше разных контекстов, сказать трудно. Возможно, распад крупных империй и переход к оседлой жизни породил известную девальвацию прежней терминологии.

Полного вытеснения одного значения другими не происходит, они сосуществуют. Сохраняются как самые высокие значения («супруга правителя»), так и самые обыденные («женщина», «жена»). В уйгурских памятниках иногда бывает трудно уловить точное значение *qunčuj* – оно как бы колеблется между несколькими вариантами, например, между «князьями/княгинями» и «мужьями/женами»⁴⁵. В немецких переводах эта неясность сглаживается использованием термина *Frau*, который значит и «женщина», и «жена», и «госпожа». В русском языке в прошлом слово *жена* также указывало и на женщину, и на супругу, однако сейчас такое его употребление только запутало бы дело.

В триаде значений *qunčuj* происходило расширение⁴⁶ и «снижение» значений ее отдельных частей. Данный титул мог приобретать значение «знатная женщина» или «супруга». Дальнейшим результатом обособления двух названных значений стало выделение из них общего значения «женщина», с утратой аристократического и матримониального аспекта. Возможно, какой-то отголосок престижности, статусности в термине *qunčuj* сохранялся даже в этом предельном случае, но он уже не был связан с реальными функциями. В ряде случаев титул *qunčuj* становился частью личного имени. Все случаи подобного словоупотребления зафиксированы в позднейших памятниках, и можно предположить, что зачатки этих тенденций появились уже в «орхонский» период.

Специфика уйгурского словоупотребления термина *qunčuj* была, вероятно, обусловлена исторической ситуацией, в которой происходило становление и развитие уйгурских государств. Уйгуры, бежавшие на юг после разгрома Уйгурского каганата в 840 г., принесли с собой традиции этого каганата, восходившие, в свою очередь, к традициям каганата Тюркского. Это были в какой-то степени еще традиции ранней, «орхонской» эпохи. У них, в частности, полностью сохранялась триада значений титула *qunčuj*. Возможно, этому способствовали продолжавшиеся тесные политические и культурные контакты с Китаем и после ухода уйгуров из Монголии. При этом, однако, происходило обособление отдельных значений *qunčuj*, порождавшее характерный уйгурский «букет значений». Было ли это наследием уже ранней эпохи или обуславливалось ослаблением центральной политической власти у уйгуров Таримского бассейна, приведшим к девальвации титулатуры, неясно. Можно предположить, что сочетались обе тенденции.

Обращает на себя внимание то, что, по-видимому, не происходило обособления значения «незнатная дочь/родственница»⁴⁷. Это может объясняться процессом, схожим с таковым уже в тюркских империях в Монголии, когда титул *qunčuj* применялся по отношению к дочерям и иным родственникам правителя,

⁴⁵ Допустимы и переходные варианты типа «супруга знатного происхождения».

⁴⁶ Ширин Усэр называет его «обобщением (genelleşme)» [Şirin User: 285].

⁴⁷ Хотя можно допустить использование в качестве уважительного или ласкательного имени, как это было в позднейшие эпохи.

но не использовался (или мало использовался) по отношению к дочерям/родственницам бегов. Поскольку в этом своем значении он охватывал сравнительно узкий круг людей, не захватывая массу аристократии, то и процесса «дегенерации» с ним не случилось, так как для последнего необходимо более широкое бытование термина, как с *qinčij* в значении «супруга знатного лица». Это еще раз может подтвердить предположение, что у бегов титул *qinčij* распространялся через браки, а не через использование его для обозначения дочерей/родственников внутри семьи. Впрочем, этот тезис нуждается в дальнейшем исследовании.

Заключение

Итак, складывается следующая картина распространения термина *qinčij* в Центральной Азии. Первоначально этим титулом назывались дочери или родственницы китайского императора и князей, имевшие по рождению или получившие иным путем княжеское достоинство и выдававшиеся замуж за правителей или высших сановников кочевых государств с эпохи сюнну. Эта практика сохранялась и в ранний тюркский («орхонский») период, т. е. в эпоху Тюркского и Уйгурского каганатов. В самой тюркской среде данный титул стал обозначать как супруг, поскольку китайские княжны прибывали к тюркам именно в этом качестве, так и дочерей/родственников каганов (а, возможно, и других знатных лиц); княжеское достоинство могло быть также пожаловано правителем. Таким образом, сформировалась семантическая триада слова *qinčij*: «дочь/родственница правителя / знатного лица», «супруга правителя / знатного лица», «женщина княжеского достоинства», при этом в разные исторические периоды какое-либо из значений преобладало над остальными. Вероятно, практика выдачи каганских дочерей замуж за князей привела к распространению этого титула в среде аристократии, где он закрепился в значении «супруга». Данный процесс наглядно прослеживается в енисейских рунических надписях, хотя его истоки, по всей видимости, восходят к «орхонскому» периоду. В уйгурский период наблюдается расширение и «снижение» отдельных значений термина *qinčij*, в результате чего появляются дефиниции «знатная женщина» и «супруга», а потом и просто «женщина». При этом уйгуры сохраняют значения «супруга правителя / знатного лица» и «дочь/родственница правителя / знатного лица», что могло быть обусловлено как их имперским наследием, так и сохраняющимися тесными контактами с Китаем. Таков был путь титула *qinčij* в тюркской среде.

Литература

- Айдаров – *Айдаров Г.* Язык орхонских памятников древнетюркской письменности VIII века. Алма-Ата: Издательство «Наука» Казахской ССР, 1971. – 380 с. {*G. Aydarov. The Language of the Orkhon Monuments of Ancient Turkic Writings of the 8th Century.* – Alma-Ata: Publishing House “Nauka” of the Kazakh SSR, 1971. – 380 p.}
- Батманов И.А. – *Батманов И.А.* Таласские памятники древнетюркской письменности. Фрунзе: Илим, 1971. – 66 с. {*I.A. Batmanov. Talas Monuments of Ancient Turkic Writings.* – Frunze: Ilim, 1971. – 66 p.}
- Бернштам – *Бернштам А.Н.* Социально-экономический строй орхон-енисейских тюрков VI–VIII веков. М.–Л.: Издательство Академии наук СССР, 1946. – 210 с. {*A.N. Bernshtam. The Socio-*

- Economic System of the Orkhon-Yenisei Turks in the 6th–8th Centuries. – Moscow–Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1946. – 210 p.}
- Бичурин – *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. – Т. I. – М.–Л.: Издательство Академии наук СССР, 1950. – 382 с. {*N.Ya. Bichurin. A Collection of Information About the Peoples who Inhabited Central Asia in Ancient Times.* – Vol. I. – Moscow–Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1950. – 382 p.}
- БКРС – Большой китайско-русский словарь (под ред. И.М. Ошанина). – Т. 2–4. – М.: Наука, 1983–1984. – 1112 с., 1106 с., 1062 с. {*Comprehensive Chinese-Russian Dictionary / Executive editor: I.M. Oshanin.* – Vol. 2–4. – Moscow: Publishing House «Nauka», 1983–1984. – 1112 p., 1106 p., 1062 p.}
- ДЛТ – *Махмūd ал-Кāшгарī.* Дивāн лугāt ат-турк (Свод тюркских слов) (под ред. И.В. Кормушина). – Т. 2. – М.: Наука–Восточная литература, 2016. – 512 с. {*Mahmūd al-Kāshgarī. Dīwān Lughāt al-Turk (Collection of Turkic Words) / Executive editor: I.V. Kormushin.* – Vol. 2. – Moscow: Publishing House “Nauka–Vostochnaya Literatura”, 2016. – 512 p.}
- ДТС – *Древнетюркский словарь.* Л.: Наука, 1969. – 677 с. {*Old Turkic Dictionary.* – Leningrad: Publishing House “Nauka”, 1969. – 677 p.}
- Дыбо – *Дыбо А.В.* Хронология тюркских языков и лингвистические контакты ранних тюрков / Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка (под ред. Э.Р. Тенишева, А.В. Дыбо). М.: Наука, 2006. – 909 с. {*A.V. Dybo. Chronology of the Turkic Languages and Linguistic Contacts of the Early Turks / Comparative-Historical Grammar of the Turkic Languages. The Proto-Turkic Base Language. The Worldview of the Proto-Turkic Ethnic Group Based on Language Data / Executive editors: E.R. Tenishev, A.V. Dybo.* – Moscow: Publishing House “Nauka”, 2006. – 909 p.}
- Иннокентий – *Полный китайско-русский словарь* (под ред. епископа Иннокентия). – Т. 1–2. – Пекин: Издание Начальника Пекинской Духовной миссии/Типография Успенского монастыря духовной миссии, 1909. – 954 с., 1071 с. {*Complete Chinese-Russian Dictionary / Executive editor: Bishop Innocenty.* – Vol. 1–2. – Beijing: Chief’s Edition of Spiritual Mission in Beijing/Dormition Monastery of Spiritual Mission Printing House, 1909. – 954 p., 1071 p.}
- Кляшторный – *Кляшторный С.Г.* Формы социальной зависимости в государствах кочевников Центральной Азии (конец I тысячелетия до н. э. – I тысячелетие н. э.) / История Центральной Азии и памятники рунического письма. СПб.: Издательство Филологического факультета СПбГУ, 2003. – 560 с. {*S.G. Klyashtorny. Forms of Social Dependence in the Nomadic States of Central Asia (Late 1st Millennium BC – 1st Millennium AD).* – Saint Petersburg: Publishing House of the Philological Faculty of St. Petersburg State University, 2003. – 560 p.}
- Кононов – *Кононов А.Н.* Грамматика языка тюркских рунических памятников VII–IX вв. – Л.: Наука, 1980. – 179 с. {*A.N. Kononov. Grammar of the Language of Turkic Runic Monuments of the 7th–9th Centuries.* – Leningrad: Publishing House “Nauka”, 1980. – 179 p.}
- Кормушин 1997 – *Кормушин И.В.* Тюркские енисейские эпитафии. Тексты и исследования. – М.: Наука, 1997. – 304 с. {*I.V. Kormushin. The Turkic Yeniseian Epitaphs: Texts and Research.* – Moscow: Publishing House “Nauka”, 1997. – 304 p.}
- Кормушин 2008 – *Кормушин И.В.* Тюркские енисейские эпитафии. Грамматика. Текстология. – М.: Наука, 2008. – 344 с. {*I.V. Kormushin. The Turkic Yenisei Epitaphs. Grammar. Textology.* – Moscow: Publishing House “Nauka”, 2008. – 344 p.}
- Кормушин, Баттулга – *Кормушин И.В., Баттулга Ц.* Архананская надпись // Тюркологический сборник 2011–2012: Политическая и этнокультурная история тюркских народов и государств. – М.: Наука–Восточная литература, 2013. – С. 204–219. {*I.V. Kormushin, Ts. Battulga. The Arkhanan Inscription // Tyurkologicheskii Sbornik/Turcologica 2011–2012: Political and ethnocultural history of the Turkic peoples and states.* – Moscow: Publishing House “Nauka–Vostochnaya Literatura”, 2013. – Pp. 204–219}
- Малов 1951 – *Малов С.Е.* Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. – М.–Л.: Издательство Академии наук СССР, 1951. – 452 с. {*S.Ye. Malov. Monuments of Ancient Turkic Writing. Texts and Research.* – Moscow–Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1951. – 452 p.}
- Малов 1952 – *Малов С.Е.* Енисейская письменность тюрков. Тексты и переводы. – М.–Л.: Издательство Академии наук СССР, 1952. – 118 с. {*S.Ye. Malov. The Yenisei Writing System of the*

- Turks. Texts and Translations. – Moscow–Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1952. – 118 p.}
- Малов 1959 – *Малов С.Е.* Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. – М.–Л.: Издательство Академии наук СССР, 1959. – 113 с. {*S.E. Malov.* Monuments of Ancient Turkic Writing in Mongolia and Kyrgyzstan. – Moscow–Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1959. – 113 p.}
- МК – *Махмұд ал-Кāшгарй.* Дйвāн Лугāt ат-Турк (под ред. З.-А. М. Ауэзовой). – Алматы: Дайк-Пресс, 2005. – 1288 с. {*Mahmūd al-Kāshgarī.* Dīwān Lughāt al-Turk / Executive editor: Z.-A.M. Auezova. – Almaty: Daik-Press, 2005. – 1288 p.}
- Мелиоранский – *Мелиоранский П.М.* Памятник в честь Кюль Тегина. – СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1899. – 144 с. {*P.M. Melioranskiy.* Monument in Honour of Kül Tegin. – Saint Petersburg: Printing House of the Imperial Academy of Sciences, 1899. – 144 p.}
- Палладий – Китайско-русский словарь, составленный архимандритом Палладием и старшим драгоманом П.С. Поповым. – Т. I–II. – Пекин: Типография Тун-вэнь-гуань, 1888. – 628 с., 666 с. + 69 с. {*Chinese-Russian Dictionary Compiled by Archimandrite Palladius and P.S. Popov, the Senior Dragoman.* – Vol. I–II. – Beijing: Tong-wen-guan Printing House, 1888. – 628 p., 666 p. + 69 p.}
- Радлов – *Радлов В.В.* Опыт словаря тюркских наречий. – Т II. – Ч. 1. – СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1899. – 1052 стлб. {*V.V. Radlov (=Radloff, Friedrich Wilhelm).* An Attempt at a Dictionary of Turkic Dialects. – Vol. 2. – Part 1. – Saint Petersburg: Printing House of the Imperial Academy of Sciences, 1899. – 1052 p.}
- Радлов, Мелиоранский – *Радлов В.В., Мелиоранский П.М.* Древнетюркские памятники в Кошо-Цайдаме / Сборник трудов Орхонской экспедиции IV. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1897. – 45 с. {*V.V. Radlov, P.M. Melioranskiy.* Ancient Turkic Monuments in Khōshō-Tsaidam / Collection of Works of the Orkhon Expedition IV. – Saint Petersburg: Printing House of the Imperial Academy of Sciences, 1897. – 45 p.}
- Серегин, Тишин – *Серегин Н.Н., Тишин В.В.* Социальная история тюрков Центральной Азии (вторая половина I тыс. н. э.). – Часть 1: Очерки социальной структуры (по письменным и археологическим источникам). – Барнаул: Издательство Алтайского государственного университета, 2017. – 344 с. {*N.N. Seregin, V.V. Tishin.* Social History of the Turks of Central Asia (Second Half of the 1st Millennium AD). – Part 1: Essays on Social Structure (Based on Written and Archaeological Sources). – Barnaul: Printing House of the Altai State University, 2017. – 344 p.}
- СДИ – *Словарь древнекитайских иероглифов* (под ред. Т.Н. Никитиной и В.П. Зайцева). – СПб.: Каро, 2009. – 344 с. {*Dictionary of Ancient Chinese Characters* / Executive editors: T.N. Nikitina, V.P. Zaytsev. – Saint Petersburg: “Karo” Printing House, 2009. – 344 p.}
- Стеблева 1965 – *Стеблева И.В.* Поэзия тюрков VI–VIII веков. – М.: Наука, 1965. – 148 с. {*I.V. Stebleva.* Poetry of the Turks of the 6th–8th Centuries. – Moscow: “Nauka” Publishing House, 1965. – 148 p.}
- Стеблева 1976 – *Стеблева И.В.* Поэтика древнетюркской литературы и ее трансформация в раннеклассический период. – М.: Наука, 1976. – 215 с. {*I.V. Stebleva.* Poetics of Ancient Turkic Literature and its Transformation in the Early Classical Period. – Moscow: “Nauka” Publishing House, 1976. – 215 p.}
- СЦ – *Сыма Цянь.* Исторические записи (Ши цзи). М.: Наука – Восточная литература. – VI том (1992). – 485 с.; VIII том (2002). – 512 с.; IX том (2010). – 624 с. {*Sima Qian.* Records of the Grand Historian (Shi ji). – Vol. VI (1992), VIII (2002), IX (2010). – Moscow: “Nauka–Vostochnaya Literatura” Publishing House. – 485 p., 512 p., 624 p.}
- Тугушева – *Тугушева Л.Ю.* Тюркские рунические письменные памятники из Монголии. – М.: Инсан, 2008. – 192 с. {*L.Yu. Tugusheva.* Turkic Runic Written Monuments from Mongolia. – Moscow: “Insan” Publishing House, 2008. – 192 p.}
- ЭСТЯ – Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские лексические основы на буквы «К», «Қ». – М.: Языки русской культуры. – Выпуск 1 (1997). – 364 с.; выпуск 2 (2000). – 261 с. {*Etymological Dictionary of Turkic Languages: Common Turkic and Inter-Turkic Stems Beginning with «К», «Q».* – Issue 1 (1997), issue 2 (2000). – Moscow: “Yazyki russkoy kul'tury” [“Languages of the Russian Culture”] Publishing House. – 364 p., 261 p.}
- Arden-Wong – *L.A. Arden-Wong.* Preliminary Thoughts on the Marble Inscriptions from Karabalgasun // Journal of Inner Asian Art and Archaeology. – Vol. 6. – 2011. – Pp. 75–100.

- ATIM – Radloff, Friedrich Wilhelm. Die alttürkischen Inschriften aus der Mongolei [Древнетюркские надписи Монголии]. – St. Pétersbourg: Buchdruckerei der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, St. Petersburg, 1894–1895. – 460 S. {*W. Radloff*. The Old Turkic Inscriptions from Mongolia. – St. Petersburg: Printing House of the Imperial Academy of Sciences in St. Petersburg, 1894–1895. – 460 p.}
- ATIM N.F. – Radloff, Friedrich Wilhelm. Die alttürkischen Inschriften aus der Mongolei. Neue Folge [Древнетюркские надписи Монголии. Новая серия]. – St. Pétersbourg: Buchdruckerei der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, 1897. – 181 S. {*W. Radloff*. The Old Turkic Inscriptions from Mongolia. New Series. – St. Petersburg: Printing House of the Imperial Academy of Sciences, 1897. – 181 p.}
- Aydın 2008 – Aydın, Erhan. Eski Türk yazıtlarındaki bazı yabancı öğelerin yazımı çerçevesinde eski Türk yazıtlarının yazımı üzerine notlar [Заметки по орфографии древнетюркских надписей с учётом присутствия в них некоторых иноязычных элементов] // *Turkish Studies*. – Vol. 3/6. – 2008. – SS. 112–124. {*E. Aydın*. Notes on the Orthography of Old Turkic Inscriptions Within the Framework of the Spelling of Certain Foreign Elements in Old Turkic Inscriptions // *Turkish Studies*. – Vol. 3/6. – 2008. – Pp. 112–124.} (In Turkish.)
- Aydın 2013 – Aydın, Erhan. Yenisey yazıtlarında kahramanlık tasvirleri [Героические образы в Енисейских надписях] // Abant İzzet Baysal Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Dergisi. – Cilt 13. – 2013. – Yarmakan – Semih Tezcan’a Armağan. – SS. 29–37. {*E. Aydın*. Heroic Depictions in the Yenisei Inscriptions // Abant İzzet Baysal Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Dergisi. – Vol. 13, 2013. – Yarmakan – Semih Tezcan’a Armağan. – Pp. 29–37.} (In Turkish.)
- Bang – Bang, Willi. Turkologische Briefe aus dem Berliner Ungarischen Institut [Тюркологические письма из Венгерского института в Берлине] // *Ungarische Jahrbücher*. – Band V. – 1925. – SS. 231–251. {*W. Bang*. Turkological Letters from the Hungarian Institute in Berlin // *Hungarian Yearbooks*. – Vol. 5. – 1925. – Pp. 231–251.}
- Bang, Gabain 1929 – Bang, Willi; Gabain, Annemarie von. Türkische Turfan-Texte I. Bruchstücke eines Wahrsagebuches [Тюркские тексты из Турфана. I. Фрагменты Книги гаданий] // *Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse XV* (1929). – 30 S. {*Bang, Willi; Gabain, Annemarie von*. Turkic Turfan Texts I: Fragments of a Divination Book // *Proceedings of the Prussian Academy of Sciences. Philosophical and Historical Class XV* (1929). – 30 p.}
- Bang, Gabain 1931 – Bang, Willi; Gabain, Annemarie von. Analytischer Index zu den fünf ersten Stücken der türkischen Turfan-Texte. Sonderausgabe aus den Sitzungsberichten der Preussischen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-Historische Klasse [Аналитический указатель к пяти первым фрагментам тюркских текстов из Турфана. Специальное издание из «Отчётов о заседаниях Прусской академии наук». Философско-исторический класс]. XVII (1931). – 59 S. {*Bang, Willi; Gabain, Annemarie von*. An Analytical Index to the First Five Pieces of the Turkic Turfan Texts. Special Issue from the Proceedings of the Prussian Academy of Sciences. Philosophical-Historical Class. XVII (1931). – 59 p.}
- Baxter – Baxter, William Hubbard. A Handbook of Old Chinese Phonology. – Berlin–New York: Mouton de Gruyter, 1992. – 922 p.
- Baxter, Sagart – W.H. Baxter, L. Sagart. Old Chinese: A New Reconstruction. – New York: Oxford University Press, 2014. – 431 p.
- Bazin – L. Bazin. Pre-Islamic Turkic Borrowings in Upper Asia: Some Crucial Semantic Fields // *Dio- genes*. Vol. 43. Issue 171. 1995. – Pp. 35–44.
- Bazylkhan – Bazylkhan, Napil. Türk Kağanlığı’nın askerî ve siyasî yapısı [Военное и политическое устройство Тюркского каганата] / 1st Congress “History of Turkic Statehood”. Collection of Materials. – Astana: Turkic Academy, 2024. – Pp. 278–301. {*N. Bazylkhan*. The Military and Political System of the Turkic Khaganate / 1st Congress “History of Turkic Statehood”. Collection of Materials. – Astana: Turkic Academy, 2024. – Pp. 278–301.} (In Turkish.)
- bitig.kz – *Türük Bitig* (<http://bitig.kz>)
- Brockelmann 1952 – Brockelmann, Carl. Zu den alttürkischen Inschriften aus dem Jenisseigebiet [К вопросу о древнетюркских надписях из Енисейского региона] // *Ural-altaische Jahrbücher* 24 (1952). – SS. 137–142. {*C. Brockelmann*. On the Old Turkic Inscriptions from the Yenisei Region // *Ural-Altaic Yearbooks* 24 (1952). – Pp. 137–142.}

- Brockelmann 1954 – *Brockelmann, Carl*. Osttürkische Grammatik der islamischen Litteratursprachen Mittelasiens [Восточнотюркская грамматика исламских литературных языков Средней Азии]. – Leiden: Brill, 1954. – 429 s. {*C. Brockelmann*. A Grammar of the Eastern Turkic Languages Used in Islamic Literature of Central Asia. – Leyden: Brill, 1954. – 429 p.}
- Clauson – *G. Clauson*. Studies in Turkic and Mongolic Linguistics. – London and New York: Routledge Curzon, 2002. – 261 p.
- Cleaves – *F.W. Cleaves*. The Sino-Mongolian inscription of 1362 in memory of Prince Hindu // *Harvard Journal of Asiatic Studies*. – Vol. 12. – No. 1/2. – 1949. – Pp. 1–133.
- CTD – *MAḤMŪD al-KĀŠĠARĪ*. Compendium of the Turkic Dialects (Dīwān Luḡāt at-Turk). Edited and Translated with Introduction and Indices by Robert Dankoff in collaboration with James Kelly. – Cambridge, Mass.: Harvard University Printing Office. Part I (1982). – 416 p.; II (1984). – 381 p.
- DeFrancis – *J. DeFrancis*. ABC Chinese-English Comprehensive Dictionary. Honolulu: University of Hawai'i Press, 2003. – 1439 p.
- Doerfer – *Doerfer, Gerhard*. Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen [Турецкие и монгольские элементы в новоперсидском языке]. – Wiesbaden: Franz Steiner Verlag GmbH. – B. III (1967). – 670 s. {*G. Doerfer*. Turkish and Mongolian Elements in Modern Persian. – Wiesbaden: Franz Steiner Verlag GmbH. – Vol. III (1967). – 670 p.}
- Ecsedy – *Ecsedy, Hilda* (=Ecsedy, Ildikó). Old Turkic Titles of Chinese Origin // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. – Vol. XVIII, No. 1/2 (1965). – Pp. 83–91.
- EDT – *G. Clauson*. An Etymological Dictionary of pre-thirteenth-century Turkish. – Oxford: Clarendon Press, 1972. – 989 p.
- Ercilasun – *Ercilasun, Ahmet Bican*. Başlangıçtan yirminci yüzyıla Türk dili tarihi [История турецкого языка с древнейших времён до XX века]. – Ankara: Akçağ Yayınları, 2004. – 488 s. {*A.B. Ercilasun*. Turkish Language History: From Its Origins to the Twentieth Century. – Ankara: Akçağ Yayınları, 2004. – 488 p.} (In Turkish.)
- Erdal 1993 – *M. Erdal*. The runic graffiti at Yar Khoto // *Türk Dilleri Araştırmaları*. – Cilt 3 (1993). – Pp. 87–108.
- Erdal 2004 – *M. Erdal*. A Grammar of Old Turkic. – Leiden: Brill. 2004. – 575 p.
- Ergin – *Ergin, Muharrem*. Orhun âbideleri [Орхонские надписи]. – İstanbul: Boğaziçi Yayınları, 1975. – 191 s. {*M. Ergin*. The Orkhon Inscriptions. – Istanbul: Boğaziçi Publishing House, 1975. – 191 p.} (In Turkish.)
- Franzmann – *M. Franzmann*. Yangzhou and Quanzhou: Ongoing Research on Syro-Turkic Inscriptions / From the Oxus River to the Chinese Shores. Studies on East Syriac Christianity in China and Central Asia (ed. by Dietmar W. Winkler and Li Tang). – LIT Verlag Münster, 2013. – Pp. 103–114. (перевод сиро-тюркского отрывка/translation of the Syro-Turkic piece by: – A. van Tongerloo).
- Gabain 1950 – *Gabain, Annemarie von*. Alttürkische Grammatik [Древнетюркская грамматика]. – Leipzig: Otto Harrassowitz, 1950. – 357 S. {*Gabain, Annemarie von*. Old Turkic Grammar. – Leipzig: Otto Harrassowitz, 1950. – 357 p.}
- Gabain 1959 – *Gabain, Annemarie von*. Türkische Turfantexte X. Das Avadāna des Dāmons Ātavaka. Bearbeitet von Tadeusz Kowalski [Тюркские тексты из Турфана, ч. 10. Авадана демона Атаваки. Под ред. Тадеуша Ковальского] // *Abhandlungen der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Klasse für Sprachen, Literatur und Kunst*. – 1958, Nr. 1. – Berlin, 1959. – 60 S. {*Gabain, Annemarie von*. Turkic Turfan Texts X: The Avadāna of the Demon Ātavaka. Ed. by Tadeusz Kowalski // *Proceedings of the German Academy of Sciences, Berlin. Class for Languages, Literature and Art*. – 1958, No. 1. – Berlin, 1959. – 60 p.}
- Giles – *H. Giles*. A Chinese-English Dictionary. – London and Shanghai: Kelly & Walsh, 1912. – 1711 p.
- Golden 2013 – *P. Golden*. Courts and Court Culture in the Proto-urban and Urban Developments among the Pre-Chinbggisid Turkic Peoples / *Turko-Mongol Rulers, Cities and City Life* (ed. by David Durand-Guédy). – Leiden: Brill, 2013. – Pp. 21–73.
- Golden 2024 – *P.B. Golden*. Some Comments on the Türk Titles, in Particular Tëgin // *Archivum Eurasiae Medii Aevi*. Vol. 26 (2021–2023) (ed. by P.B. Golden, R.K. Kovalev, J. Skaff, I. Zimonyi). – Wiesbaden, 2024. – Pp. 5–58.
- Hucker – *C.O. Hucker*. A Dictionary of Official Titles in Imperial China. – Taipei: Reprinted by Southern Materials Center, 1988. – 676 p.

- Johansen – *Johansen, Ulla. El und bodun [El и Bodun] / Memoriae munusculum. Gedenkband für Annemarie von Gabain (hrsg. von Klaus Röhrborn und Wolfgang Veenker). – Otto Harrasowitz Verlag: Wiesbaden, 1994. – SS. 73–84. {U. Johansen. El and bodun / A Memorial Volume for Annemarie von Gabain (ed. by Klaus Röhrborn and Wolfgang Veenker). – Otto Harrasowitz Verlag: Wiesbaden, 1994. – Pp. 73–84.}*
- Karlgren – *B. Karlgren. Grammata Serica Recensa. – Göteborg: Reprinted by Elanders Boktryckeri Aktiebolag (/Boktryckeriaktiebolag, Boktryckeri AB), 1964. – 332 p. (In English.)*
- Katayama – *Katayama, Akio. Tariat Inscription / Provisional Report of Researches on Historical Sites and Inscriptions in Mongolia from 1996 to 1998 (ed. by Takao Moriyasu and Ayudai Ochir). – Ōsaka: The Society of Central Eurasian Studies, 1999. – Pp. 168–176.*
- Le Coq 1911 – *Le Coq, Albert von. Türkische Manichaica aus Chotscho. I [Тюркские манихейские тексты из Хочо/Кочо. Т. I] // Abhandlungen der Königlich Preussischen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Classe. Anhang. Abh. VI (1911). – SS. 1–61. {Le Coq, Albert von. Turkish Manichaean Texts from Chotscho. Vol. 1 // Transactions of the Royal Prussian Academy of Sciences. Philosophical and Historical Class. Appendix. Treatise VI (1911). – Pp. 1–61.} (In German.)*
- Le Coq 1912 – *Le Coq, Albert von. Ein manichäisches Buch-Fragment aus Chotscho [Манихейский книжный фрагмент из Хочо/Кочо] / Festschrift Vilhelm Thomsen zur Vollendung des siebzigsten Lebensjahres am 25. Januar 1912. – Leipzig: Otto Harrassowitz, 1912. – SS. 145–154. {Le Coq, Albert von. A Manichaean Book Fragment from Chotscho / Festschrift in Honour of Vilhelm Thomsen on the Occasion of His Seventieth Birthday, January 25, 1912. – Leipzig: Otto Harrassowitz, 1912. – Pp. 145–154.} (In German.)*
- Ligeti – *Ligeti, Louis (=Ligeti, Lajos). Рецензия на: Doerfer G. Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen [Тюркские и монгольские элементы в новоперсидском языке] // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. – T. XXI, fasc. 1 (1968). – Pp. 119–130. {L. Ligeti. Review article on: Doerfer Gerhard. Turkish and Mongolian Elements in New Persian // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. – Vol. XXI, fasc. 1 (1968). – Pp. 119–130.} (In French and German.)*
- Maenchen-Helfen – *O.J. Maenchen-Helfen. The World of the Huns: Studies in Their History and Culture. – Berkeley and Los Angeles, CA: University of California Press, 1973. – 602 p.*
- MCED – *Mathews' Chinese-English Dictionary. – Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1972. – 1178 p.*
- MDBG – *Mobile Chinese English Dictionary (<https://www.mdbg.net>)*
- Menges – *Menges, Karl Heinrich. Die Türkischen Sprachen Süd-Sibiriens, III: Tuba (Sojон und Karagas), 2: Zur Charakteristik einer einzelnen sibirisch-türkischen Gruppe [Тюркские языки Южной Сибири, ч. III: язык туба (говоры сойон и карагас), 2: К характеристике одной сибирско-тюркской языковой группы] // Central Asiatic Journal. – Vol. 5, No. 2 (1959). – Pp. 97–150. {K.H. Menges. The Turkic Languages of Southern Siberia, Part III: Tuba (Soyon and Karagas), 2: On the Characteristics of a Specific Siberian Turkic Linguistic Group // Central Asiatic Journal. – Vol. 5, No. 2 (1959). – Pp. 97–150.}*
- Müller – *F.W.K. Müller. Uigurica II [Уйгурика II] // Abhandlungen der Königlich Preussischen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Classe. 1910. – SS. 1–117.; Uigurica III. Uigurische Avadāna-Bruchstücke (I–VIII) // Abhandlungen der Preussischen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse. – Nr. 2. – 1922. – SS. 1–93. {F.W.K. Müller. Uigurica II // Transactions of the Royal Prussian Academy of Sciences. Philosophical-Historical Class. – 1910. – Pp. 1–117.; Uigurica III. The Uyghur Avadāna-pieces (I–VIII) // Transactions of the Royal Prussian Academy of Sciences. Philosophical-Historical Class. – No. 2. – 1922. – Pp. 1–93.}*
- Niu Ruji – *Niu, Ruji. Nestorian Inscriptions from China (13th–14th Centuries) / Jingjiao. The Church of the East in China and Central Asia (ed. by Roman Malek in connection with Peter Hofrichter). – Sankt Augustin: Steyler Verlag, 2006. – Pp. 209–242.*
- Orkun – *Orkun, Hüseyin Namık. Eski Türk Yazıtları [Древнетюркские надписи]. – Ankara: Yükseköğretim Kurulu Matbaası, 1994. – 962 s. {H.N. Orkun. Old Turkic Inscriptions. – Ankara: Printing House of the Higher Education Council, 1994. – 962 p.} (In Turkish.)*
- Osawa 1999 – *Ōsawa, Takashi. Qara-Balgasun Inscription II / Provisional Report of Researches on Historical Sites and Inscriptions in Mongolia from 1996 to 1998 (ed. by Takao Moriyasu and Ayudai Ochir). – Ōsaka: The Society of Central Eurasian Studies, 1999. – Pp. 143–145.*

- Osawa 2010 – *Ôsawa, Takashi*. On Functional Changes of Tamga and Nishan-signs in the Old Turkic Period / Traditional Marking Systems: A Preliminary Survey (ed. by Joám Evans Pim, Sergey A. Yatsenko and Oliver T. Perrin). – London & Dover: Dunkling Books, 2010. – Pp. 307–337.
- Ölmez – *Ölmez, Mehmet*. Eski Türk Yazıtlarında Yabancı Ögeler (3) [Элементы иноязычного происхождения в древнетюркских надписях] // *Türk Dilleri Araştırmaları*. Cilt 9 (1999). – SS. 59–65. {*M. Ölmez*. Foreign Elements Found in Old Turkic Inscriptions (3) // *Türk Dilleri Araştırmaları*. – Vol. 9 (1999). – Pp. 59–65.} (In Turkish.)
- Pelliot 1912 – *Pelliot, Paul Eugène*. Kao-tch'ang, Qoço, Houo-tcheou et Qarâ-khodja [Као-чанг, Кочо, Хуо-чеу и Кара-ходжа] // *Journal Asiatique*. – Dixième série. – Tome XIX. – 1912. – Pp. 579–603. {*P.E. Pelliot*. Kao-tch'ang, Qoço, Houo-tcheou and Qarâ-khodja // *Journal Asiatique*. – Tenth Series. – Vol. XIX. – 1912. – Pp. 579–603.}
- Pelliot 1914 – *Pelliot, Paul Eugène*. Le version ouigoure de l'histoire des princes Kalyāṇamkara et Pāramkara [Уйгурский вариант истории о принцах Кальянамкаре и Папамкаре] // T'oung Pao. – Vol. XV. – 1914. – Pp. 225–272. {*P.E. Pelliot*. The Uighur Version of the Story of the Princes Kalyāṇamkara and Pāramkara // T'oung Pao. – Vol. XV. – 1914. – Pp. 225–272.}
- Poppe – *N. Poppe*. Introduction to Altaic Linguistics. – Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1987. – 301 p.
- Pulleyblank – *E.G. Pulleyblank*. Lexicon of Reconstructed Pronunciation in Early Middle Chinese, Late Middle Chinese, and Early Mandarin. – Vancouver: University of British Columbia Press, 1991. – 488 p.
- Radloff – *Radloff, Friedrich Wilhelm*. Altuigurische Sprachproben aus Turfan [Памятники древнеуйгурского языка из Турфана] / Nachrichten über die von der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu St. Petersburg im Jahre 1898 ausgerüstete Expedition nach Turfan. – Heft I. – SPb.: Buchdruckerei der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, 1899. – SS. 55–83. {*F. W. Radloff*. Old Uyghur Language Samples from Turfan / Reports Concerning the 1898 Expedition to Turfan, Equipped by the Imperial St. Petersburg Academy of Sciences. – Fasc. 1. – St. Petersburg: Printing House of the Imperial Academy of Sciences, 1899. – Pp. 55–83.}
- Räsänen – *Räsänen, Martti*. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen [Опыт разработки этимологического словаря тюркских языков]. – Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1969. – 533 S. {*M. Räsänen*. Towards an Etymological Dictionary of the Turkic Languages. – Helsinki: Finnish-Ugric Society, 1969. – 533 p.}
- Ross, Thomsen – *E.D. Ross., V. Thomsen*. The Orkhon Inscriptions: Being a Translation of Professor Vilhelm Thomsen's Final Danish Rendering // *Bulletin of the School of Oriental Studies, University of London*, Vol. 5, No. 4 (1930). – Pp. 861–876.
- Rybatzki – *Rybatzki, Volker*. Die Personennamen und Titel der mittelmongolischen Dokumente: Eine lexikalische Untersuchung [Личные имена и титулы в среднемонгольских документах: лексическое исследование]. – Helsinki: Yliopistopaino Oy, 2006. – 841 S. {*V. Rybatzki*. Personal Names and Titles in the Middle Mongolian Documents: A Lexical Study. – Helsinki: Yliopistopaino Oy, 2006. – 841 p.}
- Schuessler 1987 – *A. Schuessler*. A Dictionary of Early Zhou Chinese. – Honolulu: University of Hawai'i Press, 1987. – 876 p.
- Schuessler 2007 – *A. Schuessler*. ABC Etymological Dictionary of Old Chinese. – Honolulu: University of Hawai'i Press, 2007. – 656 p.
- Sertkaya, Harcavbay – *Sertkaya, Osman Fikri; Harcavbay, Sertkocauli*. Hoyto Tamir (Moğolistan)'dan yeni yazıtlar (ön neşir) [Новые надписи, обнаруженные в Хойто-Тамире (Монголия): предварительный отчет] // *Türk Dili Araştırmaları Yıllığı – Belleten*, 48 (2000). – SS. 313–346. {*O.F. Sertkaya., S. Harcavbay*. New Inscriptions from Hoyto Tamir (Mongolia): Preliminary Publication // *Yearbook of Turkic Language Research – Belleten*, 48 (2000). – Pp. 313–346.} (In Turkish.)
- Sims-Williams 2002 – *N. Sims-Williams*. Ancient Afghanistan and its invaders: Linguistic evidence from the Bactrian documents and inscriptions / Indo-Iranian Languages and Peoples (ed. by N. Sims-Williams). – Oxford: Oxford University Press, 2002. – Pp. 225–242.
- Sims-Williams 2007 – *N. Sims-Williams*. Bactrian Documents from Northern Afghanistan II: Letters and Buddhist Texts. – London: The Nour Foundation in association with Azimuth Editions, 2007. – 326 p.
- Skaff – *J.K. Skaff*. Sui-Tang China and Its Turko-Mongol Neighbors: Culture, Power, and Connections, 580–800. – New York: Oxford University Press, 2012. – 400 p.
- STEDT – *The Sino-Tibetan Etymological Dictionary and Thesaurus* (under the direction of J.A. Matisoff). – Berkeley, CA: The Regents of the University of California, 2015. – 1141 p.

- Šejḫ Sulejman – *Šejḫ Sulejman Efendi's Čagataj-Osmanisches Wörterbuch*. Verkürzte und mit deutscher Übersetzung versehene Ausgabe. Bearbeitet von Dr. Ignaz Kúnos. Mit Unterstützung der Ungarischen Akademie der Wissenschaften. [Чагатайско-османский словарь Шейха Сулеймана Эфенди. Сокращённое и снабжённое немецким переводом издание. Под ред. д-ра Игнаца Куноша. При содействии Венгерской Академии Наук.]. – Budapest: Franklin-Társulat Nyomdája, 1902. – 201 S. {*Sheykh Suleyman Efendi's Chagatai-Ottoman Dictionary*. Abridged and provided with German translations. Ed. by Dr. Ignaz Kúnos. Supported by the Hungarian Academy of Sciences. – Budapest: Franklin Society Printing House, 1902. – 201 p.}
- Şirin User – *Hatice Şirin User*. Runik Türk yazıtları çerçevesinde *katun* ve *kunçuy* [Понятия *katun* и *kunçuy* в контексте тюркских рунических надписей] / Ötüken'den İstanbul'a Türkçenin 1290 Yılı (720–2010). – İstanbul: İBB Kültür ve Sosyal İşler Daire Başkanlığı, 2011. – SS. 281–294. {*Şirin User, Hatice. Katun and Kunçuy in the Context of Runic Turkic Inscriptions / 1290 Years of the Turkish Language: From Ötüken to Istanbul (720–2010)*. – İstanbul: Directorate of Culture and Social Affairs, Istanbul Metropolitan Society, 2011. – Pp. 281–294.} (In Turkish.)
- Taşbaş – *A. Taşbaş*. Diplomatic Marriages between the Tang and Uyghur Dynasties // *Journal of Old Turkic Studies*. – Vol. 9, Issue 1. – 2025. – Pp. 164–182.
- Tekin 1968 – *T. Tekin*. A Grammar of Orkhon Turkic. – The Hague: Mouton & Co., 1968. – 419 p.
- Tekin 1983 – *T. Tekin*. The Tariat (Terkhin) Inscription // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. – Vol. XXXVII, No. 1/3 (1983). – Pp. 43–68.
- Tekin 1988 – *Tekin, Talât*. Orhon yazıtları [Орхонские надписи]. – Ankara: Türk Tarih Kurumu Basım Evi, 1988. – 200 s. {*T. Tekin*. Orkhon Inscriptions. – Ankara: Turkish Historical Society Press, 1988. – 200 p.} (In Turkish.)
- Thomsen 1896 – *Thomsen, Vilhelm Ludwig Peter*. Inscriptions de l'Orkhon déchiffrées [Расшифрованные орхонские надписи.]. – Helsingfors: Imprimerie de la Société de littérature finnoise, 1896. – 224 p. {*V. Thomsen*. Orkhon Inscriptions: Deciphered Texts. – Helsinki: Finnish Literary Society Printing House, 1896. – 224 p.}
- Thomsen 1912 – *V. Thomsen*. Dr. M.A. Stein's Manuscripts in Turkish "Runic" Script from Miran and Tun-Huang – Published and Translated by VILHELM THOMSEN // *The Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland*. – Vol. 44, Issue 1. – 1912. – Pp. 181–227.
- Thomsen 1913–1918 – *Thomsen, Vilhelm Ludwig Peter*. Une lettre méconnue des inscriptions de l'Yenissey [Малоизвестная (недопонятая) буква из енисейских надписей] // *Journal de la Société Finno-Ougrienne*. – Vol. XXX, № 4. – 1913–1918. – Pp. 1–9. {A Little-Known (/Misconceived) Letter in the Yenisei Inscriptions // *Journal de la Société Finno-Ougrienne*. – Vol. XXX, No. 4. – 1913–1918. – Pp. 1–9.}
- Thomsen 1916 – *Thomsen, Vilhelm Ludwig Peter*. Turcica. Études concernant l'interprétation des inscriptions turques de la Mongolie et de la Sibérie [Turcica. Исследования по интерпретации тюркских надписей, обнаруженных в Монголии и Сибири] // *Mémoires de la Société finno-ougrienne*. – Vol. XXXVII. – 1916. – 105 p. {*V. Thomsen*. Turcica. Studies on the Interpretation of Turkic Inscriptions from Mongolia and Siberia // *Memoirs of the Finno-Ugrian Society*. – Vol. XXXVII. – 1916. – 105 p.}
- Thomsen 1924 – *Thomsen, Vilhelm Ludwig Peter*. Alttürkische Inschriften aus der Mongolei in Übersetzung und mit Einleitung [Древнетюркские надписи Монголии: перевод и вступительная статья] // *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft*. – Bd. 78, 1924. – SS. 121–175. {*V. Thomsen*. Old Turkic Inscriptions from Mongolia, Translated with an Introduction (/Translation and Introduction) // *Journal of the German Oriental Society*. – Vol. 78, 1924. – Pp. 121–175.}
- Vambéry – *Vambéry*⁴⁸, *Hermann* (=Vambéry, Ármín =Bamberger, Hermann). Noten zu den alttürkischen Inschriften der Mongolei und Sibiriens [Заметки о древнетюркских надписях Монголии и

⁴⁸ Традиционное написание фамилии – *Vambéry*, с первым долгим «á», в таком виде работу цитируют во многих изданиях (e.g., A grammar of Orkhon Turkic by Talât Tekin: p. 419; Michael Knüppel (Göttingen), Aloïs van Tongerloo (Geel): Zu den Korrespondenzen Ármín(ius) Vambéry's II: Korrespondenz mit Willi Bang[-Kaup] и др.). Однако на обложке издания по той или иной причине значится «Vambéry». – (Прим. ред.)

- Сибири]. – Helsingfors: Druckerei der Finnischen Litteratur-Gesellschaft, 1899. – 1–120 s. {*Vambéry* (= *Vámbéry*), *Hermann*. Notes on Old Turkic Inscriptions Found in Mongolia and Siberia. – Helsinki: Finnish Literary Society Press, 1899. – Pp. 1–120.}
- VATEC – *Vorislamische alttürkische Texte: elektronisches Corpus* (<http://vatec2.fkidg1.uni-frankfurt.de>) {Pre-Islamic Old Turkic Texts Electronic Corpus} (In German.)
- Wiktionary – *Wiktionary* (<https://www.wiktionary.org>)
- Wilkens – *Wilkens, Jens*. Handwörterbuch des Altuigurischen [Справочный словарь древнеуйгурского языка]. – Göttingen: Universitätsverlag Göttingen, 2021. – 929 S. {*J. Wilkens*. A Handbook Dictionary of the Old Uyghur Language. – Göttingen: Göttingen University Press, 2021. – 929 p.}
- Zieme 2012 – *Zieme, Peter*. Some Notes on Old Uigur art and texts / Buddhism and Art in Turfan: From the Perspective of Uyghur Buddhism. Buddhist Culture along the Silk Road: Gandhara, Kucha, and Turfan. – Section II. – Ryukoku University, 2012. – Pp. 5–18.
- Zieme 2015 – *Zieme, Peter*. Altuigurische Texte der Kirche des Ostens aus Zentralasien [Древнеуйгурские тексты Церкви Востока из Центральной Азии]. – Piscataway, NJ: Gorgias Press, 2015. – 324 S. {*P. Zieme*. Old Uighur (/Uyghur) Texts of the Church of the East from Central Asia. – Piscataway, NJ: Gorgias Press, 2015. – 324 p.}

Published in the Russian Federation.

Russian Turkology (Previous Name: *Soviet Turkology*, was founded in 1970)

Has been issued as *Russian Turkology* since 2009; ISSN: 2079-9160; E-ISSN: 2712-8121

2025. № 1–2 (46–47), pp. 67–85. Journal homepage: <http://rostarturcology.ru/>

УДК/UDC: 811.512.145

DOI 10.37892/2712-8121-2025-46-47-67-85

АРХИВНАЯ ПУБЛИКАЦИЯ

Е.Д. ПОЛИВАНОВ. ФОНЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КАСИМОВСКОГО ДИАЛЕКТА Москва, 1923

Professor Ye.D. Polivanov. Phonetic Features of the Kasimov Dialect

Публикацию подготовили:

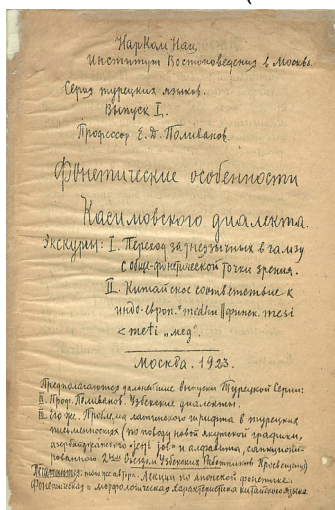
А.В. Дыбо (ИЯз РАН), adybo@mail.ru

и А.В. Андронов (ИСЛ РАН), baltistica@gmail.com¹

Edited by:

A.V. Dybo (Institute of Linguistics RAS), adybo@mail.ru

& A.V. Andronov (Institute of Slavic Studies RAS), baltistica@gmail.com

НарКомНац

Институт Востоковедения в Москве

Серия турецких языков.

Выпуск I

Профессор Е.Д. Поливанов

Фонетические особенности

Касимовского диалекта

Экскурсы:

I. Переход заднеязычных в гамзу
с обще-фонетической точки зрения.

II. Китайское соответствие к индо-европ. *medhu ||
финск. mesi < meti „мед“

Москва, 1923

¹ В настоящей публикации за небольшими исключениями технического характера сохранена орфография и пунктуация источника. Ссылки на литературу приведены к современному формату и добавлены в угловых скобках, так же отмечены номера страниц оригинала. — *Изд.*

Предполагаются дальнейшие выпуски Турецкой Серии:

II. Проф. Поливанов. Узбекские диалекты.

III. Его же. Проблема латинского шрифта в турецких письменностях (по поводу новой якутской графики, азербайджанского «jeŋi jol» и алфавита, санкционированного 2ым Съездом Узбекских Работников Просвещения.

Печатается:

того же автора. Лекции по японской фонетике.

Фонетическая и морфологическая характеристика китайского языка.

Предисловие

Настоящий первый выпуск Турецкой Серии не может считаться типичным для всей Серии, в которую войдут и большие систематические описания с обдуманной архитектурой изложения (напр., «Узбекские диалекты»). Но рядом с ними является потребность опубликовывать и беглые, накапливающиеся в портфеле описательные заметки по отдельным тур. диалектам, которые не войдут в ведущуюся мною «Лингвистическую перепись Туркестана» [считаю такое опубликование материалов принципиально возможным даже в том случае, если они явятся дублетными описаниями к существующим уже описаниям данного говора в туркологической литературе]. К таким беглым описаниям относятся и «Фонетические особенности Касимовского диалекта».

Евг. Поливанов
Июль 1923.

<с. I>

Для транскрипции Касимовского диалекта, как во всех моих работах, пользуюсь международным фонетическим алфавитом (м. ф. а.); напомним, что у – high front round = франц. *u*; *u* = *ы*, т. е. high back unround, *h* и *ħ* взяты из сербского алфавита со значением среднеязычных смычных: так назыв. «мягкого ч» и «мягкого дж»².

В классификации А.Н. Самойловича <Самойлович 1922>, Касимовский должен отойти, конечно, к III – «Тау»-группе – Кыпчакской или северо-западной группе турецких языков. В нем налицо, из классификационных признаков, и «айак» – Кас. *aja*[?], и «бол» – Кас. *bul*, и «Тау» – Кас. *taɯ* [= *taw*] «гора», *qar jaġdu* > *ʔar ħaɯde* [и по аналогии к этому Praeterito даже Praesens *ʔar ħawa* «снег идет»]; и «ы» – Кас. *sare* «желтый», *saɯle* (ср. чувашск «шывла») «мокрый» – отсутствие в этих формах конечного ^ʔ указывает, что **ыġ* > *ы* (но не **ыq*) до перехода *q*, *ġ* > ^ʔ; и «калган» – Кас. *ʔalʔan* < **qalġan* «оставшийся», *alʔan* < **alġan* «взявший», *ʔulʔan* < **qulġan* «сделавший»: отсутствие *ɣ* здесь только чисто внешним образом сближает Касимовский с юго-западным «калан».

² В современном МФА это символы *c* и *j*. – Изд.

От юго-западных Касимовский отличает также отсутствие звонких вместо глухих (ср. юго-зап. «даг» «гора»), хотя имеется нач. *d* в *durt* «4» (как и в казанском), и морфологические особенности юго-западных (наличие же *n* вместо (конечного) *ŋ* – опять-таки, как ниже увидим, лишь внешняя черта сходства с османским). <с. 2>

И конечно, Касимовский можно, внутри северо-западных, причислить к татарским, если не останавливаться на некоторых, малозначущих в общем, изоглоттических чертах его с турецким источником чувашского (без Wellentheorie³ все-таки не обойтись в классификации турецких языков) [– но эти сходства не касаются «ротацизма», то есть $z > r$; последний в чувашском – явление сравнительно новое, и в сущности мало годится в смысле историко-принципиального признака «булгарской» группы]⁴.

Не останавливаясь здесь на перечне татарских особенностей, укажу на одну специфическую черту (известную и в Касимовском): сужение полу-узких в узкие ($e > i$ напр. *min* «я», Кас. *it* < *et* «мясо»; $o > u$ напр. *ut* «огонь»; $\emptyset > y$ напр. Кас. *ʔyz* «глаз», *ytmi*⁵ < *otmek* «пройти мимо») и соответствующее Lautverschiebung⁵ прежних узких (напр. $*u > \text{ш}$, $*y >$ Кас. ε – *ʔel* «пепел», *ʔelmi*⁶ < *kylmek* «смеяться»; $i > ej$, ε – Кас. *ejt* < *it* «собака», *pejt* < *bit* «вошь»⁶, $e\check{s} < i\check{s}$ «дело», *e\check{s}eʔez* «ваше дело», -*ne* суфф. Accusativi). [Благодаря переходу $e > i$ старое чередование *a|e* заменилось в Кас. через *a|i* напр. в суффиксе -*ʔan|-ʔin* – *aʔʔan* «взявший» | *ylʔin* «умерший» – или в суф. Dativi -*ʔa|-ʔi* – *aʔʔa* Dat. «лошади» | *ejt-ʔi* Dat. «собаке»).

Нужно заметить, что нормально касимовцы не только двуязычны (– русский знают все), но и трехязычны, так как знают казанский, и к нему сознательно относятся, как к койнэ в отличие от своего местного *patois*⁷. Таким образом не только лингвистически, но и по языково-политическим обстоятельствам Касимовский является диалектом татарского.

К особенностям же Касимовского относятся прежде всего следующие две резко заметные черты:

³ «Теория волн» (нем.), теория контактного распространения языковых изменений И. Шмидта, противопоставленная «языковому древу» А. Шлейхера. – *Изд.*

⁴ По современным представлениям, в булгарской группе, к которой принадлежит чувашский язык, действовали два процесса перехода других согласных в *r* в разное время: сначала (в пра-булгарском состоянии, до V в. н. э.) ретрофлексный аппроксимант $*\text{ɭ}$, который в других группах тюркских языков дал *z*, перешел в *r*; затем, уже, вероятно, в волжско-булгарском состоянии, т. е. после VIII в., интервокальный фриктивный аллофон $*\text{ɖ}$ - пра-тюркского $*d$ переходил в *r* при отсутствии в основе слова *r* иного происхождения См., например, [Дыбо, Норманская 2013: 25]. Вероятно, этот второй процесс и приводит Е. Д. Поливанова к мысли о позднем характере ротацизма. – *Изд.*

⁵ «Звуковой сдвиг» (нем.). – *Изд.*

⁶ Эти два слова мы теперь реконструируем для пратюркского как $*ijt$ (ср. чув. *йыдӑ*, як. *ыт*, алт. *ийт*, казах. *ит* [ɪt], ккалп., ног. *ийт*) и $*bijt$ (чув. *пыйдӑ*, як. *быт*, алт. *бийт*, казах. *бит* [bijt], ккалп., ног. *бийт*); так что здесь мы видим, во-первых, такой же переход $i > \varepsilon$, во-вторых, рефлекс пратюркского дифтонгоида по ногайскому (или архаичному) типу. – *Изд.*

⁷ «Говор» (франц.). – *Изд.*

1. Нач. $j > \check{h}$ – среднеязычный (мягкий) смычный – <с. 3> типа сербск. $\check{h}$ (впрочем не ошибкой было бы писать вместо $\check{h}$ и $\check{z}$, так как у моего объекта была несомненная аберрация [факультативная] между $\check{h}$ почти без всякого спирантного элемента и $\check{z}i = \check{z}i$; – насколько в последнем допустимо видеть вмешательство других говоров – судить не решаюсь; надо заметить, что и соответствующий глухой, – $\check{z}$, бывает, особенно перед i , того же способа образования – $\check{h}$ [в чередовании $\check{h}|\check{c}i$ и даже $\check{c}$, напр. $\check{h}i\check{h}i^?$ «цветок»; условно допущенным дефектом моей графики является то, что я, не нормализуя транскрипции записей употребляю 2 знака: $\check{h}$ и $\check{c}$ – для одной фонемы]; NB, что эти $\check{h}$, $\check{h}|\check{c}$ отнюдь не допускают свистящего акустического уклона, как северно-китайские $\check{h}$ $\check{h}'$ – в русской кит. транскрипции $\check{c}z(яо)$, $\check{c}(яо)$).

Примеры нач. $j > \check{h}$: $\check{h}an^?ur$ $\check{h}awa$ «дождь идет», $\check{h}ide$ «7», $\check{h}a^?še$ «хорошо», $\check{h}u^?lata^? < juxlataq$ «спать», $\check{h}atma^?$ «лежать», $\check{h}u^?$ «нет» (рядом с $\check{h}u^?$ обычен и – очевидно чужой – дублет $ju^?$ и даже $jo^?$).

Примечание. Соответствия: нач. $j \parallel \check{h}$ (это ближайшая ступень развития) $\parallel \check{z} \parallel \check{z}$ (ж, которое считаю нормальным для казак-киргизского) $\parallel \check{c}$ (чуваши.⁸) $\parallel s$ (якутск.) [вместе с которым надо рассматривать и редкие случаи $\check{z} < j$ внутри слов – в ногайском] являются, конечно, потенциальным признаком для уподобленной классификации тур. языков, но прямого генеалогического значения большинство из этих признаков (различие качество заместителей j -ота) иметь не будет (напр. в развитии $j > \check{h} > \check{z}^? > \check{z} - \check{z}$ и $\check{z}$ будут просто хронологическими этапами). <с. 4>

2. Почти полное сведение на нет задне-язычной артикуляции: k , q , g , $\check{c}$, η , x дают нормально в Кас. $^?$ (Kehlkopfverschlusslaut, coup de glotte⁹, $^?amza$), что может считаться специфической чертой диалекта.

$^?iri^? < *kerek^{10}$ «надо», $^?ilmi^? < kelmek$ «прийти», $^?itmi^? < \text{уйти}$, $^?el$ «пепел» $< kyl$, $^?yz < k\check{o}z$ «глаз»; но почему-то kyl «озеро» ($< k\check{o}l$) с k (заимствов.?).

$^?ara < qara$ «черный», $a^? < aq$ «белый» (но не $*^?a^?$!), $a\check{ja}^?$ «нога», $^?ul$ «рука», $^?ur^? < 40$, $^?ula^? < \text{ухо}$ (u произносится здесь чрезвычайно кратко, так что хочется записать $^?la^?$), $^?an < qan$ (ср. чув. $\check{c}ən$) «кровь», $^?az$ «гусь», $sa^?al$ «борода», $tawu^?$

⁸ Оглушение нач. j -ота в чувашском, вместе с глухостью прочих нач. согласных, отнюдь за счет финского элемента в чувашском, который для меня очевиден, как по фонетическим, так и по морфологическим данным. Просто же, на основании статического состояния сближать по этому признаку ($j > \text{як. } s$) чувашский с якутским, конечно, наивно [что же касается другой черты – соответствия чув. « tu » $< ta\check{u} < tay \parallel \text{як. } t\check{u}a$ (которое, кстати, в як. не «гора», а «лес» – ср. тот же смысловой переход в сербск. $гора$ или в южно-японск. $jama$), то оно значит генетически не больше, чем общий признак « $ta\check{u}$ »-диалектов – форма $*ta\check{u}$: последние <с. 4> стадии процессов не сходны, а противоположны в як. и чувашск. – в чувашском губной элемент дифтонга ассимилировал себе предшествующий слоговой; в якутском же, м. б. в силу полной строгости губного сингармонизма, $a\check{u}$ утратило губную работу, т. е. $*ta\check{u} > taw$, затем же произошло стяжение в taw : но u : подверглось общей участи долгих узких, превратившись в дифтонгическую фонему $\check{u}a$ (ср. ie , uo , uo).

⁹ «Гортанная смычка» (нем., франц.). – Изд.

¹⁰ В ркп. $*kerek$. – Изд.

«курица» (ср. такую же двусложность в *xalw*[?] «народ» из **xalq* > **xalwq*; но есть и дублет *xal*[?]). Даже *sta'an* < *стакан*.

[?]*eše'i* Dat. «человеку», *bala'a* «ребенку», *yl'in* «умерший», *al'an* «взявший», *al'an* «оставшийся».

hu'lama' «спать», *ha'se* «хороший»; *'atunw'uuz* «ваша жена» < *xatunw'uuz*, *'ildi'ez*¹¹ < *keldinjiz* 2 Plur. Praeter., *ma'a* «мне» (Dat.).

Но *k* сохраняется в формуле *salam alejkim* и нек. других арабских словах, в *kyl* «озеро» и в числит. *ike* (ср. *g* в числит. *sigez*, *hegerme*, *sigzaen*). Бывают дублиеты: *babaqaj*, *baba'aj*. *x* известно в *xan* «хан», *xalw*[?], *xal*[?] «народ». <с. 5>

y имеется в дублете к *tu'ez* – *tuwez* (*tuwaz*) «9» (– форма, которую интересно иметь в виду для объяснения чув. «тахар»).

ŋ, т. е. заднеязычный носовой, встречается лишь перед *k*, *g* – в *taŋkae* «рубль», *seŋgel* «сестра», и совершенно отсутствует в независимой позиции: на конце слова (и слога в *han'ur* «дождь») он дает *n*; *'ildin* «ты пришел», *balan* «твой ребенок», *biren* < *berij* «дай». Но это отсутствие *ŋ*, конечно, только внешнее, а не генетическое сходство с османским (ибо нельзя отрывать это *ŋ* > [?], *n* – от общего падения заднеязычных).

Падение заднеязычных в [?]амзу произошло, как ясно из вышеприведенных *tau*, *sare*, *saule* [ср. чув. «ту» и «шивла»], после вокализации *ĕ* на конце слога (и «ыг > ы»). А потому ввиду общности этих явлений с чувашскими, допустимо рассматривать и чув. метаморфозы заднеязычных (и м. б. чув. «йулна», «тутна», которое перестает тогда быть специфическим сходством чувашского с юго-западным «калан») в связи с описываемым Касимовским их падением. Но об этом – в другой статье, посвященной чувашскому.

Благодаря наличию [?] из *q*, *k* и пр., [?] соблюдается и в арабских словах (как на месте *ε*, так и *ĕ*): *sae'aet* «час» и конечно *qur'an* «Коран» [в *allahe tae'ale* однако мой объект, как оказалось, умел произносить *ĕ* – айн]; сверх того, являясь, кажется, вообще самым частым из согласных, [?] проникает даже на место *t* в слове *kutna'a* < рус. *комната*¹². <с. 6>

Таким образом подсчет согласных фонем в Кас. дает след. перечень:

Губные	<i>p</i>	<i>b</i>	<i>f</i>	(<i>v</i>)		<i>w</i>				<i>m</i>
Переднеязычные	<i>t</i>	<i>d</i>	<i>s</i>	<i>z</i>	<i>š</i>	(<i>ž</i>)	<i>l</i>	<i>l̥</i>	<i>r</i>	<i>n</i>
Среднеязычные	<i>č</i> (<i>ħ</i>)	<i>ġ</i>		<i>j</i>						
(Заднеязычные)	(<i>k</i>)	(<i>g</i>)	(<i>x</i>)	(<i>y</i>)						
Гортанные	<i>ʔ</i>		<i>h</i>			(<i>ʕ</i>)				

В скобки заключены редкие (спорадически представленные в словаре) фонемы. На *v* знаю один пример – *venæ* «вот» (|| *taenæ*), если не считать русских слов.

¹¹ В ркп. *ε* исправлено из *i*. – Изд.

¹² Кроме Касим. (и арабск.) я наблюдал [?]амзу в качестве самостоят. фонемы: в тагальском, южно-китайском, тибетском, финском, а также в особых условиях – в латышском (как акцентуационный момент), в ливском (очевидно под влиянием латышского; Wiedemann'ом не отмеч- <с. 6>ается) и в датском. По описаниям, [?] (как фонема) встречается в нем. говорах и нек. кавказских яз. (груз. «гамзированное» *q'* тоже на пути перехода в [?]).

Также и *ž* (ж) – в русских словах; в них, благодаря превосходному знанию русского языка, встречается даже *с* (*у*), не упомянутое мною в таблице.

Кроме указанных особенностей, Касимовский диалект отличается своеобразное изменение вокализма. Гласных фонем всего 7:

i (гл. обр. из **e*): *biš* «5», *birde* «дал», *min* *ʔildem* «я пришел», *ʔitmiʔ* «уйти», *pejtʔlirʔi* «вшам» (Dat. Pl.).

ε [несколько отодвинутое к mixed, т. е. *ə*; вместо *ε* можно было бы писать *ə* еще потому, что Кас. *ε* является одним из «беглых», стремящихся к нулю гласных (другой – *u*); оба (*ε|ə* и *u*) зачастую фактически выпадают] – из **y* (*ʔel* «смейся», «пепел») и из **i* – обычно в составе дифтонга *εj* < **i*: *εjt* «собака» (**it*), *pejt* «вошь» (**bit*).

æ – *ætej* «отец», *ænej* «мать», *kæs'im* «Касимов», *nærsæ* «вещь»; *æ* участвует в тройном сингармонистическом чередовании *a|æ|i*, напр. суффикс Dat. -*ʔa|-ʔi|-ʔæ* в *balaʔa*, *εjtʔi*, *aʔčæʔæ* («за деньги») или *nærsæʔæ* (но обычно *æ* может быть в этом слу-
чае (в суффиксах) заменено через *i*, при чем следовательно, чередование становится двойным: *a|i*).

a (не нейтральное, как в русском, но вполне back, что нормально для тур.) – на месте обще-тур. *a*: *aldum* «я взял», *balalar* «дети».

u – back unround, но не вполне high, с понижением к *Λ*; *uɲ* «мука», *ʔulaʔ* «ух», *ʔuz* «девушка», *uɲu* «большой». Стремится к нулю (напр. *ʔulaʔ* на слух хочется записать **ʔaʔ*).

y – не вполне front, отодвинутое к mixed (*ü*) – из **ø*: *ʔyz* «глаз», *yl* «умри».

u – back high round, из **o* (частью **u*): *un* «10».

В треугольнике эти гласные (делящиеся психофонетически на передние и задние) располагаются так (в скобках [] заключаю лабиализованные):

<i>i</i> [y]		<i>u</i> [u]
	<i>ε</i>	
	<i>æ</i>	<i>a</i>

Примеч. Характерно отсутствие фонемы *o*-типа (*o* или *ɔ*) [поэтому рус. *ɔ* субституируется обычно через *u*]. Но русское ухо может быть воспримет за *o* комбинаторный оттенок фонемы *u* (именно *Λ*) в соседстве с *j*: *tuɲjuʔ* «ус».

Благодаря этой метаморфозе гласных, сингармонистические чередования имеют вид:

1) *a|i* (вместо **a|*e*): -*lar|-lir*, -*da|-di* (Loc.), -*dan|-din* (Ablat.)

2) *u|ε* (вместо **u|i*): -*du|-de* в Praeter., *ħazdu* «писал», *aldu* «взял», *beldε* «знал», *ʔilde* «пришел».

Первое из них допускает также тройной состав: *a|æ|i* (см. выше). Лабиальной же гармонии гласных не наблюдается вовсе. <с. 8>

В заключение приведу несколько несистематических иллюстраций диалекта.

1. Склонение.

				Pluralis
Nominat.-indefinitus	<i>balā</i>	<i>at</i>	<i>ejt</i>	<i>ejtlir</i>
Genitivus	<i>balanun</i>	<i>atnun</i>	<i>ejtnen</i>	<i>ejtlirnen</i>
Dativus	<i>balā'a</i>	<i>at'a</i>	<i>ejt'i</i>	<i>ejtlir'i</i>
Accusativus	<i>balanu</i>	<i>atnu</i>	<i>ejtne</i>	<i>ejtlirne</i>
Locativus	<i>balada</i>	<i>atta</i>	<i>ejtti</i>	<i>ejtlirdi</i>
Ablativus	<i>baladan</i>	<i>attan</i>	<i>ejttin</i>	<i>ejtlirdin</i>
Instrumentalis	<i>balablin</i>	<i>atblin</i>	<i>ejtblin</i>	<i>ejtlirblin</i>
Sociativus	<i>(i) balā-de</i>	<i>(i) átte</i>	<i>(i) ejtte</i>	<i>(i) ejtlir-de</i>
Comparativus	<i>balā'ebe'</i>	<i>at'ebe'</i>	<i>ejt'ebe'</i>	<i>ejtlir'ebe'</i>
Ad-Деноми- jec-нальные tiva-адъектив- ные формы	<i>baladaj</i>	<i>attaj</i>	<i>ejttej</i>	<i>ejtlirdej</i>
	<i>balanu'w</i>	<i>atnu'w</i>	<i>ejtne'e</i>	<i>ejtlirne'e</i>
	<i>balahu</i>	<i>athu</i>	<i>ejtle</i>	<i>ejtlirle</i>
	<i>balasuz</i>	<i>atsuz</i>	<i>ejtsez</i>	<i>ejtlirsez</i>
Praedicativus	<i>balā-der</i>	<i>át-^der</i>	<i>ejt-ter</i>	<i>ejtlirder</i>
Пример сложного падежа: Dat.-Sociativus				
<i>ma'áde</i>	<i>sa'áde</i>	<i>balā'áde</i>	<i>at'áde</i>	<i>ejt'ide</i>
«и мне,	и тебе	и ребенку	и собаке	-кам»

[при Sociat. может быть прибавляемо еще *i* = рус. «и»: *ima'áde*, *isa'áde* и т. д.]

[Склонения Plur. *atlar* «лошади»: *atlarnun* и т. д. – нет надобности приводить, т. к. суффиксы вполне совпадают со склонением *balā*]

Сравнит. степень от основ с качественным значением *uhura'*, *'ečeri'* (вм. **'ečeri'*) «больше», «меньше».

Ordinalia от основ с числовым значением (числительных) *berenče*, *ikenče*, *ečenče* и т. д.

Примеч. В турецких яз. формально определяются 2 главных части речи: имя (склоняемые и спрягаемые основы) и глагол (основа не склоняется, имеет <с. 9> значение imperativi и спрягается, но с иной системой формообразования, чем имена); местоимения, прилагательные основы (не адъективные формы от имен как-то соизмеримые с падежами формы на *-daj*, *-nu'w*, *-hu*, *-suz*, а основы имен с качественным значением в роде *'ara* «черный», *u'hu* «большой» и т. п.) и числительные – только подклассы имени. Из них местоимения обладают наиболее самостоятельной характеристикой (особое склонение – частично с чередованием основы, отсутствие образования с личными притяжательными суффиксами – потому **əz* формально не местоимение); прилагательные слабо выделяются образованием степени¹³ сравнения и интенсификации типа *qapqara* (Кас. *'ap'ara*); числительные – образованием порядковых.

2. Числительные

ber ike eč durt biš alte hīde s'igēz tu'ez | tuyēz un.
heγermē utez 'ur' ille' altmeš hitmeš s'igzæn tu'zæn he^z men (1000) miljun.

¹³ В ркп. *-u* исправлено из *-ey*. – Изд.

3. Несколько глагольных парадигм

Основа (повелит.) *al* «возьми», *bir* «дай»

	Praes.		Neg.	
<i>min</i>	<i>alam</i>	<i>birim</i>	<i>almam</i>	<i>birmim</i>
<i>sin</i>	<i>alásen alásn</i>	<i>biris(ε)n</i>	<i>almás(ε)n</i>	<i>birmis(ε)n</i>
<i>ul</i>	<i>ala</i>	<i>biri</i>	<i>almaj</i>	<i>birmej</i>
<i>bez</i>	<i>alámez</i>	<i>biri^b_mez</i>	<i>almá^b_mez</i>	<i>birmí^b_mez</i>
	или <i>alábez</i>		или <i>almáj^b_mez</i>	или <i>birmeij^b_mez</i>
<i>sez</i>	<i>alasez</i>	<i>birísez</i>	<i>almá(j)sez</i>	<i>birmísez</i>
				или <i>birmeijsez</i>
<i>alar</i>	<i>ala</i>	<i>biri</i>	<i>almujtar</i>	<i>birmilir</i>
	или <i>alálar</i>	или <i>birílir</i>	или <i>almajtar</i>	или <i>birmejlir</i>

Imperat.

2 Sing.	<i>al, ahun, alu^uun</i>	<i>bir, biren, bire^uen</i>	3 Sing.	<i>alsen</i>	<i>birsen</i>
2 Plur.	<i>ahu^uuz</i>	<i>bire^uez</i>	3 Plur.	<i>alsennar</i>	<i>birsenlir</i>

<c. 10>

Praeterit.

<i>aldum</i>	<i>birdem</i>
<i>aldun</i>	<i>birden</i>
<i>aldu</i>	<i>birde</i>
<i>aldu^u</i>	<i>birde^u</i>
<i>aldu^uuz</i>	<i>birde^uez</i>
<i>aldular</i>	<i>birdelir</i>

Negativi

<i>almadem</i>	<i>birmidem</i>
<i>almaden</i>	<i>birmiden</i>
<i>almade</i>	<i>birmide</i>
<i>almade^u</i>	<i>birmide^u</i>
<i>almade^uez</i>	<i>birmide^uez</i>
<i>almadu^ular</i>	<i>birmidelir</i>

Futurum

<i>ahuirmaen</i>	<i>bireirmen</i>
<i>ahuirsaen</i>	<i>bireirsen</i>
<i>ahuir</i>	<i>bireir</i>
<i>ahuirmuuz</i>	<i>bireirmez</i>
<i>ahuirsuuz</i>	<i>bireirsez</i>
<i>ahurlar</i>	<i>birerlir</i>

Conditionalis

<i>alsam</i>	<i>birs'im</i>
<i>alsan</i>	<i>birsin</i>
<i>alsa</i>	<i>birsi</i>
<i>alsa^u</i>	<i>birsi^u</i>
<i>alsa^uaz</i>	<i>birsi^uiz</i>
<i>alsalar</i>	<i>birsilir</i>

Cond. Neg.

<i>almasam</i>	<i>birmisim</i>
<i>almasan</i>	— <i>sin</i>
<i>almasa</i>	— <i>si</i>
<i>almasa^u</i>	— <i>si^u</i>
<i>almasa^uaz</i>	— <i>si^uiz</i>
<i>almasalar</i>	— <i>silir</i>

Примеч. Нельзя настаивать на исключительности форм приведенных парадигм (имею в виду распределение гласных *u* и *ε* в суффиксах), так как мой объект изобилдовал дублетами в этом отношении.

4. Традиция чтения азбуки касимовцем.

ælip, bi, ti, s'i [в *ti* согласный тверд, в *si* же — нормальная, перед *i*, палатализация *s*], *hi, xu, xε, dal, zal, ræ, zæ, sæ, šæ, sat, zat, tu^j, zu^j, ξajn, ξain* = $\frac{\text{ξ}}{\text{y}}\text{ajn}$ [под $\frac{\text{ξ}}{\text{y}}$ разумею звонкий (глубоко-)заднеязычный спирант с увулярным трением, вроде парижск. *ʁ* (но не дрожащ. *r*); в таком виде, т. е. $\frac{\text{ξ}}{\text{y}}$, звук *y* не встретился мне кроме азбуки ни в одном Кас. слове], *fin, kaf, kæf* = *k'æf, læm, mim, nun, waw* [губ.-губ. *v*], *hi* [т. е. звонкое *h*, но обычно *h* — глухое], *la(m)* = ʎ , *jaj*.

Тексты.

5. Из разговора.

min ʔildem petigorskiʔa minem kumna ʔamdan hæmmæ nærsælirimne urladuwlar. (Когда) я приехал в Пятигорск, из моей комнаты все вещи мои украли. <с. 11>

ʔaraʔhæ ʔerde tirizidin ahup ʔitte. Вор вошел и из окна унес.

ʔajčan buldeʔ Когда это было?

un altunhæ majda sanatur ahiʔan huʔide. Шестнадцатого мая, санатория (еще) не была открыта.

6. Двустиишие.

kæs'imski ibraj štansur ħeri b(ə)raj

ʔuzlarʔa ħeresen s'inde ħereĩrsen šulaj

Касимовский Ибрагим ходит месяц без штанов,

Будешь за девками ходить, – и ты так пойдешь.

Прим. *bʔraj* или *braj* вместо *beraj*; *braj* корреспондирует с *ibraj*. Знаком ' обозначено ударение (неконечное) Вместо *ħereĩrsen* была сначала сказана форма под казанскую *ħeryĩrsen*.

7. Автобиография.

min malejem buldem ristarān-kybæda xuzmat-ittem aĵluʔ eč-tæŋkæ birdelir. ber ħel kurjerem buldem andan sun buldem pamošneʔaficeantem. aĵluʔ birdelir ħartekas andan-sun pułnejkas sundansun. tærgi buʔansun minem baxtemʔa čæʔte. kæʔazlarne birdelir s'erpuxuwnæ birʔinsun prinimat itmiʔi atejembʔlin ʔitteʔ. hæmmæ invintærlirne ħazuib birdelir. bismillæhi æjtep satu-iteb bašladuʔ. enenʔi bulde fajdase ħegerme sum. ike ħel satu-itʔinsun bufetbezne birdeʔ bašʔa ʔešæʔi. bez biʔ zur zarar ʔurdeʔ. andan-sun ʔereštem vagun-ristarānʔa hæm pravadniʔem buʔansun biš ħel xuzmat-ittem. piterdin pujesbʔlin v'eržbaluʔa hæm etkuninʔa bulde. andan aʔčæʔæ nærsæl¹⁴r satuub aldum ujuʔlarne ahup ʔiterdem aluħilarʔa sattum¹⁴. bʔraz fajdase bulde. xuzmat-itʔin patčalarne tʔšer-dilæ per(ε)varut bulde nibar-xalʔ zabastufká bulde. <с. 12>

Когда я был мальчиком, я служил в ресторане Кюба. Жалования в месяц давали три рубля. Год был курьером, а потом был помощником официанта. Жалования давали пол-кассы, а потому полную кассу. Потом я копил деньги и совсем разбогател. Потом наконец написал заявление в Управление (Жел. дороги)¹⁵, после чего были торги и мне вышло счастье. Выдали мне бумаги и дали (буфет) Серпухов, и вот мы с отцом поѣхали принимать. Сделали опись всему инвентарю. Сказавши «с богом» («во имя божье») начали торговать. Ежедневно выручка была в 20 рублей. Проторговав два года, передали мы наш буфет другому человеку, мы потерпели (при этом) чрезвычайно большой убыток. После этого я поступил в вагон-ресторан, стал уже и проводником и 5 лет служил. Из Питера с поездом ездили в Вержболово и Эйдкунен. Затем я на деньги купил вещей (товар); возил чулки и продавал покупателям. Немножко дохода было. Царей убрали со службы, был переворот, была всенародная забастовка. <с. 13>

¹⁴ В ркп. *ш* исправлено из *и*. – *Изд.*

¹⁵ В татарском тексте оригинал этого (закурсивленного нами) фрагмента перевода отсутствует. – *Изд.*

Примечания.

Черточкой (-) соединяю некоторые Neosomposita. Знак ударения (´ над гласной) вообще употребляю только в случае не конечного ударения, но в *zabastufká* – для того, чтобы показать неожиданное (ввиду рус. *забастовка*) конечное ударение. *xałʹ* – дублет к *xahuʹ* «народ».

-*em* в *kurjerem* и пр. – это -*om* русского творит. ед. Пол-кассы – $\frac{1}{2}$ пая в дележке чаевых; полная касса – полный пай. Под *patĉa-lar* (из перс. پادشاه) понимается царь, вел. князь и проч. сволочь; *xiuzmat itʹin patĉa...* – букв. «служивших царей (царя и К^о) вытурили».

В том деловом жаргоне касимовца-буфетчика, к которому принадлежит автобиография, 23% русских слов (лексических морфем). Вообще при полной двуязычности касимовцев [иногда приближающей их к таким образчикам «татарского» языка: *проклинаю-min sinə жизнь! min принципиально решитъ-ittəm русские слова употреблять-itmim*] обязательно, конечно, взаимное влияние обоих языков (которое на русском сказывается напр. в слове *поседитель* вм. *посетитель* под влиянием Кас. *ut(u)riçe* от *uturmaʹ* «сидеть» – «гость, посетитель, клиент ресторана»). [конец]

Обще-фонетический экскурс

Для общей фонетики, в частности для теории звуковой эволюции из Касим. особенностей представляет интерес вышеописанное спонтанеическое падение *k* и других заднеязычных (переход *k, g, q, y = Ġ, x > ʔ*, а для *ŋ* – дивергенция частью в *ʔ*, частью в *n*), как совершенно оригинальное явление, мне совсем не известное в истории <с. 14> другого языкового семейства¹⁶ (и из турецких известную аналогию дает только чувашский).

Самым близким к Касим. явлению стоит все-таки китайский (и аналогичный ему финский) процесс – перехода конечного (китайского) *k* (в котором совпадают обще-китайские и **k*, и **t*) в *ʔ*, напр. **mit* «мед» > *mik* > *miʹ* (откуда дальше пекинская форма с утратой *ʹ* – «ми»): здесь действительно заднеязычная смычка (заместившая уже собою всякий конечный неносовой согласный) заменяется гортанной, что составляет этап в сокращении работ при стремящихся к нулю конечных согласных. Но опять-таки это (китайское) явление постигает только конечное в слоге *k*, а в Касим. спонтанеическая ликвидация всяких и во всех позициях заднеязычных. Итак, Касимовское явление действительно исключительное¹⁷.

Для понимания его нужно устранить, во-первых, допустимость исключений из закона утраты заднеязычной артикуляции в момент его действия. И дей-

¹⁶ Исторические нули *k* и даже отсутствие *k* в системе характерны для нек. аустронезийских, в частности, самоанского, но в данный момент я лишен возможности привлечь эти факты к сравнению.

¹⁷ Из тюркских языков подобное явление наблюдается еще в тубаларском, где звонкие заднеязычные в ряде позиций переходят в фарингальный щелевой, причём в интервокале фарингал сохраняется, а в постсонантной позиции падает, оставляя фарингализацию на гласной, ср. [Сарбашева 2004: 117–123]); однако глухие заднеязычные в тубаларском сохраняются. – *Изд.*

ствительно, исключений из него у определенных индивидуумов в определенном поколении (создавшем это новшество) не было: число слов с *k*, *g*, *y*, *x* в современном Касимовском так незначительно, что их вполне можно отнести за счет более позднего постороннего (казанского?) влияния. За это говорят и дублиеты вроде *tuyez* при *tuʔez*. Я полагаю, конечно, что фонетически-обязательной недопустимость *k*, *g* и пр. была лишь недолгое время (1 поколение) и то не у всех в данном <с. 15> поколении, может быть лишь у отдельных лиц, действительно не умевших произносить *k*, *g* и пр., но что эти лица создали моду, принятую и другими (теми, кто был способен произносить эти звуки). Итак, я позволяю себе смотреть на это явление, как на социальную фиксацию индивидуального произносительного дефекта. Этот дефект (полное неусвоение заднеязычной артикуляции, в частности смычной) наблюдается, в общем не так редко, у детей различных наций, как переходный этап в выучке консонантизма. Пример: 3-хлетний мальчик-швед не умел произносить *k*, которое заменял через *t*, хотя и умел различать слышимые *k* и *t*. Слово (*pepper*)*kaka* «пряник» произносилось им (*pepper*)*tata*. Но после сознательных попыток и упражнений ему удалось наконец произнести *kaka* и это первое слово, в котором им была произнесена его новая произносительная фонема – *k*, вызвало у него живейшую радость. После этого, когда следовательно был уже достигнут данный навык, звук *k* стал им употребляться (вместо прежнего *t*) и в других словах – где нужно было. Дефект, т. о., оказался временным.

Но допустим, что такой дефект будет не изжит, а наоборот поддержан сверстниками. Допустим, что сверстники будут даже подражать произнесению *k*. Естественно, что при отсутствии навыка заднеязычной работы данные звуки (*k*, *g* и пр.) будут заменяться не просто нулем, а какой-либо другой работой. В приведенном примере у мальчика-<с. 16>шведа такой заменой служило *t*. Но ясно, что конвергенция $k \times t > t$ не может быть разделена сверстниками, как сопряженная с утратой одного из важнейших звукоразличий ($t - k$). Другое дело, если неусваиваемое *k* заменяется особой (новой для данной системы) фонемой, какой в Касим. явилось ^ʔ (гортанный смычный можно считать новшеством данного консонантизма, т. к. *ʕ* и *ħ* арабских слов могут быть игнорируемы в вопросе об усвоении родного консонантизма татарскими детьми). И на эту замену могли пойти и недефективные сверстники дефективных индивидуумов, – вот почему в частности: ^ʔ по сравнению с заднеязычной смычкой является экономией произносительной энергии (то, что гортанный взрывной требует меньше произносительной энергии, чем заднеязычный, физиологически довольно ясно). Таким образом, переход $k > ^ʔ$ ($g > ^ʔ$ и пр.) совпадает по направлению с общей, общefonетической и исторически-типичной тенденцией к минимализации произносительных затрат энергии – в эволюции звукового состава языков. Это обстоятельство позволяет уже не считать неперменным условием для перехода ($k > ^ʔ$) преобладание %-та дефективных (т. е. неусвоивших *k*) детей данного поколения над процентом недефективных (для которых *k*, *g* не составляли трудностей). Дефективных могло быть менее 50% (вполне невозможно, чтобы этот именно дефект был общим явлением, каким бывает напр. детская картавость – неумение произносить *r*, *r'*), их вероятно (гипотезирую, конечно) было несколько человек. Но подражать им было легче (т. е. требовало <с. 17> меньших затрат произноситель-

ной энергии), чем подражать старшему поколению, т. е. произносить заднеязычные. Вот те обстоятельства, при которых данный переход может казаться мотивированным. Подражание неумевшим произносить *k* (хотя бы и полное подражание – во всем составе словаря) отнюдь не означало приобретения их неумения произносить *k*. Потому, поскольку из постороннего (напр. казанского) источника бывали услышаны опять формы с *k* (и другими заднеязычными), эти заднеязычные могли вводиться заново в Касимовский словарь. Этим, понятно, можно объяснить дублеты с *k* | [?] и т. п. Но однако приобретение данного слова из чужого (казанского?) источника отнюдь не делает обязательным проникновение в этом слове чужого (казанского) *k*: хотя касимовцы и умеют произнести это *k*, слово может все же быть «фонетически переведено» на диалект, т. е. получить Касимовскую огласовку с [?] вместо *k*. Положим, что экономические условия при языковом обмене с другими татарами содействовали фиксации заднеязычных в числительных, – см. числительные *rassim* –, но в общем рецепт звуковой подстановки (т. е. знание соответствия: чужое *k, g* || свое [?]) вполне живущ, поскольку осознанно противоположение своего диалекта стандартному татарскому. В этом удостоверяют между прочим такие (вполне свободные) высказывания объекта: «по-казански *quiz* – по-нашему [?]*uz*, по-казански *quirq* – по нашему [?]*ur[?]*», и т. д. Таким образом может быть создано новое Касимовское слово даже из русских слов: <с. 18> *sta[?]an* из *стакан*.

При этом, конечно, о фонетическом современном действии закона *k* > [?] не может быть речи: это уже закон словаря, а не фонетики (потому, конечно, факт наличия в каком-либо слове звука *k* следует объяснять не фонетическими условиями, а историей данного слова на Касимовской почве). Таким вот образом и совершился, предполагаю, в Кас. этот редчайший процесс – несмотря на обратное давление среды (в которой дефективных было, очевидно, меньшинство по сравнению с умеющими произносить *k* – в том поколении, при котором совершилось изменение), – совершился благодаря физиологическим условиям – экономии произносительной энергии при *k* > [?]. Эта экономия делает живучим и рецепт подстановки *k* || [?] (и пр.): раз возможен выбор между *ker* и [?]*er*, выбирается скорее [?]*er*, чем *ker*, как требующее меньшей физиологической работы.

Приведенное объяснение нуждается, однако, в оговорке еще одной детали: спорадического случая [?] вм. *t* в *kumna[?]a* «комната» (Locat. *kumna[?]ada*, Ablativ. *kumna[?]adan*). Так как значение слова (комната – Nom. loci) позволяет базироваться именно на формах Loc. и Abl., то *t* > [?] в **kumnatada*, **kumnatadan* можно объяснять наличием слогов с 3мя (*n t d*) и даже 4^{мя} (в Abl. *n t d n*) переднеязычно-смычными один за другим. А так как такая диссимиляция в таких условиях (Ferndissimilation¹⁸) ведет к появлению простейшего (по затрате энергии) звука на месте диссимилируемого, то естественно выбирается легчайший из смычных (и вполне обычный внутри слова) – гортанный смычный [?]. <с. 19>

¹⁸ «Дистантная диссимиляция» (нем.). – Изд.

Этимологический экскурс¹⁹

По поводу приведенной параллели Касимовскому процессу в китайском $t > k > ?$ с примером $*mit > mik > mi?$, т. е. по совершенно случайной ассоциации, позволяю себе остановиться на этимологическом вопросе данного обще-китайского $*mit$ „мед“; именно здесь нужно упомянуть след. исторически интересное соответствие между языковыми семействами:

1. индо-европ. $*médhu$ (скр. $mádhu$, μέθυ, МЭДЬ и пр.) или с $d^h > l$ благодаря, м. б., неиндо-европейской подпочве на юге Европы²⁰: mel μέλισσα $< *μελιτ-ια$ „пчела, букв. медовая (муха?)“, ирланд. $míl$ ($i < e$).

2. финно-угорск. $*meti$: финск. $mesi$, эст. » $mesi$ « (= $mezi$) Casus partitiv. $mett < *mettä$, венг. $míz$ ²¹ (формы других финских см. в Finnisch-ugrische Sprachwissenschaft Szinnyei) <Szinnyei 1910: 20>.

3. древне-кит. $*mit$ „мед“, восстанавливаемое как источник пекинской и многих других диалектических форм, а также заимствований в японский и корейский (яп. $mici < mitu$, $miči < miti$; кор. mil с закономерным $l < \text{кон. кит. } *t$ ²², благодаря чему – странная игра случая! – корейская форма созвучна с ирландской: крайний запад и крайний восток Евразии называют „мед“ одинаково), но для более древней эпохи не без оснований гипотетизируемое в виде $*mjet$. В китайском это слово не находит индо-китайской (или тибето-китайской, если данное так наз. индо-китайское семейство именовать по двум главным представите-~~с. 20~~лям тибето-китайским) этимологии: тибетск. $*rci$ очевидно не родственно с $*mit$, хотя название пчелы (осы) в тиб. и в кит. в праформе общее: тиб. $*sbray$ -(bu) || кит. »фынг« $< fuŋ$ ($< *sbray$, так как $sbr > f$ закономерно, как и гласное соответствие тиб. a || кит. u из праязыкового $*a$, ср. напр. тиб. $lha > \eta a$ || кит. $\eta u > u$, $^w u$ »у, ву« „пять“, или тиб. ma || кит. tu „мять“, тиб. $*p'a$ || кит. fu „отец“ и пр.)²³.

¹⁹ Помимо специально посвященной этимологии слова *мёд* статьи [Поливанов 1916] см. об этом в других работах Е.Д. Поливанова: [Поливанов 1923: 116–117; Поливанов 1968а: 167; Polivanov 1937: 405]; а также комментарий Вяч.Вс. Иванова ([Поливанов 1968: 338–339]). – *Изд.*

²⁰ Сейчас ПИЕ $*melit$ - и ПИЕ $*medhu$ - определённо считают двумя разными основами, произведёнными от двух разных корней и имевшими разные значения, первая – собственно ‘мёд’, вторая – ‘хмельной напиток’ (обычно медовый), см., напр. [Mallory & Adams 2: 271]. – *Изд.*

²¹ Совр. лит. норма – $méz$. Колебания обусловлены качеством узкого долгого $é$. – *Прим. ред.*

²² Сейчас считается, что ср.-кор. $-r$ в китайских заимствованиях, замещающее ср.-кит. $-t$, это следствие заимствования из ср.-кит. северо-восточного диалекта, в котором $*-t > -r$. – *Изд.*

²³ В «Сравнительном словаре сино-тибетских языков» [Peiros & Starostin 1996] тиб. $sbray$ ‘fly, bee’ считается параллелью к кит. 虻, др.-кит. $mīrāŋ$ ‘gadfly, horsefly’; а кит. 蜂, др.-кит. $phoŋ$ ‘bee, wasp’ связывается с тиб. $buŋ$ ‘a humming and stinging insect, bee’. У тиб. pha ‘father’ по этому словарю нет китайской параллели, а кит. 父, совр. пекин. $fú^4$, др.-кит. $ba?$, связывается с сино-тиб. $*wāH$, не имеющим собственно тибетской параллели. Но тиб. lha ‘five’ продолжает считаться параллелью к кит. 五, др.-кит. $\eta hā?$ ‘five’. – *Изд.*

Это отмежевывает китайский язык в данном случае (т. е. в данном слове – „мед“) от юга Азии, т. е. от прочих тибето-китайских языков (NB, что в аннамском слово заимствовано из китайского) и заставляет искать объяснения <В> сношениях именно с индо-германцами или уральцами; и так. образом на *medhu || *meti (> финск. mesi) || *mjet, mit (а также *mel(it) – ср. *μελιτ-ια, mel) оказывается возможным смотреть, как на одно из древнейших культурных странствующих слов²⁴ (ср. в позднейшие эпохи странствование „мешка“ – saccus [из еврейск.], „вина“, „опиума“ [из арабск.], „арака“ [тоже из арабск. корня], „бумаги – тетради – cahier²⁵“ [из перс., а в перс. м. б. из китайск.], наконец „табака“ и пр. и пр.). Что же касается дальнейших сопоставлений приведенного (из 3 семейств) названия меда – именно с обще-алтайским bat²⁶ (тур.-монг. b < m? l < r? наконец a || e) и с другой стороны с яфетическо-семитск. √mtk „сладкий“ (яфет. tkm – см. Марр, Осн. табл. стр. 3 <Марр 1908: 3>), то они висят в воздухе как явно гипотетические.

Литература

- Дыбо, Норманская 2013 – Дыбо А.В., Норманская Ю.В. Периодизация тюркских заимствований в финно-угорских языках // Урало-алтайские исследования. – 2013. – № 4 (11). – С. 7–40. {A.V. Dybo, Yu.V. Normanskaya. Periodization of Turkic loanwords in the Finno-Ugric languages // Ural-Altaic Studies. – 2013. – No. 4 (11). – Pp. 7–40.}
- Марр 1908 – Марр Н.Я. Основные таблицы к грамматике древнегрузинского языка с предварительным сообщением о родстве грузинского языка с семитическими. – СПб., 1908. {N.Ya. Marr. The Basic Tables for the Grammar of the Old Georgian Language, with a Preliminary Report on the Relationship of the Georgian Language to Semitic Languages. – St. Petersburg, 1908.}
- Поливанов 1916 – Поливанов Е.Д. Индо-европейское *medhu – общекитайское *mit // Записки восточного отделения Императорского русского археологического общества. – Т. XXIII (1915). – Пг., 1916. – С. 263–264. (Переиздание: Поливанов Е.Д. Избранные работы. Статьи по общему языкознанию. – М.: Наука, 1968. – С. 165–166.) {Ye.D. Polivanov. (1916). Indo-European *medhu – Common Chinese *mit // Memoirs of the Oriental Department of the Imperial Russian Archaeological Society. – Vol. 23, 1915. – Pp. 263–264. (Reprinted in: Ye.D. Polivanov. Selected Works: Articles on General Linguistics. – Moscow: Nauka, 1968. – Pp. 165–166.)}
- Поливанов 1923 – Поливанов Е.Д. Дальневосточные термины орудий письма // Сборник Туркестанского восточного института в честь проф. А.Э. Шмидта (25-летие его первой лекции 15/28 января 1898–1923 г.). – Ташкент, 1923. – С. 116–119. {Ye.D. Polivanov. Far Eastern Terminology for Writing Materials // Collection of the Turkestan Oriental Institute in Honor of Prof. A.E. Schmidt (25th Anniversary of His First Lecture, January 15/28, 1898–1923). – Tashkent, 1923. – Pp. 116–119.}
- Поливанов 1968 – Поливанов Е.Д. Избранные работы. Статьи по общему языкознанию. – М., 1968. {Ye.D. Polivanov. Selected Works. Papers on General Linguistics. – Moscow, 1968.}
- Поливанов 1968а – Поливанов Е.Д. Индо-европейское *su [s] – древнекитайское *či ‘свинья’ // Е.Д. Поливанов. Избранные работы. Статьи по общему языкознанию. – М., 1968. – С. 167–171 (см. с. 167); рукопись статьи хранится в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН: ф. 700 (Л.В. Щерба), оп. 3, № 25, л. 58–66. {Ye.D. Polivanov. Indo-European *su [s] – Ancient Chinese

²⁴ Что касается литературы по этимологии «меда», то к ней относится прежде всего статья Gauthiot в Mem. Soc. Lingu. <Gauthiot 1910: 269–270>, на которую я ссылаюсь в заметке «Индо-евр. medhu – кит. mit» в ЗВОРАО. <Поливанов 1916: 263>

²⁵ «Тетрадь» (франц.). – Изд.

²⁶ Пратюрк. *bal (чув. пыл); письм.-монг. bal и под. – явный тюркизм. – Изд.

- **çu* 'pig' // Ye.D. Polivanov. Selected Works. Papers on General Linguistics. – Moscow, 1968. – Pp. 167–171 (see p. 167); the manuscript of the article is kept in the St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences: f. 700 (L.V. Shcherba), op. 3, No. 25, ff. 58–66.}
- Самойлович 1922 – *Самойлович А.Н.* Некоторые дополнения к классификации турецких языков. – Петроград, 1922. (Переиздание: А.Н. Самойлович. Тюркское языкознание. Филология. Руника. – М., 2005. – С. 77–87.) {*A.N. Samoylovich. Some Additions to the Classification of Turkic Languages.* – Petrograd, 1922. (Reprinted in: *A.N. Samoylovich. Turkic Linguistics; Philology; Runica.* – Moscow, 2005. – Pp. 77–87).}
- Сарбашева 2004 – *Сарбашева С.Б.* Фонологическая система туба-диалекта алтайского языка. – Новосибирск, 2004. {*S.B. Sarbasheva. The Phonological System of the Tuba Dialect of the Altai Language.* – Novosibirsk, 2004.}
- Gauthiot 1910 – *Gauthiot, Robert Edmond.* Des noms de l'abeille et de la ruche en indo-européen et en finno-ougrien [О названиях пчёл и улья в индоевропейск. и финно-угорск. языках] // *Mémoires de la Société de linguistique de Paris.* – T. XVI, 1910, № 4. – Pp. 264–279. {*R.E. Gauthiot. On the Names of the Bee and the Beehive in Indo-European and Finno-Ugric Languages* // *Mémoires de la Société de linguistique de Paris.* – T. XVI, 1910, No. 4. – Pp. 264–279.}
- Mallory & Adams 1997 – *D.Q. Adams, J.P. Mallory.* (ed.). *Encyclopedia of Indo-European culture.* – Chicago, 1997.
- Peiros & Starostin 1996 – *I. Peiros, S.A. Starostin.* A Comparative Vocabulary of Sino-Tibetan Languages. – Parkville: University of Melbourne, 1996.
- Polivanov 1937 – *E.A. (= E.D.)²⁷ Polivanov.* A propos d'un mot indo-européen de provenance chinoise *(*t*)*sū* s < ancien chinois **çu* 'cochon' // *Archiv Orientální.* – Praha, 1937. – Vol. IX, № 3. – С. 405–406; рукопись русскоязычного оригинала хранится в Литературном архиве Музея национальной литературы в Праге (фонд Р.О. Якобсона: *Rukopisy cizí, Články...*, Polivanov, «Ob jednom i.-e. slove kitajského proischožďeníja»).
- Szinnyei 1910 – *Szinnyei, József.* Finnisch-ugrische Sprachwissenschaft [Финно-угорское языкознание]. – Leipzig, 1910. {*J. Szinnyei. Finno-Ugric Linguistics.* – Leipzig, 1910.}

О брошюре Е.Д. Поливанова «Фонетические особенности Касимовского диалекта»

(*А.В. Дыбо, А.В. Андронов*)

Стеклографированная брошюра о касимовском диалекте описана уже в первой библиографии работ Поливанова, опубликованной Вяч.Вс. Ивановым [Иванов 1957: 74, № 25], который, судя по замечаниям в очерке лингвистических взглядов Поливанова, был хорошо знаком с её содержанием²⁸. Однако в 2018 году один из авторов настоящей публикации, занимавшийся проверкой библиографии Поливанова *de visu*, смог обнаружить эту работу лишь в Национальной библиотеке Узбекистана. По его рекомендации редкая книга была отреставрирована и перемещена из общего фонда (старый шифр «В 11661/0») в отдел рукописей, уникальных и особо ценных изданий (нынешний шифр «Пя-12783»). Позже по её цифровой копии осуществлён первичный компьютерный набор текста. Поиски

²⁷ В издании действительно пропечатано: «E.A. Polivanov». Вероятно, смешение связано с внешним видом кириллической «Д». – *Прим. ред.*

²⁸ По словам Л. Р. Концевича, книга имела у московского дунгановеда А. Дж. Калимова, но после его кончины, вероятно, перешла к кому-то из коллег или в составе его библиотеки передана на родину учёного в село Ырдык (Джети-Огузский район Киргизии).

книги в библиотеках Москвы, Петербурга и Казани не дали результата, поэтому в предварительной публикации фрагмента работы Поливанова высказано мнение, что она сохранилась в единственном экземпляре [Андронов 2021: 8]. В руки второго соавтора, А.В. Дыбо, экземпляр был передан в 2009 году ее учительницей, Л.С. Левитской, которой он в свое время достался от Н.К. Дмитриева, ее учителя. По этому экземпляру была проведена сверка компьютерного набора. Есть основания предполагать, что книга в своё время имела также в Ленинграде (на неё подробно ссылается Л.Т. Махмутова, работавшая над диссертацией в ЛГУ [Махмутова 1952; 1955]; возможно, это тот же личный экземпляр Н.К. Дмитриева) и в Казани (учтена в указателе А.Г. Каримуллина [1957: 25–26, № 212]; не исключено, что на основании библиографии Вяч.Вс. Иванова).

Касимовский говор не особенно хорошо изучен, и к настоящему времени близок к «засыпанию»²⁹. Однако некоторое количество работ по нему имеется.

Вышедшая вскоре после брошюры Поливанова статья В.А. Гордлевского [1927] (полевые записи 1920), представляет собой в основном этнографическое исследование. Автор (в сноске, с. 6) сообщает: «Фонетические наблюдения над языком касимовских татар производились проф. Е.Д. Поливановым, но мне недоступна изданная им (в 1923 году?) стеклографически брошюра» (изданная, заметим, Институтом востоковедения, в котором Гордлевский работал с 1918 года [Базиянц 1979: 19–20, 52]). Его представление касимовского вокализма (со скидкой на крайне огрубленную транскрипцию) вполне соответствует представлению Поливанова. Что касается консонантизма, он отмечает переход заднеязычных в гортанную смычку (с. 20–21); о рефлексии начального **j*- говорит как о свободном варьировании между [j] и [ɟʒ] (с. 23); фиксирует переход в [sʲ] конечного слога **č* (с. 21; у Поливанова не отмечено, ср., напр., выше *εč* ‘3’; и наоборот, он пишет об отсутствии у *č* «свистящего акустического уклона»). Из морфологических особенностей Гордлевский обращает внимание на окончание аблатива *-тин*: *асьтин* (тат. *ачтан*) ‘от голода’ (с. 23) (то есть, на архаичную форму аблатива *-Tɪn*, представленную в древнеуйгурском и языках карлукской группы и спорадически сохраняющуюся в отдельных диалектах других языков, а также в окаменевших наречных образованиях). У Поливанова таких форм нет; при этом аблатив переднерядных слов, морфонологически *-Tɪn*, закономерно получает форму *-t/din* в силу перехода **e > i*, а у слов со вторичным упреждением *a > æ* в палатальном консонантном контексте (как *aʲčæʲæ* ‘деньги-Dat’) отмечена возможность замены аффикса с упреждённым *æ* на морфонологически переднерядную форму с *i*, то есть форма, приведённая Гордлевским, может объясняться и так. В последующих работах аблатив на *-Tɪn* для касимовского не засвидетельствован.

Б.А. Куфтин в этнологическом исследовании касимовских татар указывает лишь те же черты из области согласных (полную утрату задненёбной артикуляции в пользу «гортанного звука, напоминающего арабское „аин“», отсутствие мишарского цоканья, замену конечного **č* на [sʲ] и начального **j* на [ɟʒ]) и некоторые особенности лексики [Куфтин 1929: 141–142].

²⁹ О современной социолингвистической ситуации см., например [Абянов 2024].

Касимовскому говору посвящен раздел в «Татарской диалектологии» [Жәлэй 1947: 100–101], автор оспаривает гипотезу близости с мишарским (основанную на лексических признаках) и относит касимовский скорее к среднему диалекту, связывая развитие гортанного взрыва с увулярным характером задних согласных, а также указывая на джекание и отсутствие цоканья.

Специально фонетическим особенностям касимовского говора посвящена статья Л.Т. Махмутовой [Махмутова 1955]³⁰. В ней отмечается переход заднеязычных (с. 145–148); по развитию начального **j*- говор отнесен к «ж-окающим» с «переднеязычной двухфокусной палатализованной звонкой аффрикатой» (т. е. описано [dʒ]). Приведены 2 исключения с *j*- (эклетишно охарактеризованным как «среднеязычный щелевой звонкий сонант») перед *a*: *jaʷшы* ‘хорошо’, *jaʷa*- ‘облагодетельствовать’ (с. 144–145). Отмечен переход конечнослогового **č* в «сильно палатализованный свистящий спираント *s*» (с. 143). Вокализм описан в целом сходно с поливановским описанием; отмечено, в частности, [i] как переднерядный представитель морфемы *A* (с. 150, 155). Приводится форма с дифтонгом *əjt* ‘собака’ (с. 149), но (по рефлексу гласной идентичная литературной) *nət* ‘вошь’ (с. 138). Махмутова, в отличие от Поливанова, выделяет огубленную фонему *o*, отождествляемую ею с тат. лит. *o* (фонетически [ʊ]; < ПТю **u*) (с. 152). Поливанов считает рефлекс **u* в касимовском тождественными рефлексам **i* (ср. в его записи *ʷulaʷ* ‘ухо» и *ʷuz* «девушка»), описывая соответствующий звук скорее как то, что в современном МФА обозначается [ɣ] (в литературном татарском [ɣ] – звучание рефлекса **i* в независимой позиции, а [ʃ] выступает в составе дифтонга [ʃj]). Ср. приводимую Махмутовой форму кас. *boʷol* ‘стог’ (литер. *богыл*) и у Гордлевского (с. 23) *byʷыл* ‘скирд’. Что касается формы аблатива, данные Махмутовой (с. 156) совпадают с поливановскими.

В нашем распоряжении оказались записи на электронный носитель одного признанного знатока касимовского говора Диляры Анваровны Батмановой (1965–2022), из д. Мунтово (собрано в 2019 г. Л.Ф. Абубакировой; часть звука размещена на портале Lingvodoc: <https://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/2874/7/perspective/2874/11/view>). В этом материале мы видим регулярный переход заднеязычных в гортанную смычку; регулярное отражение начального **j*- как [dʒ] за исключением позиции перед *-a*-, где свободно варьируют [dʒ] и [j]; регулярный переход конечнослогового **č* в [sʃ]. По слуховому впечатлению, рефлекс **i* всё же отличаются от рефлексов **u*, хотя обе гласные неогубленные: основной рефлекс **i* – [ʃ], а основной рефлекс **u* – [ɣ]; различие наиболее заметно под ударением. Засвидетельствованы формы [əjt] ‘собака’ и [pəjt] ‘вошь’.

Различение рефлексов **i* и **u* в современном состоянии говора при неразличении в источниках начала XX века вряд ли можно отнести на счёт исторического развития вокализма или (при физическом несовпадении различения с литературным) на счёт влияния литературного татарского. То же касается и развития конечнослогового **-č*. Вероятно, оба этих момента либо ускользнули от Поливанова (что в отношении оппозиции [ʃ] и [ɣ] неудивительно), либо его информант

³⁰ Статья написана по материалам диссертации [Махмутова 1952], где на с. 6 автор (справедливо) подчёркивает, что описание Поливанова основано на данных от одного информанта.

допускал в свою речь мишарские формы (см. о влиянии соседних мишарских говоров [Абянов 2024]).

Поливанов придавал большое значение характерной особенности касимовского диалекта – переходу заднеязычных в гортанную смычку – и посвятил ей специальный «Общезвончатый экскурс». Внимание на поливановское объяснение распространения гортанной смычки впервые обратил Куфтин: «Поливанов... в своей работе о касимовском говоре не считает возможным относить эту исключительную по своей резкости черту касимовского диалекта к какой-либо древней этнической основе, а видит в ней социальную фиксацию индивидуального произносительного дефекта одного из касимовских царей, получившего распространение через дворцовую знать и высшее сословие в народ» (с. 141). Отметим, что в публикуемой брошюре Поливанов не пишет о том, что такое закрепление («мода») могло бы возникнуть скорее, если особенность была присуща социально престижной группе, но, вероятно, подразумевает именно это (ср. его другие работы о факторах фонетической эволюции). Как бы то ни было, конкретизация гипотезы в направлении роли касимовских царей принадлежит Куфтину³¹.

Гордлевский полагает, что распространение гортанной смычки – явление, связанное с финно-угорским субстратом. Махмутовой эта идея казалась наиболее близкой к истине, но она не приводит никаких аргументов [Махмутова 1955: 148, сноски]. В статье, специально посвящённой возникновению касимовской гортанной смычки, Арсланов вполне аккуратно опровергает идею Гордлевского [Арсланов 1976: 61], но сам также предполагает субстратное происхождение явления, ожидаемо связывая «гортанные звуки» с северо-кавказским субстратом на гипотетическом прежнем месте обитания касимовцев. Это, конечно, маловероятно: для такого влияния нужен был бы какой-то северокавказский язык, в котором отсутствуют велярные и увулярные, а представлены фарингальные и ларингальные; такого северокавказского языка нет. В общем, гипотеза Поливанова, как кажется, остается наиболее правдоподобной. Её поддерживал и Вяч.Вс. Иванов [1957: 72].

Литература

- Абянов 2024 – Абянов Р.В. Касимовский говор как фактор сохранения этноконфессиональной идентичности татар Рязанской области // Полилингвистичность и транскультурные практики. – 2024. – Т. 21. – № 3. – С. 450–458. – DOI: <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2024-21-3-450-458>. {R.V. Abyanov. Kasimov Dialect as a Factor in Preserving the Ethnic and Confessional Identity of the Tatars of the Ryazan Region // Polylinguality and Transcultural Practices. – 2024. – Vol. 21. – No. 3. – Pp. 450–458.}
- Андронов 2021 – Андронов А.В. Е.Д. Поливанов о касимовском диалекте: возвращая в научный обиход библиографическую редкость (к 130-летию со дня рождения) // И.А. Бодуэн де Куртене и мировая лингвистика: междунар. конф.: VIII Бодуэновские чтения (Казан. федер. ун-т, 17–20 нояб. 2021 г.): тр. и матер.: в 2 томах / под общ. ред. Р.Р. Замалетдинова, Е.А. Горобец, Э.А. Ис-

³¹ Формулировку Куфтина повторяет Л.Ш. Арсланов, приписывая её, однако, самому Поливанову [Арсланов 1976: 61]. Вполне вероятно, что Арсланов не видел оригинала редкой публикации Поливанова и опирался лишь на статьи Куфтина и Махмутовой.

- ламовой. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2021. – Т. 2. – С. 8–16. {*A.V. Andronov. Ye.D. Polivanov on the Kasimov Dialect: Returning a Bibliographical Rarity to Scholarly Circulation (To the 130th Anniversary of His Birth)* // Jan Baudouin de Courtenay and World Linguistics: International Conference: 8th Baudouin Readings (Kazan Federal University, November 17–20, 2021): Proceedings and Materials: in 2 vol. / under the general editorship of R.R. Zamaletdinov, E.A. Gorobets, E.A. Islamova. – Kazan: Kazan University Press, 2021. – Vol. 2. – Pp. 8–16.}
- Арсланов 1976 – *Арсланов Л.Ш.* К вопросу о возникновении гортанно-смычной фонемы в касимовском говоре татарского языка // Советская тюркология. – 1976. – № 6. – С. 60–65. – URL: <https://rostrucology.ru/index.php/rostrucology/issue/view/47/47> (дата обращения: 20.10.2025). {*L.Sh. Arslanov. On the Emergence of the Glottal Stop Phoneme in the Kasimov Dialect of the Tatar Language* // Sovetskaya Tyurkologiya [Soviet Turkology]. – 1976. – No. 6. – Pp. 60–65. – URL: <https://rostrucology.ru/index.php/rostrucology/issue/view/47/47> (accessed: October 20, 2025).}
- Базиянц 1979 – *Базиянц А.П.* Владимир Александрович Гордлевский. – Москва: Наука, 1979. {*A.P. Baziyanets. Vladimir Aleksandrovich Gordlevsky.* – Moscow: Nauka, 1979.}
- Гордлевский 1927 – *Гордлевский В.А.* Элементы культуры у касимовских татар. (Из поездки в Касимовский уезд в 1920 году) // Труды общества исследователей Рязанского края, вып. 10. – Рязань, 1927. – С. 5–35. – URL: <https://www.prlib.ru/item/719524> (дата обращения: 21.10.2025). {*V.A. Gordlevskiy. Cultural Elements of the Kasimov Tatars: (From a Trip to the Kasimov District in 1920)* // Proceedings of the Society of Researchers of the Ryazan Region, iss. 10. – Ryazan, 1927. – Pp. 5–35. – URL: <https://www.prlib.ru/item/719524> (accessed: October 21, 2025).}
- Жәләй 1947 – *Жәләй Л.* Татар диалектологиясе [Татарская диалектология]. – Казан, 1947. {*L. Zalyay (L. Jäläy). Tatar Dialectology.* – Kazan, 1947.}
- Иванов 1957 – *Иванов Вяч.Вс.* Лингвистические взгляды Е.Д. Поливанова // Вопросы языкознания. – 1957. – № 3. – С. 55–76. {*Vyach.Vs. Ivanov. The Linguistic Views of E.D. Polivanov* // Voprosy Yazykoznaniiya [Topics in Linguistics]. – 1957. – No. 3. – Pp. 55–76.}
- Каримуллин 1957 – *Каримуллин А.Г.* Библиография литературы по татарскому языкознанию. – Казань, 1957. {*A.G. Karimullin. Bibliography of Literature on Tatar Linguistics.* – Kazan, 1957.}
- Куфтин 1929 – *Куфтин Б.А.* Татары-касимовские и татары-мишари Центрально-Промышленной области // Культура и быт населения Центрально-Промышленной области. – М., 1929. – С. 135–148. {*B.A. Kuftin. The Kasimov Tatars and Mishar Tatars of the Central Industrial Region* // Culture and Everyday Life of the Population of the Central Industrial Region. – Moscow, 1929. – Pp. 135–148.}
- Махмутова 1952 – *Махмутова Л.Т.* Особенности касимовского говора татарского языка: дис. ... канд. филол. наук. – Л.: Ленингр. гос. ун-т им. А.А. Жданова, 1952. – 191 л./с. {*L.T. Makhmutova. Features of the Kasimov Dialect of the Tatar Language: Candidate of Philological Sciences dissertation.* – Leningrad: Zhdanov Leningrad State University, 1952. – 191 leaves/pages.}
- Махмутова 1955 – *Махмутова Л.Т.* Фонетические особенности касимовского говора татарского языка // Материалы по диалектологии. – Казань, 1955. – С. 147–148. {*L.T. Makhmutova. Phonetic Features of the Kasimov Dialect of the Tatar Language* // Materials on Dialectology. – Kazan, 1955. – Pp. 147–148.}

Published in the Russian Federation.

Russian Turkology (Previous Name: *Soviet Turkology*, was founded in 1970)

Has been issued as *Russian Turkology* since 2009; ISSN: 2079-9160; E-ISSN: 2712-8121
2025. № 1–2 (46–47), pp. 86–97. Journal homepage: <http://rosturcology.ru/>

УДК/UDC: 811.512.111

DOI 10.37892/2712-8121-2025-46-47-86-97

ИСТОРИЯ НАУКИ

ВКЛАД ГУРИЯ КОМИССАРОВА В ТЕОРИЮ БОЛГАРСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ ЧУВАШСКОГО НАРОДА

*Алексей Петрович Леонтьев*¹

¹ Чувашский государственный институт гуманитарных наук, г. Чебоксары, Россия
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
ORCID: 0000-0002-8798-8132
e-mail: alexej.leontjew2014@yandex.ru

© ИЯз РАН, 2025

© Леонтьев А.П., 2025

Аннотация. В статье рассматривается вклад одного из основоположников чувашской исторической науки Гурия Ивановича Комиссарова в изучение этногенеза чувашского народа. В советский период его научные труды замалчивались, находились в «спецхране»¹, его изредка цитировали лишь как этнографа – автора очерка «Чуваши Казанского Заволжья», хотя это сочинение имело подзаголовок «историко-этнографический». Цель работы – проанализировать научную деятельность Гурия Ивановича и на этой основе доказать, что ученый был убежденным сторонником теории болгарского происхождения чувашей. Материалами исследования послужили изданные при жизни сочинения Г.И. Комиссарова и его рукописные труды, а также вновь выявленные документы, хранящиеся в архивах. Использовались принципы историзма, объективности и системности, а также следующие методы: описательный, аналитический, сравнительно-историко-генетический, фактологический. Описательный метод применялся для первичного анализа обнаруженных материалов и их характеристик; аналитический метод позволил воссоздать последовательность событий, объективно оценить деятельность отдельных личностей в преследовании Г.И. Комиссарова и искажении его теоретической концепции; сравнительно-историко-типологическим методом показано, что в работах исследователя, написанных в разные периоды, совпадают основополагающие концепты касательно проблем этногенеза и формирования чувашского народа; фактологическим методом обобщены результаты анализа, проведенного другими мето-

¹ Спецхран (отдел специального хранения) – в СССР специальный отдел в библиотеке, режимный объект, доступ к которому был ограничен. В этих отделах находились издания, ознакомление с которыми широкой публики считалось нежелательным по идеологическим соображениям, а также отнесенные по различным соображениям к категории «Для служебного пользования» или «Секретно».

дами. Главным итогом работы стал вывод о том, что Г.И. Комиссаров во всех своих сочинениях придерживался теории болгаро-чувашской языковой и этнической преемственности.

Ключевые слова: история чувашского народа, этногенез чувашского народа, научные труды Г.И. Комиссарова, М.П. Петров (Тинехпи), В.Ф. Каховский, В.Д. Димитриев.

Для цитирования: Леонтьев А.П. Вклад Гурия Комиссарова в теорию болгарского происхождения чувашского народа // Российская тюркология. 2025. № 1–2 (45–46). С. 86–97. DOI 10.37892/2712-8121-2025-46-47-86-97.

Guriy Komissarov's contribution to the theory of the Bulgarian origin of the Chuvash people

*Aleksey Petrovich Leontiyev*¹

¹ Chuvash State Institute of Humanities, Cheboksary, Russia

Candidate of Historical Sciences, Researcher

ORCID: 0000-0002-8798-8132

e-mail: alexej.leontjew2014@yandex.ru

© IL RAS, 2025

© Leontiyev, A.P., 2025

Annotation. The article examines the contribution of a founder of Chuvash historical science, Guriy Ivanovich Komissarov, to the study of the ethnogenesis of the Chuvash people. During the Soviet period, his scholarly works were hushed up and kept in a “special archive”; he was occasionally cited only as an ethnographer – the author of the essay “The Chuvash people of the Kazan Trans-Volga Region”, although this work was subtitled as “historical and ethnographic”. The aim of the article is to analyze the scholarly work of Guriy Ivanovich and, on this basis, prove that he was a staunch supporter of the theory of the Bulgarian origin of the Chuvash people. The research materials include works published during the scholar's lifetime and his handwritten works (/manuscripts), as well as newly discovered documents stored in archives. The principles of historicism, objectivity and systematicity were used, as well as the descriptive, analytical, comparative-historical-genetic and factual research methods. The descriptive method is used for the initial analysis of the identified data and their characteristics; the analytical method allows for a more profound understanding of the sequence of various events and an objective assessment of the actions of certain individuals in the persecution of G.I. Komissarov and the distortion of his theoretical concepts. The comparative-historical-typological method demonstrates the similarities between the researcher's fundamental concepts in studying the problems of ethnogenesis and the formation of the Chuvash people in his works from different periods. The factual method synthesizes the results of analysis conducted using other methods. The main result of the study is the conclusion that G.I. Komissarov adhered to the theory of Bulgar-Chuvash linguistic and ethnic continuity in all his works.

Key words: history, ethnogenesis of the Chuvash people, scientific works of G.I. Komissarov, M.P. Petrov (Tinekhpi), V.F. Kakhovsky (/Kakhovskiy), V.D. Dimitriev (/Dimitriyev).

For citation: Leontiyev, A.P. Guriy Komissarov's contribution to the theory of the Bulgarian origin of the Chuvash people // Russian Turkology. 2025. No. 1–2 (45–46). Pp. 86–97. DOI 10.37892/2712-8121-2025-46-47-86-97.

Введение

В советский период труды исследователей, подвергшихся идеологическому осуждению и получивших клеймо «неблагонадежный», «буржуазный националист»,

«миссионер» и пр., систематически исключались из научного оборота и длительное время пребывали в забвении. В чувашской науке к числу таких «отверженных» прежде всего относятся Г.И. Комиссаров² и Н.В. Никольский³. Упоминания об их работах носили эпизодический характер и использовались, главным образом, для того, чтобы еще раз «продемонстрировать» их чуждость советской науке.

В фундаментальной, выдержавшей четыре переиздания монографии «Происхождение чувашского народа» ее автор В.Ф. Каховский, непоколебимый сторонник болгарского происхождения чувашского этноса, вышеназванным неблагоприятным делом не занимается, однако упомянутых нами исследователей не цитирует даже в главе об историографии проблемы этногенеза чувашской народности. Цитата Г.И. Комиссарова приводится в главе «Древнейшие предки чувашей в Азии»: ученый предполагал, что название *чăваш* ‘чуваш’, не поддающееся филологическому объяснению, «весьма древнее слово, связанное, возможно, с образом жизни или местожительством, или именем родоначальника» [Каховский 2017: 146]. В.Ф. Каховский ссылается на Г.И. Комиссарова еще несколько раз как на этнографа, впервые указавшего в своей монографии «Чуваши Казанского Заволжья» на местообитание трех основных групп чувашей: верховых, средненизовых и низовых. Кроме того, В.Ф. Каховский замечает, что Г.И. Комиссаров, «считая чувашей потомками болгар, утверждал, что они не являются чистыми тюрками, а “представляют скорее смесь тюрков с финнами, с преобладанием тюркского элемента”» [Каховский 2017: 52]. Отсюда получается, Г.И. Комиссаров не являлся сторонником концепции чувашских болгаристов в полной мере. Весьма вероятно, что В.Ф. Каховский просто не был знаком с монографией Г.И. Комиссарова «Чăваш халăхĕн историйĕ (История чувашского народа)» (далее – «История чувашского народа»).

Результаты исследования

Между тем Г.И. Комиссаров, выпускник Симбирской чувашской учительской школы и Уфимской духовной семинарии, в 1908–1913 гг. студент Казанской духовной академии, уже в работе «Чуваши Казанского Заволжья» однозначно позиционировал себя в качестве убежденного сторонника версии болгарской теории этногенеза чувашей. «Известны *три гипотезы о происхождении чуваш*, – пишет автор. – Госпожа Фукс⁴ считает чуваш за *древних хазар*, Сбоев⁵ – за *буртас*,

² Комиссаров (Вандер) Гурий Иванович (3 октября 1883 – 25 февраля 1969) – историк, этнограф, фольклорист, писатель, публицист, переводчик, литературовед, языковед, педагог-методолог, философ.

³ Никольский Николай Васильевич (19 мая 1878 – 2 ноября 1961) – просветитель, ученый-энциклопедист: этнограф, историк, лексикограф, фольклорист, лингвист, переводчик, статистик; организатор высших школ, общественный деятель; доктор исторических наук (1916, 1947), профессор Казанского университета, Казанского восточного педагогического института, Марийского педагогического института. Основатель первой газеты на чувашском языке «Хыпар» (Весть) (1906–1907). Известен также как музыковед и знаток народной медицины.

⁴ Фукс А.А. Записки о чувашах и черемисах Казанской губернии. – Казань, 1840.

а позднейшие исследователи Н.И. Ильминский, [В.В.] Радлов, [А.А.] Куник, Н.И. Ашмарин⁶, Н.В. Никольский⁷ – за *болгар*» [Комиссаров 1911: 315].

При кратком ознакомлении с основными тезисами версий А.А. Фукс и В.А. Сбоева Гурий Иванович как бы даже соглашается со вторым автором, расширяя его версию. Так, он полагает, что «можно считать за достоверное, несомненно говорящее в пользу хазарской гипотезы о происхождении чуваш то, что чуваша жили в древности гораздо южнее, чем живут теперь, но были оттеснены впоследствии другими народами к северу. Едва ли не справедливо и то, что печенежские полчища, наводившие страх на славян, состояли, если не из чуваш тогдашнего времени, то во всяком случае из представителей в высшей степени родственного чувашам племени» [Комиссаров 1911: 316].

Г.И. Комиссаров не относит печенегов к особому народу, для исследователя они «не кто иной, как “казаки” того времени, самые отчаянные люди, бежавшие в степи для свободной и разгульной жизни», так как, считает автор, «самое название их “печенег” совпадает с чувашским словом “пёчченех”, что значит “только один”, а это последнее выражение указывает на одинокую, уединенную, оторванную от остального общества жизнь. В этом смысле слово “печенег” тождественно со словом “казак” (козак), которое представляет несколько искаженное русским произношением тюркское, в частности чувашское слово “хосах”, что значит “одинокий”, свободный, несвязанный, в переносном смысле – холостяк, несвязанный узами брака» [Там же]. Автор размышляет, что «печенеги могли быть и, вероятно, были уже во времена существования хазарского царства, но особенно увеличилось число их после разрушения хазарского царства русским князем Святославом (942–972), когда свободолюбивые хазары, не желая жить под игом чуждого завоевателя и горя мстью к нему, бежали в степи и образовали большую шайку. <...> Мы должны предположить, что хазары и печенеги или были теперешними чувашами, или весьма близким им по крови племенем» [Комиссаров 1911: 317].

Как видно, для Г.И. Комиссарова печенеги – не этнос, а социальная группа, типа маргинального слоя хазарского народа (о «печенегах» будет еще сказано далее, потому как именно приведенная Г.И. Комиссаровым трактовка впоследствии сыграла с ним злую шутку).

Что касается третьей, болгарской, гипотезы, то Г.И. Комиссаров выделяет ее как более обоснованную, чем первые две, и уверен, что «недаром за нее держатся все наиболее компетентные исследователи чувашей» [Комиссаров 1911: 317]. Гурий Иванович приводит следующие аргументы в пользу этой гипотезы: во-первых, болгары были, как и чуваша, смешанного тюркского племени; во-вторых, чуваша живут в пределах бывшего [Волжско-Камского] Болгарского царства; в-третьих, тюркские слова в венгерском языке имеют чувашские окончания, однако известно, что эти слова могли войти в язык мадяров после переселения в Венгрию около 970 г. приволжских болгар, основавших на берегу р. Дуная город

⁵ Сбоев В. Исследования об инородцах Казанской губернии. Заметки о чувашах. – Казань, 1851.

⁶ Ашмарин Н.И. Болгары и чуваша. – Казань, 1902.

⁷ Никольский Н.В. Краткий конспект по этнографии чуваш. – Казань, 1911.

Пешт; в-четвертых, имена числительные в древнем языке балканских болгар напоминают чувашские имена числительные; в-пятых, язык болгарских надгробных надписей тождествен с чувашским (так, числительные «семь», «восемь», «сто» в надписях имеют чувашское произношение, отличное от общетюркского); и, в-шестых, луговые черемисы до сих пор называют татар словом «суас», равносильным названию «чуваш» (*чăваш*), что объясняется тем обстоятельством, что черемисы смешали татар с болгарями-мухаммеданами, которых они считали за чувашей. Ученый резюмирует: «Мы ограничимся пока этими данными в пользу болгарской гипотезы происхождения чуваш. Нетрудно заметить, что доводы в пользу этой гипотезы в высшей степени убедительны. Лишь одно серьезное затруднение представляет вопрос об отождествлении чуваш с болгарями: это – недостаток в сведениях о самих болгарях. Кто такие были болгары: был ли это один народ или этим именем обозначался целый союз народов, составлявших одно царство при р. Волге или Итиле (Ателе)?» Далее автор задается вопросом: какой из существующих теперь народов играл наибольшую роль в исторических судьбах болгарского государства, создал культуру и был передовым? Таким народом Г.И. Комиссаров считает теперешних чувашей [Комиссаров 1911: 317–318].

Полемизируя с казанско-татарскими авторами, Г.И. Комиссаров приводит, на его взгляд, убедительные доводы, опровергающие отождествление теперешних казанских татар с болгарями, т. е. господствовавшим в Великой Болгарии народом. «Чувашенин, принявший мухаммеданство, уже стыдится именоваться чувашенином и говорить по-чувашски, а называет себя татаринном, – с горечью констатирует исследователь. – <...> Такое отождествление мухаммедовой веры с понятием “татарин” объясняется, вероятно, тем, что при хане Узбеке (первая половина XIV в. – прим. авт.) мухаммеданство в Золотой Орде было объявлено господствующей религией, и татары-монголы в большом количестве приняли его, так что после этого ислам стал отождествляться с именем “татарин”. Благодаря настоящим татарам-колонистам и торговцам оживилось начавшееся еще до пришествия татаро-монголов дело распространения ислама в пределах бывшей Великой Болгарии. Случилось так, что и здесь, в сменившем Болгарское Казанском царстве, исповедников этой религии начали называть просто “татарами”, невзирая на народность самих исповедников ее. Впоследствии русские власти не постарались разобраться в понятии “татарин” и официально закрепили наименование “татары” за инородцами-мухаммеданами, хотя последние и не были татарами в смысле племенном. По метрическим книгам церковей Казанской епархии можно доказать с достоверностью, что к западу от реки Свияги не было татар совсем, а в настоящее время числится значительное количество татар к западу от Свияги, в Свияжском, Цивильском, Чебоксарском и Тетюшском уездах. Оказывается, все это чувашаи, переименованные в татары по принятии ими или отступлении их в ислам. Перед покорением Казани много чувашей жило вблизи Казани, главным образом в Арском округе. Впоследствии здесь не осталось ни одного чувашенина». Таким образом, полагает автор, с чувашами приходится отождествлять не только господствовавший в Волжской Болгарии народ, но и самих казанских татар. «Скажут: как же в таком случае язык татарский отличается от чувашского? На это нужно сказать, что казанско-татарский язык, имея много общего с чувашским, отличается от настоящего татарского наречия, каковым следует

считать наречие кавказских и сибирских татар. Очевидно, наречие казанских татар образовано в Казанском царстве от настоящего татарского наречия, которое было принято в употребление чувашами и другими обитателями бывшего Болгарского царства, обращенными в мусульманство, и которое, естественно, подверглось изменению. Эти обстоятельства не оставляют сомнения в том, что чувашаи имеют почти исключительное право на то, чтобы считаться потомками того народа, который играл важнейшую роль в [Волжско-Камской] Болгарии» [Комиссаров 1911: 319–321].

Концепт Г.И. Комиссарова о версии этногенеза чувашей предельно ясен. А по существу проблематики Гурий Иванович всего-навсего использовал уже известные в научном мире постулаты. Будучи членом-корреспондентом Общества археологии, истории и этнографии (ОАИЭ) при Казанском императорском университете, начинающий ученый-компаративист был знаком с трудами не только «собственно чувашских» исследователей, например, Н.И. Золотницкого, В.К. Магницкого, Н.И. Ашмарина, Н.В. Никольского и «примкнувшего» к ним Н.И. Ильминского (идейного вдохновителя разработчиков чувашского алфавита на основе кириллицы И.Я. Яковлева, В.А. Белилина, С.Н. Тимрясова, А.В. Рекеева), но и других ученых, например, профессоров казанских вузов И.Н. Смирнова, Н.Ф. Катанова (руководителя его дипломной работы), И.В. Износкова, П.И. Кротова, Н.Н. Фирсова, К.В. Харламповича и др., абсолютное большинство которых придерживались болгарской теории происхождения чувашей.

С 1913 г., после защиты диссертации на соискание ученой степени кандидата богословия, вплоть до Февральской революции Гурий Иванович работал помощником инспектора Уфимской духовной семинарии и учителем словесности во 2-й уфимской (частной) гимназии. В этот период он написал несколько статей по истории православия в контексте миссионерского просвещения чувашей. Весной 1917 г. по его инициативе создается Уфимское чувашское общество, где он проявляет себя как блестящий организатор и публицист, являясь внештатным автором возрожденной чувашской газеты «Хыпар» («Весть» (Казань)) и уфимской периодики.

Одновременно Гурий Иванович начинает писать книгу об истории чувашского народа. Как в 1911 г. «Чуваши Казанского Заволжья» вызвали настоящий фурор среди читающей публики, в особенности среди молодой чувашской интеллигенции, упорно и настойчиво ищущей свои корни в дебрях этнической истории Среднего Поволжья, так и его второй по значимости труд, притом на чувашском языке, «История чувашского народа», выпущенный с небывалым для тех времен тиражом в 10 000 экземпляров [Комиссаров 1921] и разошедшийся в считанные месяцы, стал настоящим бестселлером в 1920-е гг.

Возникает закономерный вопрос: а что случилось дальше? Ответ прост: в 1930 г. идеологи Чувашской ассоциации пролетарских писателей окончательно и бесповоротно включили *Вандера* (литературный псевдоним ученого как прозаика, поэта, драматурга, критика и литературоведа) в группу чувашских буржуазно-кулацких писателей, а... *Комиссарова* – в число национал-шовинистических литераторов [Кели 1930: 21]. По какой причине фамилию и псевдоним автор статьи решил «развести», нам неизвестно. И не разберешься, который из них – Вандер или Комиссаров – был опаснее и вреднее для укоренившегося в совет-

ской культуре метода социалистического реализма. Но определение «идеологических пристрастий» Гурия Ивановича имело далеко идущие последствия, поскольку такие судьбоносные для чувашских писателей ярлыки не могли появляться без согласования с агитпропом. Последняя его публикация, сделанная в Чувашии, – статья в журнале «Халăха вĕрентес ёс» («Народное образование») в 1930 г. [Комиссар: 1930].

Однако еще до этих печальных событий в Чебоксарах, столице Чувашской АССР, усилиями историков, занимавших в культурно-просветительной сфере руководящие посты, начинается процесс отстранения Г.И. Комиссарова от научной деятельности. В первую очередь – в области истории чувашей. Подоплеку этого *casus belli* спустя годы (25 марта 1958 г.) раскрывает сам Гурий Иванович в письме к ученому секретарю Чувашского научно-исследовательского института языка, литературы, истории (ныне – НА ЧГИГН) В.Д. Дмитриеву: «Труд “Чăваш халăхĕн историйĕ” в 3-х книгах не окончил потому, что работу эту отбил у меня покойный М.П. Петров» [НА ЧГИГН: У: 33].

Считаем необходимым уделить отдельное внимание книге «История чувашского народа» [Комиссаров 1921]. В выражении «работу отбил у меня покойный М.П. Петров» ключевое слово, безусловно, «отбил». В письменных источниках мы пока еще не нашли свидетельств, проливающих свет на непростые взаимоотношения М.П. Петрова (Тинехпи) и Г.И. Комиссарова, но косвенные подтверждения имеются.

Если работы «Чуваши и болгары» Н.И. Ашмарина или «Краткий конспект по этнографии чуваш» Н.В. Никольского пользовались особенно широкой популярностью в среде научной и церковной интеллигенции, то написанный доходчивым, простым языком, тем более на чувашском, труд «История чувашского народа» Г.И. Комиссарова стал, как мы выше уже говорили, настоящим бестселлером среди грамотных чувашей. В предисловии к нему автор отмечает: «О древней жизни чувашей можно найти некоторые сведения на русском языке, однако до сих не было книги под названием “История чувашей”. Энтри Турхан в прошлом году (1917) в газете “Хыпар” опубликовал на чувашском языке очерк под названием “История чувашей”. Но автор не сумел написать подлинную историю: рассказал только о народах, от кого якобы произошли наши предки. Следовательно, нужно отметить: у нас нет на чувашском языке книг, повествующих о нашем народе» [Комиссаров 2020: 294].

Читатели, разумеется, ждали продолжения книги, так как автор остановился, как говорится, на самом интересном месте. Но чаяниям любителей истории не суждено было сбыться. Поскольку Г.И. Комиссаров до 1926 г. работал в Уфе, с 1926 по 1931 гг. – в Казани, в Чувашской АССР он не был «вхож» в высокие кабинеты и по этой немаловажной причине никак не мог добиться включения в тематические планы Чувашгосиздата выпуска второй части своей «Истории...». В «Послесловии» к первой книге автор пишет: «Итак, в середине XV в. заканчивается история родоначальников чувашей, начинается история современных чувашей. В дальнейшем мы расскажем историю народа под истинным названием “чăваш (чуваш)”» [Комиссаров 2020: 408].

До Гурия Ивановича, конечно же, доводили информацию о происходившем. Складывается впечатление, что М.П. Петров (Тинехпи) умышленно не привлекал

(скорее всего, убеждал в этом и своих коллег) Г.И. Комиссарова, автора популярнейшей монографии по истории чувашей, даже к обсуждению вопросов об этногенезе чувашского народа. 26 февраля 1925 г. на заседании II сессии Чувашского облисполкома V созыва, а вскоре и 15 марта на заседании Общества изучения местного края (ОИМК) ЧАО М.П. Петров (Тинехпи) прочитал доклад на тему «О происхождении чувашского народа», который в том же году вышел в виде отдельной книги в Чебоксарах. Михаил Петрович в 1922–1926 гг. работал ученым секретарем Чувашгосиздата, и он, вне всякого сомнения, имел решающее слово при утверждении темпланов. В своем же докладе он ни разу не упоминает вышеназванный труд Гурия Ивановича. Такое игнорирование Г.И. Комиссарова как историка привело к тому, что его фамилии не оказалось и среди тех, кому ОИМК направило письма-отношения с просьбой «Высказать Ваше мнение – происходят ли чувашаи действительно от Камских булгар?» Адресатами были академик Н.Я. Марр (Ленинград, ГАИМК), профессора А.М. Селищев (Москва, МГУ), Н.И. Ашмарин (Баку, Азербайджанский университет), Н.В. Никольский (Казань, ВПИ), В.Ф. Смолин (Казань) [ГИА: 333: 1: 4].

М.П. Петров на словах высоко оценивал работу Г.И. Комиссарова: *«Чăваш историкĕсенчен пĕр Г.И. Комиссаров сĕç чăн авалхи чăвашсенĕн чăн авалхи историйĕ çинчен пĕр кĕнеке сырса кăларнă. Вăл кĕнекене вулама-итлеме илемлĕ чĕлхене сырнă, унта чăвашн чăн аваллăхне хытă йĕрлесе çурени курăнать. Анчах унăн пĕр кăлтăк пур: чăвашем пăлхарсенчен пулни çине иккĕленерех пăхни тата чăвашсенĕн аслашиĕсем печенекенсем пулнă тени. Ку пĕртте тĕрĕс пулман. Ана халĕ пурте пĕлесçĕи»* ‘Из чувашских историков лишь один Г.И. Комиссаров выпустил одну книгу о древнейшей истории поистине древнего чувашского народа. Эта книга изложена прекрасным языком, приятным для чтения и слушания, в ней глубоко прослеживается древность чувашей. Но в ней имеется один недостаток: скептическое отношение [автора] к болгарскому происхождению чувашей и утверждение о том, что предками чувашей были печенеги. И это совершенно неверно. Об этом теперь все знают’ [Тинехпи 1928: 24].

Михаил Петрович здесь явно ошибается. И не только. На наш взгляд, он умышленно вводит читателей в заблуждение. Ровно наоборот: Г.И. Комиссаров именно в этом труде, первом из фундаментальных исследований по истории чувашей, *рьяно отстаивает болгарское происхождение чувашского народа*. Как и в очерке «Чуваши Казанского Заволжья», «печенегский вопрос» он рассматривает лишь как одну из версий – наряду с кратким анализом истории многочисленных племен, рядом с которыми либо в союзах с ними когда-то обитали предки чувашей, например, готов, гуннов, аланов, аваров, хазар, хузов, мадьяр, торков, куманов, буртасов, татар, скифов и пр. Вот что он пишет о печенегах: «История не оставила нам книг и других источников, повествующих о том, на каком языке разговаривали печенеги (пѣченек) и торки. Однако ученым давно известно: печенеги и торки – родственные народы, куманы также им родня. Какой язык употребляли куманы, теперь знаем и мы. Итальянский поэт Петрарка оставил записи со словами куманов, он их перевел на латинский (римский) язык; <...> язык, использованный для написания данной книги, схож с языком сибирских татар, турецким языком и языком казанских татар, сходства с чувашским не обнаруживается. Следовательно, куманы не были чувашами. Если печенеги и торки

находились в родстве с куманами, то приблизить чувашей к ним нельзя, значит, *мы не можем сказать, что чувашаи в древности назывались “печенегами”* (курсив наш – прим. авт.) или “торками”» [Комиссаров 2020: 327]. Далее ученый сравнивает современных чувашей с волжско-камскими болгарами.

И именно болгарам (и камско-волжским, и дунайским) Г.И. Комиссаров посвящает подавляющую часть своего исследования, тем самым являя себя приверженцем (добавили бы даже апологетом) теории болгаро-чувашской языковой и этнической преемственности. Вот что он пишет об эпитафиях на средневековых надгробиях болгар: «Эти болгарские слова почти тождественны чувашским. Некоторые из них немного отличаются от чувашских эквивалентов, но это никак не противоречит версии о том, что *древние болгары разговаривали на чувашском языке* (курсив наш – прим. авт.), потому что ни один язык не стоит на месте, все они постоянно меняются. Со времени написания надгробных эпитафий прошло 600–700 лет. За этот период, безусловно, чувашский язык заметно трансформировался. <...> Таким образом, чувашаи – потомки волжских болгар, историки именно чувашей именовали “пӑлхар”; по сравнению с обитавшими в Поволжье другими племенами болгары более всего примыкают к чувашам. Поэтому мы болгар можем называть “предками чувашей”. Эту гипотезу принимают русские ученые В.Н. Татищев, В.[В.] Радлов, Н.И. Ильминский, А.[А.] Куник, [А.И.] Артемьев, И.Н. Смирнов, Н.И. Ашмарин, Н.Н. Фирсов, Н.В. Никольский и др. Гипотезу о болгарском происхождении чувашского народа в своей книге “Болгары и чувашаи” доказательно обосновал Н.И. Ашмарин. <...> С приходом татар огромное число болгаро-чувашей погибло в нескончаемых войнах» [Комиссаров 2020: 335–336]. Историк утверждает, что чувашский народ, кроме болгарского, содержит в себе компоненты буртасского, эрзянского, мишарского, черемисского, вотякского народов. «А компонент чувашского (болгарского) народа больше всего сохранился в казанских татарах, определенную долю занимает в русском, черемисском, вотякском народах. Поэтому к истории чувашей в полной мере мы можем добавить историю волжских болгар. *Начало истории чувашского народа станет началом истории болгарского народа*» (курсив наш – прим. авт.) [Комиссаров 2020: 338]; «в конечном итоге земледельческий образ жизни, то, что наши предки не поддались влиянию мулл, не забыли наш коренной болгарский язык, соблюдали старые обычаи, придерживались традиций, все это спасло чувашский народ от гибели. Поэтому мы не должны гордиться знатными и богатыми, вельможными магометанами-болгарами, а должны и обязаны преклоняться перед деревенскими землепашцами-болгарами, истинными нашими соплеменниками» [Комиссаров 2020: 410]. Этими на первый взгляд высокопарными словами автор завершает первую часть «Истории чувашского народа».

А где же продолжение? В письме от 21 февраля 1968 г. к научному сотруднику ЧНИИ (ныне ЧГИГН) Е.С. Сидоровой, поблагодарив институт за приобретение его рукописного фонда, Гурий Иванович замечает: «Имущества этого было бы в несколько раз больше, если бы мое архивное имущество не подвергалось 5-кратному разгрому в годы разрухи и войны...» [НА ЧГИГН I: 505:8]. Навсегда была утеряна и готовая к печати рукопись второй книги «Истории чувашского народа».

В своих рукописных трудах, таких как «Краткий очерк развития народного образования среди чуваш в дооктябрьский период» [НА ЧГИГН I: 496: 1–73],

«История чувашской письменности и литературы» (1), «История чувашской письменности и литературы» [Комиссаров (Вандер) 2023], Г.И. Комиссаров также непоколебимо выступает как болгарист. Обращаясь к вопросам образования (просвещения) чувашей в далеком прошлом, исследователь констатирует: «Распространялось ли болгарское образование на тогдашних предков чувашей? Да, распространялось, потому что чувашаи и были болгарским племенем, были неотделимы от болгарского народа, язык и бытовые особенности болгар вообще были похожи на язык и другие особенности чувашей. Только принявшие мусульманскую религию предки чувашей (преимущественно жители городов), подпавшие под иноземное влияние (арабское, позднее – монголо-татарское), изменив одежду и язык свой, превратились в особый народ – в волжских или казанских татар» [НА ЧГИГН I: 496: 5].

Таким образом, М.П. Петров (Тинехпи)⁸ зря и совершенно несправедливо подвергал критике Г.И. Комиссарова за его якобы «приверженность в печенегскому происхождению чувашей». К сожалению, эта заведомо ложная константа не была исправлена историком В.Д. Дмитриевым в обширной статье о жизни и деятельности М.П. Петрова (Тинехпи) [Дмитриев 1990], он лишь ограничился приведением известной нам цитаты Михаила Петровича о «печенегской версии» Г.И. Комиссарова. Между тем Василий Дмитриевич, как правило, всегда трепетно относился к всевозможным ярлыкам по отношению к той или иной исторической персоне. Здесь как-то не сложилось...

Е.П. Погодин считает Г.И. Комиссарова «основоположником чувашского философско-исторического миропонимания», который в книге «История чувашского народа» «охарактеризовал болгарский и золотоордынский периоды истории чувашей» [Погодин 1999: 71]. Однако приходится с сожалением констатировать, что и мировоззрение, и научные принципы историка Г.И. Комиссарова, и его монография «История чувашского народа», хотя она была трижды переиздана в постсоветское время, и его рукописные сочинения до сих пор остаются вне объективного анализа чувашских историков.

Выводы

Таким образом, в своих исследованиях Г.И. Комиссаров последовательно выступает как приверженец теории болгарского происхождения чувашского народа. Если в первой своей научной работе – историко-этнографическом очерке «Чуваши Казанского Заволжья» – им данной проблеме уделено не так много места, то в первой в науке систематизированной работе по истории чувашей он представил четко выверенную концепцию этногенеза, взяв за основу труды известных историков, этнографов, тюркологов В.Н. Татищева, В.В. Радлова, Н.И. Ильминского, А.А. Куника, А.И. Артемьева, И.Н. Смирнова, Н.И. Ашмарина, Н.Н. Фирсова, Н.В. Никольского и др. Монография Г.И. Комиссарова «Исто-

⁸ Литературовед Ю.В. Яковлев один из разделов своей работы назвал «М.П. Петров-Тинехпи как иезуит» и рассуждает, что «на бытовом уровне это слово обозначает изощренную хитрость, коварство, интриганство» – Яковлев Ю.В. Чувашский мир. Личное мнение // URL//<https://Chuvash.Org> (02.06.2024).

рия чувашского народа», написанная на чувашском языке, в 1920-е гг. считавшаяся настольной книгой начинающих историков и любителей древности, в дальнейшем оказалась в «спецхране». В постсоветский период это сочинение выдержало несколько переизданий. В настоящее время чувашские историки и этнографы занимаются подготовкой и выпуском пятитомного собрания сочинений Г.И. Комиссарова.

Литература и источники

- ГИА ЧР – Государственный архив Чувашской Республики. Ф. 333. Оп. 1. Д. 4. {State Archive of the Chuvash Republic. Fund 333. Inventory 1. Case 4.}
- Димитриев 1990 – *Димитриев В.Д.* М.П. Петров: жизнь и научная деятельность // Историко-этнографические исследования в Чувашской АССР. Сб. статей. – Чебоксары: ЧНИИЯЛИЭ, 1990. – С. 3–33. {*V.D. Dimitriyev.* M.P. Petrov: Life and Scholarly Activity // Historical and Ethnographic Studies in the Chuvash Autonomous Soviet Socialist Republic: collection of articles. – Cheboksary: ChRILLHE (Chuvash Research Institute of Language, Literature, History, and Economics), 1990. – Pp. 3–33.}
- Каховский 2017 – *Каховский В.Ф.* Происхождение чувашского народа. 4-е изд., перераб. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2017 – 464 с. {*V.F. Kakhovskiy.* Origin of the Chuvash People. 4th edition, revised. – Cheboksary: Chuvash Book Publishing House, 2017 – 464 p.}
- Комиссаров (Вандер) 2023 – *Комиссаров (Вандер) Г.И.* История чувашской письменности и литературы (1) // Собрание сочинений: в 5 т. Т. I. – Чебоксары: «Типография 7», 2023. – С. 377–432. {*G.I. Komissarov (Vander).* History of Chuvash Writing and Literature (1) // Collected works: in 5 vol. Vol I. – Cheboksary: “Typography 7”, 2023. – Pp. 377–432.}
- Комиссаров (Вандер) 2023 – *Комиссаров (Вандер) Г.И.* История чувашской письменности и литературы // Собрание сочинений: в 5 т. Т. I. – Чебоксары: «Типография 7», 2023. – С. 433–521. {*G.I. Komissarov (Vander).* History of Chuvash Writing and Literature // Collected works: in 5 vol. Vol I. – Cheboksary: “Typography 7”, 2023. – Pp. 433–521.}
- Комиссаров 2020 – *Комиссаров Г.И.* История чувашского народа. Пер. на русс. яз. А.П. Леонтьева // Г.И. Комиссаров (Вандер). Избранные сочинения. Кн. вторая. – Чебоксары: «Новое время», 2020. – С. 293–410. {*G.I. Komissarov.* History of the Chuvash people. Translation into Russian by A.P. Leonti(y)ev // G.I. Komissarov (Vander). Selected works. Book two. – Cheboksary: “the New Time”, 2020. – Pp. 293–410.}
- Комиссаров 1911 – *Комиссаров Г.И.* Чуваша Казанского Заволжья // Известия ОАИЭ. – Т. XXVII. – Вып. 35. – Казань: Типо-литография Казан. импер. ун-та, 1911. – С. 311–432. {*G.I. Komissarov.* Chuvash of the Kazan Trans-Volga Region // News of the Society of Archeology, History, and Ethnography. – Vol. XXVII. – Iss. 35. – Kazan: Typo-lithography of the Kazan Imperial University, 1911. – Pp. 311–432.}
- НА ЧГИГН – Научный архив чувашского государственного института гуманитарных наук. – Отд. I. Ед. хр. 496; 505; отд. V. Ед. хр. 76. {Scientific Archive of the Chuvash State Institute of Humanities. – Archive I. Storing unite 496; 505; Archive V. Storing unite 76.}
- Погодин 1999 – *Погодин Е.П.* Об историзме в изучении истории чувашского народа // Проблемы национального в развитии чувашского народа: сб. статей. – Чебоксары: Чуваш. гос. ин-т гуманитар. наук, 1999. – С. 71–87. {*Ye.P. Pogodin.* On Historicism in the Study of the History of the Chuvash People // National problems in the Development of the Chuvash People: a collection of articles. – Cheboksary: Chuvash State Institute of Humanities, 1999. – Pp. 71–87.}
- Кели 1930 – *Кели.* Чăваш пролеттари писатĕлĕсен IV сĕсĕн историри вырăнĕ // Сунтал. – 1930. – 9 №. – С. 21–26. [*Кели.* Место в истории IV съезда чувашских пролетарских писателей // Сунтал [Наковальня]. – 1930. – № 9. – С. 21–26.] [*Keli.* Place in the History of the 4th Congress of Chuvash Proletarian Writers // Suntal. – 1930. – No. 9. – Pp. 21–26.}
- Комиссар 1930 – *Комиссар Курийĕ.* Библиография // Халăха вĕрентес ĕс. – 1930. – 7–8 № – Июль–август. – С. 39–43. [*Комиссаров Гурий.* Библиография // Народное образование. – 1930. – № 7–8.

– С. 39–43.] {*Komissar, Kuriyë* [*Komissarov, Guriy*]. Bibliography // Public Education. – 1930. – No. 7–8. – Рр. 39–43.}

Комиссаров 1921 – *Комиссаров Г.И.* Чăваш халăхĕн историйĕ (История чувашского народа). На чувашском языке. – Казань: Чуваш. отделение гос. изд-ва, Казан. подотделение, 1921. – 111 с. [*Комиссаров Г.И.* История чувашского народа. На чувашском языке. – Казань: Чуваш. отделение гос. изд-ва, Казан. подотделение, 1921. – 111 с.] {*G.I. Komissarov.* History of the Chuvash People. In the Chuvash Language. – Kazan: Chuvash Branch of the State Publishing House, Kazan subdivision, 1921. – 111 p.}

Тинехпи 1928 – *Тинехпи Петър Михали.* Чăваш историйĕ сĕнчен. Кĕскен каласа кăтартни. Малтанхи пайĕ. Ч. 1. – Шупашкар: Чăваш кĕнеки уйрăмĕ, 1928 – 121 с. [*Тинехпи П.М.* О чувашской истории. Часть 1. – Чебоксары: Отдел чувашской книги, 1928. – 121 с.] {*P.M. Tinekhpi.* About Chuvash History. Part 1. – Cheboksary: Department of Chuvash Books, 1928. – 121 p.}

Published in the Russian Federation.

Russian Turkology (Previous Name: *Soviet Turkology*, was founded in 1970)

Has been issued as *Russian Turkology* since 2009; ISSN: 2079-9160; E-ISSN: 2712-8121
2025. № 1–2 (46–47), pp. 98–107. Journal homepage: <http://rostrurcology.ru/>

УДК/UDC: 8.821

DOI 10.37892/2712-8121-2025-46-47-98-107

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ФОЛЬКЛОР

ОБРАЗЫ ДАГЕСТАНЦЕВ В ТУРЕЦКОЙ МЕМУАРИСТИКЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

*Ахмед Магомедович Муртазалиев*¹

¹ Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы
Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, г. Махачкала, Россия
доктор филологических наук, заведующий отделом литературы
и Центром по изучению литературного наследия поэта Расула Гамзатова
ORCID: 0009-0005-6210-6948.
E-mail: ahmurt@mail.ru

© ИЯз РАН, 2025

© Муртазалиев А.М., 2025

Аннотация. Статья посвящена анализу репрезентации образов дагестанцев в турецкой мемуаристике второй половины XIX–начала XX века. Исследование построено на материале мемуарного сочинения писателя и историка Мехмеда Ариф-бея «Пережитое нами» («*Vaşımıza Gelenler*»), в котором дагестанский материал является одним из сюжето-образующих элементов. Данный источник практически неизвестен дагестанским (российским) исследователям, хотя именно произведения турецких авторов содержат интересный материал, посвященный дагестанской тематике. В эпоху больших исторических событий, какой была русско-турецкая война 1877–1878 гг., дагестанская тема была весьма актуальна для геополитики Османского государства, и связанная с ней проблематика находила отражение в турецкой литературе, особенно в мемуаристике. В статье особый акцент сделан на авторских оценках, характеристике образов героев, их поведенческих мотивов, личных и профессиональных качеств в условиях военного времени. Результаты проведенной работы позволили прийти к выводу, что в последней четверти XIX века начался процесс освоения турецкой мемуаристикой образов дагестанцев, как представителей нового социума османского общества, ставшего составной частью его исторического процесса.

Ключевые слова: Мехмед Ариф-бей, мемуаристика, русско-турецкая война, рецепция, дагестанская тема, Турция.

Для цитирования: Муртазалиев А.М. Образы дагестанцев в турецкой мемуаристике второй половины XIX – начала XX века // Российская тюркология. 2025. № 1–2 (45–46). С. 98–107. DOI 10.37892/2712-8121-2025-46-47-98-107.

Images of Dagestani people in Turkish memoirs of the late 19th and early 20th century

*Akhmed Magomedovich Murtazaliyev*¹

¹ G. Tsadasa Institute of Language, Literature and Art of the Daghestan Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala, Russia
Dr. Habil. in Philology, Head of the Department of Literature and the Center for the Study of the Literary Heritage of the poet Rasul Gamzatov
ORCID: 0009-0005-6210-6948.
E-mail: ahmurt@mail.ru

© IL RAS, 2025

© Murtazaliyev, A.M., 2025

Annotation: This article analyzes the representation of Dagestani protagonists in Turkish memoirs of the second half of the 19th and early 20th centuries. The study is based on the memoir *Our Experiences* ("Başımıza Gelenler") by writer and historian Mehmed Arif Bey, in which Dagestani data plays a key role. This source is virtually unknown to Dagestani (and, more broadly, Russian) researchers, although the works of Turkish authors contain interesting sources on Dagestani topics. During a period of major historical events such as the Russo-Turkish War of 1877–1878, the Dagestani theme was highly relevant to the geopolitics of the Ottoman Empire, and related issues were reflected in Turkish literature, particularly in memoirs. The paper focuses particularly on the author's evaluations and the characterization of the heroes; it details their behavioral motivations, alongside their personal and professional traits in the context of wartime. The findings of the study led to the conclusion that the last quarter of the 19th century saw the beginning of a process in Turkish memoir writing that explored Dagestanis as representatives of a new social group within Ottoman society, becoming an integral part of its historical development.

Key words: Mehmed Arif Bey, memoirs, Russo-Turkish War, reception, Dagestan theme, Türkiye/Turkey.

For citation: *Murtazaliyev, A.M.* Images of Dagestani people in Turkish memoirs of the late 19th and early 20th century // Russian Turkology. 2025. No. 1–2 (45–46). Pp. 98–107. DOI 10.37892/2712-8121-2025-46-47-98-107.

Введение

Одной из актуальных проблем современной компаративистики является категория «другой», «не-я», выражающийся в представлении об ином народе, культуре, менталитете, языке в литературе другого народа. Рецепция одной культурой другой детерминирует представление о чужом народе, регионе, стране, что в свою очередь постепенно складывается в определенный образ. «Национальные образы, идентичность и этнические стереотипы в современном мире входят в орбиту наиболее актуальных межкультурных и междисциплинарных вопросов» [Рябчикова 2018: 52].

Цель данного исследования – выявление особенностей рецепции образов дагестанцев турецкой мемуаристикой на материале биографического произведения писателя и историка Мехмеда Ариф-бея (1845–1897) «Пережитое нами» ("Başımıza Gelenler") [Mehmed Arif Bey 2006]. В его основу легли воспоминания автора о событиях, происходивших на востоке Турции в период русско-турецкой войны 1877–1878 годов. Произведение Мехмеда Ариф-бея практически неизвестно

российскому читателю, и потому тема, заявленная в данной статье, никогда не была объектом специального изучения ни отечественного, ни турецкого литературоведения, что обуславливает актуальность и новизну данного исследования.

Освоение дагестанской тематики турецкой литературой связано с именем средневекового османского путешественника Эвлия Челеби (1611–1682), который впервые в своих вояжных записях подробно описал своеобразие хозяйственного и бытового уклада, языка и культуры, традиций и вероисповеданий отдельных народов приморского Дагестана. Традиции, заложенные Эвлия Челеби, дальнейшее развитие получили в турецкой мемуристике последующих поколений. В частности, дагестанская тематика широко представлена в биографических сочинениях Мурад-бея Мизанджи (1854–1917) [Mizancı 1994].

Автор книги «Пережитое нами» Мехмед Ариф-бей родился в г. Эрзурум, в семье полковника артиллерии Хаджи Омар-бея. После получения образования в своем городе он избрал профессию юриста, работал в различных учреждениях, был прокурором, судьей и инспектором в гг. Эрзурум, Стамбул и Кастамону. В 1874 году Мехмед Ариф-бей по приглашению командующего 4-й армией генерала Гази Ахмеда Мухтара-паши стал его личным секретарем и начальником канцелярии. Во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. генерал Ахмед Мухтар-паша был назначен командующим Кавказским фронтом, и Ариф-бей все девять месяцев, что шла война, находился рядом с ним в гуще военных событий.

После войны Гази Ахмед Мухтар-паша был назначен чрезвычайным комиссаром в Египет (1882–1908). Сюда же вместе с ним переехал и Мехмед Ариф-бей, где он приступил к написанию своих воспоминаний. В предисловии к книге автор пишет, что вначале он намеревался дать ей название «История анатолийской войны». Но так как ее содержанием стало все то, что он увидел, почувствовал, пережил, название было изменено на «Пережитое нами».

Мехмед Ариф-бей считал себя обязанным рассказать об исторических событиях, свидетелем и участником которых ему пришлось быть. Именно это и было основным мотивом, побудившим его взяться за написание воспоминаний и издать их отдельной книгой. Вначале автор мыслил кратко описать свои приключения на войне, но тема оказалась настолько масштабной, многоаспектной и насыщенной, что в итоге биографический нарратив Мехмеда Ариф-бея вылился в трагическую историю Кавказского фронта русско-турецкой войны 1877–1878 годов.

Созданный на османском языке труд Мехмеда Ариф-бея не был издан при его жизни. Лишь после смерти писателя, усилиями его сыновей Нажмудина и Джелалудина [İslam Ansiklopedisi: 443] мемуары «Пережитое нами» увидели свет сначала в Каире (1903), а затем в Стамбуле (1910). В современной Турции биографическое сочинение Мехмеда Ариф-бея, переведенное на современный турецкий язык и тщательно отредактированное литературоведом М. Эртугрулом Дюздагом, впервые было издано в 1972 году.

Обсуждение и результаты

«Пережитое нами» – это целая эпопея, охватывающая значительное количество событий и состоящая из 26 глав и 758 страниц. При этом к достоинствам произведения можно отнести строгое соответствие исторической правде, факто-

графичность, хроникальность повествования, особенности развития сюжетных линий, наличие большого количества действующих лиц и пр.

Мемуары Мехмеда Ариф-бея основаны на воспоминаниях автора о событиях, которые он пережил или был их свидетелем, на результатах анализа достоверных документальных источников, а также сведениях, ставших известными ему из содержания официальных и военных документов, проходивших через его руки как личного секретаря командующего Восточным фронтом.

В книге «Пережитое нами» нашли отражение исторические события и факты, судьбы разных народов и личностей, стран и регионов, городов и сельских населенных пунктов. Во всей этой полифонии активно присутствует голос автора, его индивидуальные оценки и пристрастия.

Итоги русско-турецкой войны 1877–1878 годов для Османской империи оказались весьма плачевными, если не сказать трагическими. О них в одной из рецензий на книгу Мехмеда Ариф-бея читаем: «Величайшей катастрофой, пережитой Османской империей, была османско-русская война 1877–1878 годов, также известная как Война 93 года¹. Основными причинами этой катастрофы, в результате которой империя потеряла много территорий, были нехватка обмундирования, питания, вооружения, а также болезни и другие проблемы, которые часто игнорируются и остаются в тени. Наиболее острая из них – это некомпетентность большинства высших офицеров в командовании войсками в боевой обстановке. Однако, чтобы извлечь уроки из прошлого и формировать будущее, как того требует историческая наука, в первую очередь, нужно говорить о людях, а не о нехватке материалов, вооружения и пр. Главный секретарь Мехмед Ариф-бей, родившийся в Эрзуруме в 1845 году, провел ценное исследование, затронув эту тему в своей биографической книге “Пережитое нами”» [Karabayır 2018].

Элементом сложного сюжетно-тематического единства полифонического произведения Мехмеда Ариф-бея является тема дагестанцев. Одно лишь название «Дагестан» встречается в нем семь раз, не говоря о других мотивах и образах, связанных с этим именем. Еще в начале книги, в «Предисловии», в котором приводятся краткие воспоминания известных исторических лиц об авторе, называется и имя дагестанца Мурад-бея Мизанджи (Гаджимурад Амиров). Выходец из селения Урахи Даргинского округа, эмигрировавший из России в 1873 году, он стал впоследствии одним из видных общественно-политических, научно-педагогических деятелей и литераторов Османской империи последней четверти XIX – начала XX века. В своих воспоминаниях «Национальная борьба. Эпохи эмиграции и возвращения» («Mücadele-i Milliye. Gurbet ve Avdet Devirleri») [Mizancı 1994] Мурад-бей дал лестную оценку автору «Пережитое нами» и одному из его сыновей, доктору Хасану Ариффу: «Если говорить о людях, которых я должен был тотчас же записать в свою тетрадь, то это были доктор Исмаил Ибрагим-эфенди, доктор Хасан Ариф-бей, Решад-бей, фармацевт Мустафа-эфенди... Доктор Хасан Ариф-бей, сын Ариф-бея, главного секретаря Гази Ахмеда Мухтара-паши. До медицинского он учился у меня в Школе гражданских чиновников, преданный родине, острослов, полный, любящий поговорить молодой человек...

¹ В Турции известна как *Война 93-го года* (тур. 93 Harbi), поскольку велась в 1293 году от хиджры.

Кроме этих личностей, принявших участие в моих усилиях, чтобы стать членом Общества², я встречался и с другими лицами. И воспользовался их услугами. Среди тех, кто заслуживал, чтобы я склонил перед ним голову, был Ариф-бей. Это был человек большого сердца, мыслящий, очень любящий свою родину» [Mizancı 1994: 108–109].

Дагестанская тема в повествовании реализована в небольших эпизодах, рассказах, авторских комментариях через образы отдельных личностей, из которых лишь двое названы по именам: генерал Газимухамад Шамиль и майор Мехмед-бей (Мухамад-Фазиль Дагестанлы. – А. М.). Отрывочные, эпизодические сведения об этих и других персонажах второго плана, дают читателю возможность иметь о них лишь поверхностное, фрагментарное представление как о личностях инопатрионального происхождения, воюющих на стороне османских войск.

Обратимся к небольшому рассказу «Дагестанские всадники»: «Через полчаса с правой стороны расположения врага показалась группа всадников, идущая в нашу сторону. Внимание каждого из нас было приковано к ним. Всадники подъехали. Мы были довольны, когда поняли, что эта группа дагестанских мухаджиров, расположившаяся в окрестных селах, прибыла к нам для службы в султанской армии. У них мы расспросили о расположении врага, о его передвижении. Мы узнали, что они еще ночью ушли назад» [Mehmed Arif Bey 2006: 185].

Несмотря на скудность информации, которая содержится в приведенном эпизоде, он проливает свет на малоизвестный факт из истории дагестанской эмиграции. Оказывается, на начальном этапе переселения в Османскую империю часть дагестанцев расселялась в селах, расположенных на востоке страны, в частности в Карской области. История села Исламсор – первого дагестанского поселения, возникшего здесь в середине 1860-х годов, тому пример.

Также выясняется, что дагестанцы, не успевшие еще как следует обосноваться на новом месте, руководствуясь желанием служить в султанской армии, принимали активное участие в военных событиях на востоке Турции. И, как известно из истории, самым известным дагестанцем, участником русско-турецкой войны 1877–1878 годов на стороне Османской империи был сын имама Шамиля, дивизионный генерал Газимухаммад, командовавший кавалеристским соединением, состоявшим в основном из представителей дагестанских народов.

Если говорить о мотивах, которыми дагестанцы руководствовались, поступая на службу к турецкому султану, то они, в общем-то, известны. Основными из них были: религиозный фактор, антирусские, антихристианские настроения – в памяти мухаджиров еще были свежи трагические события, связанные с многолетней Кавказской войной, с потерей свободы, независимости. А также утверждение на территории Дагестана правления русского, христианского большинства. В дагестанском обществе бытовало мнение, что нельзя воевать с турецким падишахом, олицетворявшим духовного главу – имама всех мусульман, в том числе и Дагестана. Вот что об этом говорится в одной из русских публикаций 60-х годов XIX века: «У всех горцев султан или хункар (последний титул чаще употребляется) пользуется особым уважением и почетом. Вот как он описывается в одной горской рукописи: “Он лев высокой власти, солнце высокого правительства,

² Общество – здесь речь идет об обществе младотурок.

покровитель беспомощных, убежище притесненных и несчастных. Он осыпан высокими качествами достоинства и доблестей. Он рукоятка всех ищущих спасения и защиты, спаситель погибающих, купол ислама, опора народов, успокоитель стран и городов, исполнитель целей и желаний людей благочестивых, сламывающий шею грешников и повергающий к земле головы гордецов и притеснителей» [Сборник сведений о кавказских горцах 1869: 44].

Серьезным мотивом для перехода дагестанцев на сторону османов было их материальное положение, так как на новом месте они нуждались в значительных финансовых и материальных средствах. Все это быстро приобрести мухаджире могли лишь в армии, благо султанское правительство неплохо оплачивало их участие в военной компании 1877–1878 годов. И, наконец, участие дагестанцев на стороне османов в русско-турецкой войне было своего рода актом благодарности стране, принявшей их как своих граждан и давшей им все необходимое, когда они больше всего в этом нуждались.

Известно, что за пределами своей родины всех представителей народов Страны гор исторически нарекали одним словом – дагестанцы. Соблюдает эту традицию на протяжении всего нарратива и автор мемуаров Мехмед Ариф-бей. И тем не менее, некоторым диссонансом звучит название одного из разделов книги – «Эпизод с кумыком», где, в нарушение традиции называть всех дагестанцев одним термином, выделяется этническая принадлежность одного из них – кумыка. «В ту ночь, когда все пошли спать, наш армейский патруль привел одного из мухаджиров кумыкского племени Дагестана... Приведенный человек возбужденно, на повышенных тонах сообщил, что на нас движется враг, который в ту ночь остановился в окрестностях села, где они проживают. Он сам пешком добрался до другого села и там добыв коня, прибыл в расположение нашей армии, чтобы сообщить эту новость» [Mehmed Arif Bey 2006: 278].

Как и в эпизоде с дагестанскими всадниками, так и в разделе о кумыке несколькими предложениями передан поступок героя, который в драматической ситуации, рискуя собственной жизнью, выполнил свой гражданский, патриотический долг – сообщил турецкой стороне о передвижении войск противника. Вероятно, поступок представителя «кумыкского племени Дагестана», а также его тюркское происхождение и религиозная принадлежность, вызвали у автора к нему особые симпатии, что послужило поводом для конкретизации в тексте его этнической принадлежности.

На русско-турецкой войне 1877–1878 годов дагестанцы впервые в своей истории с оружием в руках сражались друг против друга, защищая интересы разных государств – России и Османской империи. Так, в составе российской армии были 2 и 3 Дагестанские конно-иррегулярные полки Кавказской туземной конной дивизии. Эти части комплектовались на основе добровольности и отличались верностью присяге, мужеством и стремлением выполнить свой долг. Однако история этой войны располагает фактами, когда представители российских дагестанских полков оставляли свои части и переходили на сторону турок. Как уже было отмечено, на такой шаг их толкали различные мотивы и прежде всего стремление служить турецкому султану. Об одном таком случае в телеграмме на имя командующего Ахмеда Мухтар-паши от 25 июня 1877 года сообщается, что «трое рядовых из дагестанских мусульман, сбежав из русской армии, перешли на

нашу сторону и были зачислены в наш отряд» [Mehmed Arif Bey 2006: 339]. Хотя текст телеграммы максимально краткий, однако из него выясняется время перехода дагестанцев на сторону турок – *июнь 1877 года*, а также их количество и воинский статус – *трое рядовых* и факт их скорого зачисления в турецкую армию.

Ответ на эту высочайшую телеграмму сопровождался приложением, которое начиналось обращением командующего к войскам – «Эй, боевые друзья». В нем сообщалось об обстановке на фронте, выражалась благодарность войскам за доблесть и отвагу, а также перечислялись имена рядовых и офицеров, показавшие на войне образцовую службу. Среди названных тринадцати и более имен были и имена дивизионного генерала Газимухамада Дагестанлы и его шурина, майора Мехмед-бея Дагестанлы.

Образы этих персонажей, отдельные черты их характеров, а также личностные и профессиональные качества наиболее контрастно проявляются в различных ситуациях, в которые их ставит писатель. Об одной такой ситуации говорится в рассказе «Враг второй раз в тылу расположения наших войск», где речь идет о майоре Мухамад-Фазиле Дагестанлы. «Когда мы раздумывали над тем, как выйти из создавшегося положения, пришло известие о том, что один вражеский отряд в нашем тылу перешел Арпачай, то есть границу. Это известие произвело большой эффект. Правда ли это? Какова цель противника, перешедшего границу, его количество?.. Наконец, чтобы получить объективные данные, был отправлен Дагестанлы Мехмед-бей, шурин сына шейха Шамиля Мехмеда Шамиля-паши. Потому что Мехмед-бей пользовался большим доверием у Мухтар-паши.

Лицо Мехмед-бея светилось честностью и доверием, а о его храбрости было известно даже врагам, и они признавали это. По прошествии изрядного времени вернулся и Мехмед-бей. Он сообщил, что враг идет прямо к горе Шашыроглу, численностью двенадцать батальонов и, по его мнению, у них есть артиллерия и кавалерия» [Mehmed Arif Bey 2006: 524].

Из содержания приведенного рассказа перед читателем вырисовывается образ храброго, честного, знающего свое дело офицера, пользующегося доверием своих боевых соратников и готового выполнить поставленную перед ним задачу. В условиях, когда многие турецкие офицеры демонстрировали свою некомпетентность и бездарность, о чем говорится в мемуарах, такие офицеры, как майор Мехмед-бей, были на вес золота. Как выясняется, о его храбрости известно и противнику, и это вызывает у него уважение к Мехмед-бею. В силу этих и других качеств, как отмечает автор, «этот дагестанец пользовался полным доверием Мухтара-паши» [Mehmed Arif Bey 2006: 524].

Дополнительные черты к образу Мехмед-бея придает авторская сноска, из которой читатель узнает дальнейшую судьбу героя после описанных в мемуарах событий: «Этот Мехмед-бей через некоторое время, будучи адъютантом султана Абдулхамид-хана, дослужился до звания полковника. Теперь, как мы слышали, он командует Багдадским гарнизоном» [Mehmed Arif Bey 2006: 524].

В таком же фрагментарном стиле изображен в мемуарах образ другого дагестанца, сына имама Шамиля, дивизионного генерала Газимухамада. Из тех небольших эпизодов, кратких зарисовок, авторских комментариев, что разбросаны по всему тексту произведения, где упоминается герой, предстает образ боевого, смелого командира, находящегося в гуще горячих событий и рискованных опе-

раций. Автор явно симпатизирует этому персонажу второго плана, но при этом бросается в глаза его несколько поверхностный подход к написанию имени героя, отсутствие единообразия в его передаче на письме: Гази Мехмед-паша Шамиль, Гази Шамиль, Мехмед-паша Шамиль, Гази Шамиль Мехмед-паша, Шамвил Мехмед-паша, Гази Шемовил Мехмед-паша. Здесь явно сказывается отсутствие на тот период в турецком обществе четко регламентированной нормы, регулировавшей правописание имен и фамилий граждан.

Первая картина, в которой читатель встречается с генералом Газимухамадом, называется «Чтобы помочь». В ней читаем: «Чтобы помочь нашим кавалеристам, выделили кавалеристов генерала Гази Мехмеда-паши Шамиля. Через некоторое время, по мере необходимости, отправили и других кавалеристов. Таким образом, сражение сильно накалилось. Враг открыл мощный артиллерийский огонь по нашим кавалеристам» [Mehmed Arif Bey 2006: 383]. Содержимое рассказа касательно генерала Газимухамада дополняет информация о нем из авторской сноски: «Этот Шамвил Мехмед-паша, сын известного шейха Шамиля, воевавшего на Кавказе много лет с Россией. После смерти отца, оставив Россию, переселился в Османскую империю. С присвоением звания генерала, он был принят нашим государством» [Mehmed Arif Bey 2006: 383].

В одной из телеграмм командующего Кавказским фронтом маршала Гази Мухтара Ахмеда-паши от 24 октября 1877 года сообщается, «что при очередном наступлении русских войск на одном из участков фронта, большая часть находившихся там турецких всадников и офицеров сбежала с поля боя. В результате, оставшиеся полторы сотни всадников были отданы под командование Гази Мехмед-паши Шамиля» [Mehmed Arif Bey 2006: 575].

О том, как проявляли себя на войне генерал Газимухамад и дагестанцы под его началом читаем в следующих эпизодах: «Как только Хаджи Рашид-паша начал преследовать врага, находившийся на правом фланге командир кавалерии генерал-майор Гедик Али-паша и генерал-майор Гази Мехмед Шамиль-паша с левого фланга атаковали отступающего врага» [Mehmed Arif Bey 2006: 397]. «Как бы там ни было, это ужасное положение, печальная картина не длилась больше часа. Наши войска победоносно поднялись на вершину холма. Первыми поднявшимися были дагестанские кавалеристы генерал-майора Газимухамада-паши, сына шейха Шамиля...» [Mehmed Arif Bey 2006: 412].

Как явствует из сведений, которые приводит в своих мемуарах Мехмед Ариф-бей о генерале Газимухамаде Шамиле, он не только участвовал в сражениях, успешно командовал вверенным ему воинским подразделением, но также был одним из высокопоставленных фронтовых офицеров, принимавших участие в оперативных совещаниях высшего командования турецкого Кавказского фронта. «В ту ночь под руководством Мухтара-паши состоялось совещание, в котором приняли участие генералы Исмаил, Мустафа Сервет, Гази Шамиль, Капитан Мехмед. В собрании участвовали также известный поэт Ферик Казым и представитель генерального штаба Акиф-паша» [Mehmed Arif Bey 2006: 581].

В контексте исследуемой темы вызывает интерес небольшой рассказ под названием «Лезги-ага». В нем речь идет о представителе кочевого племени джамадан некоем Лезги-ага, который ночью 24 июня 1877 года во главе сорока всадников отправился на разведку. На рассвете Лезги-ага и его отряд наткнулись на

русский конный разезд. Между противниками произошло сабельное сражение, которое продолжалось до восхода солнца. В результате этого боестолкновения русские потеряли девять человек убитыми, а у турок один – убитый и трое раненых. По словам писателя, данный эпизод он привел, чтобы продемонстрировать, как рядовое событие, наделавшее много шума, чуть ли не стало поводом для поднятия в атаку всей войсковой кавалерии.

В этом коротком рассказе обращает на себя внимание имя героя – Лезги-ага. Сразу же возникает вопрос: откуда здесь, на просторах турецкой Анатолии, среди кочевников имя, по своему происхождению ассоциирующееся с Дагестаном, с общим названием на тот период его горских народов? Что послужило поводом для наречения члена кочевого племени этим чуждым, таким странным в этих краях именем? На эти вопросы в произведении нет никаких комментариев или пояснений.

Заключение

Итак, несмотря на то, что в книге Мехмеда Ариф-бея «Пережитое нами» дагестанская тема занимает небольшое место, она органично вплетена в текстовую ткань произведения, внося тем самым свой вклад в насыщение его содержания новыми для турецкого читателя инонациональными реалиями. Образы дагестанцев как элементы сюжетно-тематического единства исследуемого произведения проливают свет на малоизвестные факты из истории дагестанской диаспоры Турции, судеб ее представителей – людей, в силу различных обстоятельств оказавшихся на чужбине и втянутых в трагические события эпохи, к каким относится и русско-турецкая война 1877–1878 годов.

Биографическое сочинение турецкого писателя с точки зрения рецепции в нем образов дагестанцев представляет собой важный вклад в дагестанско-турецкий межлитературный диалог, активизация которого приходится на вторую половину XIX века.

Литература

- Сборник сведений о кавказских горцах. – Тифлис: Издание Кавказского Горского Управления (/Издание Кавказского Горского Управления), 1869. – Вып. 2. – С. 1–44. {Collection of Information about the Caucasian Highlanders. – Tiflis: Caucasus Highland Headquarter, 1869. – Issue 2. – Pp. 1–44.}
- Рябчикова 2018 – Рябчикова Е.Е. Имагология как раздел литературоведческой компаративистики // Слово.ру: балтийский акцент. – 2018. – Т. 9. – № 2. – С. 52–59. {Ryabchikova 2018 – Ye.Ye. Ryabchikova. Imagology as a Part of Comparative Literary Studies // Slovo.ru: Baltic accent. – 2018. – Vol. 9. – No. 2. – Pp. 52–59.}
- İslam Ansiklopedisi. – İslâm Ansiklopedisi. – 28. Cilt. – İstanbul: İslam Araştırmaları Merkezi, 2003. – 560 s. {Encyclopedia of Islam. – Vol. 28. – Istanbul: Center for Islamic Studies, 2003. – 560 p.} (In Turkish.)
- Karabayır 2018 – Karabayır, Ömer. Mehmed Ârif Bey. Başımıza Gelenler – 93 Harbinde Anadolu Cephesi. Ruslarla Savaş [Мехмед Ариф Бей. Что с нами произошло: Анатолийский (/Кавказский) фронт в Русско-турецкой войне 1877–1878 годов. Война с русскими] // Tarih Kritik Dergisi. – Yıl 2018, Cilt: 4 – Sayı: 4, 35–38. {Karabayır 2018 – Karabayır, Ömer. Mehmed Arif Bey. What Happened to Us – The Anatolian Front in the 93 War. War with the Russians // Journal of History Criticism. Year 2018, Volume: 4 – Issue: 4, 35–38.} (In Turkish.)

- Mehmed Arif Bey 2006 – *Mehmed Ârif Bey*. Başımıza Gelenler – 93 Harbinde Anadolu Cephesi Ruslarla Savaş. [Что с нами произошло: Анатолийский (/Кавказский) фронт в Русско-турецкой войне 1877–1878 годов. Война с русскими.] – İstanbul: İZ Yayıncılık, 2006. – 758 s. {Mehmed Arif Bey 2006 – *Mehmed Arif Bey*. What Happened to Us – The War with the Russians on the Anatolian Front in the 93 War. – İstanbul: İZ Publishing, 2006. – 758 p.} (In Late Ottoman Turkish, transl. to modern.)
- Mizancı 1994 – *Mizancı Murad*. Mücadele-i Milliye. Gurbet ve Avdet Devirleri. [Национальная борьба. Периоды эмиграции и возвращения на Родину.] – İstanbul: Nehir Yayınları, 1994. – 334 s. {Mizancı 1994 – *Mizancı Murad*. The National Struggle. Periods of Exile and Return. – İstanbul: Nehir Publications, 1994. – 334 p.} (In Late Ottoman Turkish, transl. to modern.)

Published in the Russian Federation.

Russian Turkology (Previous Name: *Soviet Turkology*, was founded in 1970)

Has been issued as *Russian Turkology* since 2009; ISSN: 2079-9160; E-ISSN: 2712-8121
2025. № 1–2 (46–47), pp. 108–116. Journal homepage: <http://rosturcology.ru/>

УДК/UDC: 811.512.19

DOI 10.37892/2712-8121-2025-46-47-108-116

ПАМЯТИ УЧЕНОГО

НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ ПРЕДШЕСТВЕННИКОВ: К 90-ЛЕТИЮ СПЕЦИАЛИСТА ПО ДРЕВНЕУЙГУРСКОМУ ЯЗЫКУ ПРОФЕССОРА Д.М. НАСИЛОВА

*Ханиса Чайдатовна Алишина*¹

¹ Тюменский государственный университет, г. Тюмень, Россия
доктор филологических наук, профессор, почетный член АН РТ
директор Центра тюркологии ТюмГУ
e-mail: kaf_tatarlit@utmn.ru

© ИЯз РАН, 2025

© Алишина Х.Ч., 2025

Для цитирования: Алишина Х.Ч. Научное наследие предшественников: к 90-летию специалиста по древнеуйгурскому языку Профессора Д.М. Насилова // Российская тюркология. 2025. № 1–2 (45–46). С. 108–116. DOI 10.37892/2712-8121-2025-46-47-108-116.

The scholarly legacy of predecessors: on the 90th anniversary of professor D.M. Nasilov, a specialist in the Old Uyghur language

*Khanisa Chaydatovna Alishina*¹

¹ Tyumen State University, Tyumen, Russia
Dr. Habil. in Philology, Professor,
Honorary Member of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan
Director of the Center of Turkology of TSU
e-mail: kaf_tatarlit@utmn.ru

© IL RAS, 2025

© Alishina, Kh.Ch., 2025

For citation: Alishina, Kh.Ch. The scholarly legacy of predecessors: on the 90th anniversary of Professor D.M. Nasilov, a specialist in the Old Uyghur language // Russian Turkology. 2025. No. 1–2 (45–46). No. 1–2 (45–46). Pp. 108–116. DOI 10.37892/2712-8121-2025-46-47-108-116.

Дмитрий Михайлович Насилов (1935–2017) родился 18 марта 1935 г. в г. Зарайске Московской области в семье интеллигентов. На выбор профессии повлиял его ближайший родственник – крупный ученый-востоковед, педагог, профессор, заслуженный деятель науки РСФСР Владимир Михайлович Насилов.

Дмитрий Михайлович посвятил всю свою жизнь изучению тюркских языков. Выдержав вступительные испытания, он поступил на восточное отделение филологического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, где специализировался по тюркским языкам – современным (турецкий, узбекский) и древним. Его преподавателями были известные востоковеды Николай Константинович Дмитриев, Эмир Наджипович Наджип, Владимир Михайлович Насилов и Эрванд Владимирович Севортян. Это была блестящая плеяда ученых, глубоко преданных тюркологии.

Годы студенческой юности Д.М. Насилова пришлось на время подъема национально-освободительного движения на Востоке. Нашей стране были необходимы высококвалифицированные специалисты по восточным языкам, в том числе тюркским. Дмитрий Михайлович окончил МГУ в 1958 г., с отличием защитив дипломную работу на кафедре тюркской филологии. Решением ГЭК ему была присвоена квалификация востоковед-филолог, научный работник в области филологических наук, преподаватель ВУЗа.

По направлению Министерства образования Д.М. Насилов отправился в Узбекистан, где с 1958 по 1960 гг. работал преподавателем кафедры узбекского языка Самаркандского университета. В 1964 г., успешно окончив очную аспирантуру в Институте языкознания в г. Москве, он защитил кандидатскую диссертацию по теме «Структура времен индикатива в древнеуйгурском языке (по памятникам уйгурского письма)». Продолжительное время Д.М. Насилов являлся единственным в России специалистом по древнеуйгурскому языку и его письменности.

С 1963 г. научная деятельность Д.М. Насилова на протяжении целых тридцати лет была связана с Ленинградским отделением Института языкознания АН СССР (ныне Институт лингвистических исследований РАН), куда он был приглашен руководством сектора алтайских языков. Здесь Дмитрий Михайлович прошел путь от младшего научного сотрудника до заведующего сектором алтайских языков Института лингвистических исследований РАН и работал над изданием редчайшего «Древнетюркского словаря» как автор статей и как один из его редакторов.

За эти годы Д.М. Насилов стал одним из наиболее признанных и заслуженных отечественных тюркологов, внося значительный вклад в изучение теоретической грамматики тюркских языков. Основным направлением его научной работы была тема глагольных категорий. Дмитрия Михайловича занимал вопрос о виде, аналога которого, подобно виду в русском и других славянских языках, в тюркских языках нет, «однако есть признаки, которые связываются с понятием аспекта в общей лингвистике» [Языкознание 2014: 4]. Впервые эта тема была затронута Д.М. Насиловым в работе «О способах выражения видовых значений в алтайских языках». Различным аспектам проблемы он посвятил около 30 публикаций, которые нашли выражение в монографии «Проблемы тюркской аспектологии. Акциональность», напечатанная в издательстве «Наука» под редакцией Э.Р. Тенишева. Рукопись вызвала большой интерес у членов кафедры, на которой трудился Дмитрий Михайлович, и у коллег. Активное участие в обсуждении этого труда приняла д.ф.н. Л.В. Дмитриева, рецензентами выступили д.ф.н. В.М. Павлов и к.ф.н. Е.А. Кузьменков. Ученые признают, что эта монография по проблеме тюркского вида остается наиболее значимой и востребованной. Она легла в основу докторской диссертации Дмитрия Михайловича. Высшая аттестационная комиссия Министерства образования и науки высоко оценила научные достижения Д.М. Насилова и после блестящей защиты диссертации по теме «Проблемы тюркской аспектологии: акциональность» 3 августа 1990 г. присудила ему степень доктора филологических наук. В дальнейшем это направление исследований приобрело также типологический характер (сопоставление алтайских языков) и выразилось в работе «Акциональность в алтайских языках. Типология и “детерминанта”».

Необходимо отметить один важный момент в трудовой биографии известного ученого: проживая в г. Санкт-Петербурге, Д.М. Насилов никогда не прерывал связи с московскими коллегами – работал в коллективе «Этимологического словаря тюркских языков», участвовал в многотомной плановой работе по «Сравнительно-исторической грамматике тюркских языков», выполненной учеными Института языкознания РАН.

Д.М. Насилов более полувека вел регулярную преподавательскую деятельность. Как крупнейший и авторитетнейший тюрколог, выдающийся специалист по тюркскому языкознанию он читал лекционные курсы не только на кафедре тюркской филологии восточного факультета Петербургского государственного университета, но и в других ведущих вузах страны. Мне посчастливилось в октябре 1989 г. прослушать курс лекций «Язык древнетюркских письменных памятников» и сдать зачет Дмитрию Михайловичу в аспирантуре факультета татарской филологии, истории и восточных языков Казанского государственного университета. Каждое

слово профессора, тщательно законспектированное мною, актуально, ценность его с годами только возрастает, оно несет большой заряд научной энергии. Выступая перед аспирантами КГУ, Д.М. Насилов подробно раскрыл историю хунну, сяньби, тюркских каганатов, древнеуйгурского, манихейского, орхон-енисейского алфавитов, тщательным образом проанализировал труды Д.Д. Васильева «Корпус древнетюркских памятников Енисея» и С.Е. Малова «Памятники древнетюркской письменности», «Енисейская письменность тюрков» и настоятельно советовал найти и изучить эти книги. Бесценные знания, полученные от Дмитрия Михайловича, его внешний облик, высокая культура, достоинство, интеллигентность внушали нам, аспирантам из Западной Сибири, Казахстана, Узбекистана, Горной Шории, Якутии, Хакасии, Ростовской области, глубокое уважение и почтение. Полученные знания оченьгодились молодым ученым-тюркологами в дальнейшей жизни. Д.М. Насилов еще неоднократно приезжал в наши вузы для чтения лекций, выступления на симпозиумах, конференциях и форумах, а также для оппонирования кандидатских и докторских диссертаций.

В 1993 г. профессора Дмитрия Михайловича Насилова пригласили в созданный при Министерстве национальностей РФ Институт языков народов Российской Федерации, где он трудился в должности заместителя директора института. Это был новый этап в жизни страны, этап возрождения национальных культур.

В 1996 г. Д.М. Насилов был избран профессором кафедры тюркской филологии Института стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова. Обладая большим опытом работы в подготовке высококвалифицированных научно-педагогических кадров и сохранении научных традиций, он разработал и читал для студентов

и аспирантов лекционные курсы «История алтаистики», «Язык древнетюркских письменных памятников», «Древнеуйгурский язык», «Узбекский язык», «Основы сравнительной грамматики тюркских языков», «Тюркская лексикология», «Основы функциональной грамматики тюркских языков», «Введение в тюркологию», «Сопоставительная грамматика русского и узбекского языков» и др.

Научные труды профессора Дмитрия Михайловича Насилова известны тюркологам всего мира. По достоинству оценены такие его монографии, как «Проблемы тюркской аспектологии: акциональность», «Концепция языкового типа в трудах Н.А. Баскакова», «“Значение” и “функция” в функциональной грамматике А.В. Бондарко», «Языки малочисленных этносов в образовательном пространстве России» и многие другие.

Огромную научно-методическую помощь профессор Д.М. Насилов оказывал учителям школ, сотрудничая с Министерством образования и науки РФ. Плодом их творческого взаимодействия стали «Концепция модели этнической (национальной) школы для коренных малочисленных народов Севера Российской Федерации», «Типовая общеобразовательная программа по языкам тунгусо-маньчжурской группы для школ народов Севера» и «Концепция учебника родного и русского языка для национальной школы».

Важное место в деятельности Д.М. Насилова занимало изучение научного наследия предшественников: ему принадлежат публикации о В.В. Радлове, С.Е. Малове, О.Н. Бетлингке, П.М. Мелиоранском и др. Особое значение имеют труд Дмитрия Михайловича «Репрессированная тюркология», выполненный в соавторстве с Ф.Д. Ашным и В.М. Алпатовым (2002), и книга-памятник А.Н. Самойловичу (2005), в которой воссозданы и снабжены комментариями основные работы одного из ведущих отечественных тюркологов XX в., подвергшегося репрессиям в 1938 г. [Языкознание 2014: 12].

Научная и творческая деятельность Д.М. Насилова весьма многогранна. Он принял активное участие в более чем 100 международных, всероссийских и региональных конференциях и симпозиумах, самыми значимыми из которых являются 38-й Международный конгресс востоковедов (ИКАНАС-38) (Анкара, Турция, 2007); Международный симпозиум, посвященный выдающемуся ученому Махмуду Кашгарскому и его труду «Диван лугат-ат тюрк» (Левкоша, 2008); III Международный тюркологический съезд (Левкоша, 2008). За выдающиеся научные заслуги профессор Дмитрий Михайлович Насилов был избран академиком – иностранным членом Турецкого лингвистического общества (Türk Dil Kurumu).

Большую организаторскую работу выполнял Д.М. Насилов как член и один из руководителей Российского (ранее Советского) комитета тюркологов. Благодаря деятельности этого Комитета поддерживаются тесные научные связи между тюркологами нашей большой страны. В 2009 г. под эгидой Российской академии наук, Института языкознания РАН и Российского комитета тюркологов вновь начал издаваться журнал «Российская тюркология», главным редактором которого стал Дмитрий Михайлович. Кроме того, на протяжении нескольких лет ученый являлся членом экспертной группы по проблемам коренных языков малочисленных народов России при Комитете по делам национальностей Государственной Думы РФ. Его часто приглашали в качестве председателя жюри всевозможных творческих конкурсов по культуре и языкам народов России.

В конце XX – начале XXI вв. намечился сдвиг в установлении и расширении международных научных связей с нашей страной. Российские тюркологи начали принимать участие в ежегодных заседаниях Постоянной международной алтаистической конференции (PIAC). Отечественную науку за рубежом в течение многих лет достойно представлял Д.М. Насилов. Его статьи опубликованы в научных изданиях Венгрии, Германии, Турции и др.

Летом 2014 г. профессор Дмитрий Михайлович Насилов, известный своими трудами по истории тюркских литературных языков, был награжден за выдающийся вклад в тюркологию орденом Турецкой Республики «Лиякат» («Заслуга»), который вручается иностранным ученым и деятелям искусств президентом Турции по представлению Министерства иностранных дел и Высшего совета им. Ататюрка по культуре, языку и истории Турецкой Республики. На церемонии награждения присутствовало более 500 человек – спикер Парламента Турции, вице-премьер Турции, министры, депутаты, послы, писатели, главы учреждений науки и искусства, руководители тюркологических отделений университетов мира, преподаватели. Президент Турции Абдуллах Гюль выступил с речью, в которой присутствовали такие важные слова: «Наш дорогой друг Дмитрий Михайлович Насилов в течение 56 лет профессиональной жизни своими работами и публикациями внес вклад в тюркологию, а прекрасными воспитанниками оказал нам уникальную услугу. Я поздравляю Вас и желаю Вам дальнейших успехов в Вашей научной деятельности» [Акалын 2014: 108]. Заведующий кафедрой турецкого языка и литературы Университета Хаджеттепе (Анкара, Турция), член редакционного совета журнала «Российская тюркология», профессор, доктор филологических наук Шюкрю Халюк Акалын в своей поздравительной речи особо подчеркнул значение научных трудов и высокие человеческие качества талантливого ученого: «Дмитрий Михайлович Насилов, занимающий важное место в тюрколо-

гическом мире благодаря своим весьма оригинальным, компетентным и ценным научным трудам по вопросам исторической периодизации развития тюркских языков, вместе с тем завоевал уважение всего научного мира своим в высшей степени скромным, уважительным, предупредительным отношением к людям» [Акалын 2014: 108]. Ранее ордена, среди прочих, также были удостоены: Клаудиа Рёмер (Австрия), Камиль Вели Нариманоглу (/Нериманоглу) (Азербайджан), Джеффри Льюис (Великобритания), Геза Давид, Андраш Рона-Таш и Георг (Дьёрдь/Дёрдь) Хазаи (Венгрия), Эвангелиа Балта (Греция), Абдуришид Якуп (/Абдурешит Якуфу) (Китай), Бюбюйна (/Бубуйна) Орузбаева (Кыргызстан), Э.Р. Тенишев и В.Г. Гузев (Россия), Омелян Прицак, Роберт Данков и Вальтер Дж. Эндрюс (США), Жан-Поль Ру (Франция), Ларс Йохансон (/Юхансон) (Швеция/Германия).

Дмитрий Михайлович Насилов – крупнейший специалист в области теории и истории тюркских языков, автор более 250 научных и научно-методических трудов, словарей и монографий. Под его руководством подготовлена прекрасная плеяда ученых и преподавателей, в том числе защищено восемь кандидатских диссертаций.

Родина высоко ценит выдающиеся научные достижения Д.М. Насилова, который вел большую научно-преподавательскую, организаторскую, редакторскую и общественную работу, оставаясь при этом очень скромным человеком. Его научные труды существенно обогатили мировую тюркологию. За многолетний добросовестный труд Дмитрий Михайлович был удостоен медали «Ветеран труда» и медали «В память 850-летия Москвы».

Литература

- Акалын 2014 – *Акалын Ш.Х.* Дмитрий Михайлович Насилов награжден орденом Турецкой Республики «Лиакат» // Российская тюркология. – Москва–Казань, 2014. – № 1 (10). – С. 107–108. {*Şükrü Halûk Akalın.* Dmitriy M. Nasilov has been awarded the order of the Turkish Republic “Li-yâkat” // Russian Turkology. – Moscow–Kazan, 2014. – No. 1 (10). – Pp. 107–108.}
- Языкознание 2014 – Реферативный журнал «Языкознание». – М.: Наука, 2014. – № 4. {Abstract Journal “Yazykoznanie” [Linguistics]. – Moscow: Nauka, 2014. – No. 4.}

СПИСОК ОСНОВНЫХ НАУЧНЫХ ТРУДОВ Д.М. НАСИЛОВА

Монографии, коллективные монографии, учебные пособия

LIST OF D.M. NASILOV'S PRINCIPAL SCHOLARLY WORKS

Monographs, Co-authored Monographs, and Textbooks

- Структура времен индикатива в древнеуйгурском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1963. {The Structure of Indicative Tenses in the Old Uyghur Language: Author's Abstract of PhD Thesis in Philology. – Moscow, 1963.}
- Древнетюркский словарь: словарные статьи, редактор / коллектив авт. и ред. – Л.: Наука, 1969. – 677 с. {Dictionary of Old Turkic: Dictionary Entries, Editor / Team of Authors and Editors. – Leningrad: Nauka, 1969. – 677 p.}
- Проблемы тюркской аспектологии: Акциональность. – Л.: Наука ЛО, 1989. – 208 с. {Issues in Turkic Aspectology: Actionality. – Leningrad: Nauka, the Leningrad Branch, 1989. – 208 p.}
- Проблемы тюркской аспектологии: Акциональность: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 1989. – 32 с. {Issues in Turkic Aspectology: Actionality: Author's Abstract of Doctor of Sciences Thesis in Philology. – Moscow, 1989. – 32 p.}
- Expression of situational plurality in Turkic languages // Typology of Iterative Constructions. / соавт.: Х.Ф. Исхакова, В.И. Рассадин. – München, 1997. {Expression of Situational Plurality in Turkic Languages // Typology of Iterative Constructions. / co-authored with Kh.F. Iskhakova and V.I. Rassadin. – München, 1997.} (In English.)
- Imperative sentences in Turkic languages // Typology of imperative sentences. / соавт.: И.А. Невская, Х.Ф. Исхакова, Ш. Сафаров. – München: Lincom Press, 2001. – Pp. 181–220. [на англ. яз.] {Imperative Sentences in Turkic Languages // Typology of Imperative Sentences / co-authored with I.A. Nevskaya, Kh.F. Iskhakova, and Sh. Safarov. München: Lincom Press, 2001. – Pp. 181–220.} (In English.)
- Концепция модели этнической школы для коренных малочисленных народов Севера РФ / коллектив авт. – М., 2001. {The Concept of the Ethnic School Model for Indigenous Small-Numbered Peoples of the North of the Russian Federation / Team of Authors. – Moscow, 2001.}
- Карлукско-уйгурская группа: Фонетика. Глагол // Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Региональные реконструкции. – М., 2002. – С. 339–418. {The Karluk-Uyghur Group: Phonology. The Verb // Comparative-Historical Grammar of Turkic Languages. Regional Reconstructions. – Moscow, 2002. – Pp. 339–418.}
- Репрессированная тюркология / соавт.: Ф.Д. Ашнин, В. М. Алпатов. – М., 2002. {Repressed Turkology / co-authored with F.D. Ashnin and V.M. Alpatov. – Moscow, 2002.}
- Национальная школа: направления совершенствования структуры и содержания образования // Федеральная программа развития образования / коллектив авт.-сост. – М., 2003. {The National School: Directions for Improving the Structure and Content of Education // The Federal Program for the Development of Education / Team of Authors and Compilers. – Moscow, 2003.}
- Словарные статьи: Л, М, Н, П // Этимологический словарь тюркских языков / коллектив авт. – М.: Восточная литература РАН, 2003. – 446 с. {Dictionary Entries: L, M, N, P // Etymological Dictionary of Turkic Languages / Team of Authors. – Moscow: Vostochnaya literatura RAN [Oriental Literature, RAS], 2003. – 446 p.}
- Уступительные конструкции в тюркских языках // Типология уступительных конструкций / соавт.: И.А. Невская, Х.Ф. Исхакова. – СПб: Наука, 2004. – С. 425–452. {Concessive Constructions in

- Turkic Languages // Typology of Concessive Constructions / co-authored with I.A. Nevskaya and Kh.F. Iskhakova. – St. Petersburg: Nauka, 2004. – Pp. 425–452.}
- Программа лингвистического курса «Древнетюркские языки» // Программы курса турецкого языка и теоретических курсов / сост. Ю.В. Щека. – М.: ИСАА МГУ, 2005. – С. 51–54. (114 с.) {Syllabus of the Linguistic Course “Old Turkic Languages” // Syllabi of the Turkish Language Course and Theoretical Courses / compiled by Yu.V. Shcheka. – Moscow: IAAS MSU, 2005. – Pp. 51–54. (114 p.)}
- Программа спецкурса «Основы тюркской семантики» // Программы курса турецкого языка и теоретических курсов / сост. Ю.В. Щека. – М.: ИСАА МГУ, 2005. – С. 55–63. (114 с.) {Syllabus of the Special Course “Fundamentals of Turkic Semantics” // Syllabi of the Turkish Language Course and Theoretical Courses / compiled by Yu.V. Shcheka. – Moscow: IAAS MSU, 2005. – Pp. 55–63. (114 p.)}

Published in the Russian Federation.

Russian Turkology (Previous Name: *Soviet Turkology*, was founded in 1970)

Has been issued as *Russian Turkology* since 2009; ISSN: 2079-9160; E-ISSN: 2712-8121
2025. № 1–2 (46–47), pp. 117–125. Journal homepage: <http://rosturcology.ru/>

УДК/UDC: 811.512.122

DOI 10.37892/2712-8121-2025-46-47-117-125

АКАДЕМИК ШОРА ШАМГАЛИЕВИЧ САРЫБАЕВ – ИЗВЕСТНЫЙ УЧЕНЫЙ-ТЮРКОЛОГ (К СТОЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)

Зиннур Амирович Сиразитдинов¹

¹ Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального
исследовательского центра РАН, г. Уфа, Россия
кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник
ORCID: 0000-0001-5619-5773
Scopus ID: 57211048226
e-mail: sazin11@mail.ru

© ИЯз РАН, 2025

© Сиразитдинов З.А., 2025

Для цитирования: *Сиразитдинов З.А.* Академик Шора Шамгалиевич Сарыбаев – известный ученый-тюрколог (к столетию со дня рождения) // *Российская тюркология*. 2025. № 1–2 (45–46). С. 117–125. DOI 10.37892/2712-8121-2025-46-47-117-125.

Academician Shora Shamgaliyevich Sarybayev – A prominent turkologist (on the centenary of his birth)

Zinnur Amirovich Sirazitdinov¹

¹ Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Centre
of the Russian Academy of Sciences, Ufa, Russia
Ph.D. in Philology, Leading Researcher
ORCID: 0000-0001-5619-5773
Scopus ID: 57211048226
e-mail: sazin11@mail.ru

© IL RAS, 2025

© Sirazitdinov, Z.A., 2025

For citation: *Sirazitdinov, Z.A.* Academician Shora Shamgaliyevich Sarybayev – a prominent Turkologist (on the centenary of his birth) // *Russian Turkology*. 2025. No. 1–2 (45–46). Pp. 117–125. DOI 10.37892/2712-8121-2025-46-47-117-125.

Шора Шамгалиевич Сарыбаев известный тюрколог, доктор филологических наук, академик Казахской национальной академии наук, заслуженный деятель науки Республики Казахстан родился 2 марта 1925 года в Ташкенте в семье

вузовских преподавателей казахского языка. Значительное влияние на мировоззрение будущего ученого оказал его отец – Ш.Х. Сарыбаев, стоявший у истоков казахской филологической и педагогической науки.

В 1934 году в возрасте девяти лет Шора Шамгалиевич вместе с родителями переезжает в Алматы, куда его отец был приглашен на работу в Коммунистический институт журналистики (КИЖ) на должность преподавателя казахского языка. После окончания школы Ш.Ш. Сарыбаев продолжил свое обучение в Казахском государственном университете им. С.М. Кирова, где была заложена фундаментальная основа для его дальнейшей профессиональной деятельности.

Интерес Ш.Ш. Сарыбаева к научной деятельности проявился еще студенческие годы. В 1948 году его научная работа «К вопросу о местоимении в казахском языке» была признана на конкурсе студенческих работ лучшей. После окончания университета в 1950 г. Шора Шамгалиевич поступил в аспирантуру этого же вуза и продолжил научно-исследовательскую работу по теме «Междоиметия казахского языка». В 1953 году состоялась успешная защита его диссертационной работы.

Трудовую деятельность Шора Шамгалиевич начал на кафедре казахского языка КазГУ. В 1954 году Ш.Ш. Сарыбаев был принят по конкурсу старшим научным сотрудником отдела истории и диалектологии Института языка и литературы АН КазССР.

С 1967 по 1995 год Ш.Ш. Сарыбаев возглавлял отдел диалектологии, из них 8 лет совмещал должность заместителя директора по научной работе. До увольнения по собственному желанию в 2006 году работал главным научным сотрудником.

В 1973 году Шора Шамгалиевич защитил докторскую диссертацию по теме «Казахская региональная лексикография». В 1983 году Ш.Ш. Сарыбаев был из-

бран членом-корреспондентом Академии наук Республики Казахстан. В 2004 году избирается действительным членом Национальной академии наук Республики Казахстан.

Его научные труды, отраженные в более 300 публикациях, посвящены вопросам диалектологии, морфологии, лексикологии, лексикографии, библиографии, истории языка, переводам, антропониимики, алтаистики.

Ш.Ш. Сарыбаев внес значительный вклад в становление национальной диалектологической школы. Большое внимание уделял Шора Шамгалиевич подготовке, проведению и анализу результатов диалектологических экспедиций. В рамках международной комплексной программы «Лингвистический атлас Европы» под его руководством была организована экспедиционная поездка в Уральскую и Волгоградскую области (1987 г.). Собранные им материалы явились доказательством выдвинутой им в 60-е годы новой классификации диалектной системы казахского языка как состоящей из южной, западной и центрально-северной групп говоров [Сарыбаев 1976: 45–63].

Под общей редакцией ученого был издан словарь «Региональный словарь казахского языка» (2005 г.), содержащий 22 000 слов, в соавторстве с О. Накысбековым – монография «Региональная лексика казахского языка» (1989 г.), в соавторстве с Г. Калиевым – первый учебник по казахской диалектологии, выдержавший 4 издания (1967 г., 1991 г., 2002 г., 2004 г.).

Среди научных исследований по диалектологии особо выделяется работа “Казахская региональная лексикография”, которая была первой монографией в тюркской диалектной лексикографии. Работа автора насыщена материалами обобщающего и классификационного характера, представленными впервые в тюркологии. Так автор предлагает с точки зрения распространенности разделять диалектную лексику на широколокальные, среднелокальные и узколокальные группы [Сарыбаев 1976: 207].

В первом ряду слева направо: сестра Зейнеп, отец Шамгали, мать Насима с годовалым Шорой, сестра Шолпан. Ташкент, 1926.

При составлении диалектных словарей ученый считал необходимым выделять “не только отдельные слова, но и целые словосочетания ... Где каждое в отдельно взятом виде употребляется и в литературном языке, но значения, полученные при их сочетании, уже не соответствуют нормам литературного языка” [Сарыбаев 1960а: 73]

Автор также впервые не только в тюркологии, но и в руссистику выдвигает идею создания литературно-диалектных словарей, в которых реестровыми являются литературные слова [Сарыбаев 1976: 74].

В своих работах по диалектологии Шора Шамгалиевич уделял внимание и вопросам лингвогеографии, изучал фонетические, грамматические, семантиче-

ские аспекты диалектного слова, роль диалектов в художественной литературе и в формировании национального языка.

Ученый плодотворно работал и в области грамматики родного языка. Так, Ш.Ш. Сарыбаевым написаны разделы «Местоимение», «Междометие», «Подражательные слова» в коллективных монографиях «Современный казахский язык» (1962 г.), «Сопоставительная грамматика русского и казахского языков. Морфология» (1966 г.) и др.

Различным аспектам местоимений, междометий и звукоподражательных слов национального языка были посвящены ряд работ ученого [Сарыбаев 1954а; 1959а]. Исследователь также освятил вопрос интонационного оформления междометий в казахском языке [Сарыбаев 1959б]. Ученого интересовала также проблема междометий в других тюркских языках, вопросы передачи слов этой части речи в тюркско-русских словарях [Сарыбаев 1985].

Лексикографическая деятельность была одной из результативных в научной деятельности Ш.Ш. Сарыбаева как составителя, ответственного редактора, члена редакционной коллегии, рецензента различных словарей (двуязычных, отраслевых, толковых и др.). Одной из первых его работ по лексикографической проблеме была совместная статья с Н.А.Баскаковым, посвященная обзору существующих национальных толковых словарей и вопросам их составления [Баскаков, Сарыбаев 1963]. В шестидесятые годы ученый активно участвовал в разработке и составлении этимологического словаря казахского языка [Искаков, Сыздыкова, Сарыбаев 1966]. В 1967 году на Всесоюзной тюркологической конференции он выступил с сообщением «О литературно-разговорном словаре».

Шора Шамгалиевич как член редакционной коллегии принимал участие в составлении русско-казахского словаря (1981), который в дальнейшем дополнялся и переиздавался (1989, 2005), в разработке русско-казахского и казахско-русского словаря анатомических терминов (1989).

Алфавит и орфография казахского языка также были в центре внимания научной деятельности ученого. Самая ранняя работа Ш.Ш. Сарыбаева в данной области «Проект казахского алфавита и орфографии» относится к 1953 году. Позднее Ш.Ш. Сарыбаев принял участие в обсуждении статьи лингвиста-тюрколога А.К. Боровского «К вопросу об унификации тюркских алфавитов в СССР» на страницах журнала «Советское востоковедение» Академии наук СССР [Сарыбаев 1954б], позже в соавторстве с Ж. Болатовым опубликовал статью «О некоторых вопросах алфавита и орфографии» (1957).

Ряд статей автора посвящены роли орфографии в контексте влияния на речевую культуру и развитие литературного языка, диалектной орфографии (1975, 1978).

Ш.Ш. Сарыбаев является первым библиографом литературы по казахскому языкознанию. Им были опубликованы 11 библиографических изданий. Первый библиографический указатель был издан в 1956 году. Затем последовало серийное издание библиографических указателей.

В 1989 году Ш.Ш. Сарыбаев составил библиографический указатель литературы по тюркологии (по материалам журнала «Советская тюркология», 1970–1988) [Сарыбаев 1989]. Всю свою жизнь он был глубоко убежден, что наука начинается с библиографии.

В своих работах Шора Шамгалиевич поднимал проблемы истории казахского языка как в дореволюционную, так и в советскую эпоху [Доскараев, Сарыбаев

1960; Сарыбаев 1963; Сарыбаев 2004]. Ученый был соавтором ряда вузовских учебников по исторической грамматике казахского языка (1968, 1975). Ему принадлежит заслуга в составлении первой в казахском языкознании библиографии по истории и диалектологии языка.

Тюркологическим проблемам дореволюционного, советского и современного периодов ученым посвящены статьи, рецензии, выступления на конференциях и симпозиумах по вопросам алфавитов, лексикографии, диалектологии, истории развития тюркологии: «Проблемы диалектологии тюркских языков» (1961 г.), «Лексикографическое оформление междометий в тюрко-русских словарях» (1985 г.) и др.

Ш.Ш. Сарыбаев принимал участие в редактировании научных монографий и сборников, словарей: «Проблемы этимологии тюркских языков» (1990 г.), «Советская тюркология и развитие тюркских языков в СССР» (1976 г.), «Тюркская ономастика в СССР. Перспективы и развитие. Научно-аналитический обзор» (1998 г.) и др.

Ш.Ш. Сарыбаев – один из первых казахских тюркологов, который добился заметных результатов в исследовании казахско-монгольских языковых связей. Первая работа Ш.Ш. Сарыбаева «К вопросу о монгольско-казахских языковых отношениях (на материалах монгольско-казахского словаря)» была представлена на VI научной конференции профессорско-преподавательского состава Алма-Атинского педагогического института иностранных языков и вошла в сборник тезисов конференции (1958 г.). Через два года во втором выпуске сборника «Вопросы истории казахского языка и диалектологии» была опубликована его одноименная обширная статья, в которой были приведены многочисленные иллюстрации казахско-монгольских фонетических, лексических и грамматических параллелей [Сарыбаев 1960б].

В дальнейшем монгольско-казахские лингвистические связи нашли отражение в ряде статей ученых, опубликованных в Ленинграде [Сарыбаев 1971] и Будапеште [Кенесбаев, Сарыбаев 1975].

Прекрасное знание русского языка позволило Ш.Ш. Сарыбаеву не только принимать участие в составлении русско-казахских и казахско-русских словарей, но и давать оценку художественным переводам. Так, например, первый труд «Ниже возможностей (о переводах стихотворений Пушкина на казахский язык)» (1954 г.) был написан по материалам первого издания четырехтомного собрания сочинений А.С. Пушкина на казахском языке, над которым трудились лучшие переводчики Казахстана. В работе дан блестящий анализ осуществленных переводов. В 1958 г. вышла статья автора, посвященная переводу на казахский язык исторической повести В.Г. Яна «Юность полководца».

Под руководством ученого были защищены 15 диссертаций на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Мне, автору этой статьи, во время стажировки и аспирантуры в Институте языкознания выпала большая честь тесного общения с Ш.Ш.Сарыбаевым, беседы с ученым не только в стенах института, но и дома, и на даче метра сыграли значительную роль в моем становлении не только как специалиста в области прикладной лингвистики, но и как лексикографа, проявили интерес к области диалектологии. Его советы по подаче диалектологических материалов были учтены при составлении диалектологической базы в Машинном фонде башкирского языка.

Шора Шамгалиевич с супругой Кымбат Сагыновой. 2015

Научная деятельность Ш.Ш. Сарыбаева получила высокую оценку. В знак признания вклада в филологическую науку республики указом Президента Республики Казахстан в 2000 году Шора Шамгалиевич Сарыбаев был награжден орденом «Курмет», в 2006 году был удостоен ордена «Парасат». В 2015 году ему была вручена Благодарность Президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева. Среди государственных и ведомственных наград, которыми был отмечен вклад Ш.Ш. Сарыбаева, имеются медали Международной Тюркской Академии (2014, 2017). Республики Кыргызстан (2012).

Шора Шамгалиевич оставил яркий след в казахской лингвистике, в тюркологии, в памяти своих учеников и коллег. Он был человеком широкой души, с открытым сердцем, готовым оказать любую поддержку своим коллегам. Светлая память об академике Ш.Ш.Сарыбаеве хранится не только в Казахстане, но и далеко за его пределами в научном мире тюркологов и алтаистов.

Автор выражает глубокую благодарность дочери ученого Майре Шора кызы Сарыбаевой за предоставленные материалы к статье.

Литература

- Баскаков, Сарыбаев 1963 – Баскаков Н.А., Сарыбаев Ш.Ш. Новые национальные толковые словари. Вопросы языкознания. – № 6. – 1963. С. 151–154. {N.A. Baskakov, Sh.Sh. Sarybayev. New National Explanatory Dictionaries. Questions of Linguistics. – 1963. – No. 6. – Pp. 151–154.}
- Доскараев, Сарыбаев 1960 – Доскараев Ж., Сарыбаев Ш.Ш. Октябрь революциясынан бұрын басылып шыққан кейбір нұсқалардың тілі жайында [О языке некоторых вариантов, опубликованных до Октябрьской революции] // Қазақ тілі тарихы мен диалектологиясының мәселелері. – Алматы, 1960. III шығуы. – Б. 244–253. {Zh. Doskarayev (/Dosqaraev), Sh.Sh. Sarybayev. On the Language of Some Versions Published Before the October Revolution // Problems of the History and Dialectology of the Kazakh Language. – Almaty, 1960. – III edition. – Pp. 244–253. (In Kazakh.)}
- Искаков, Сыздыкова, Сарыбаев 1966 – Ысқақов А., Сыздықова Р., Сарыбаев Ш. Қазақ тілінің қысқаша этимологиялық сөздігі. [Краткий этимологический словарь казахского языка]. –

- Алматы: «Гылым». – 1966. – 240 б. {*A. Iskakov (Ysqaqov), R. Syzdykova (Syzdyqova), Sh. Sarybayev. A Brief Etymological Dictionary of the Kazakh Language. Almaty: "Ghylym" = "Science", 1966. – 240 p. (In Kazakh.)*}
- Сарыбаев 1954а – *Сарыбаев Ш.Ш.* Подражательные слова и их отношение к междометиям // Известия Академии наук Казахской Советской Социалистической Республики. – 1954. Серия филологии и искусствоведения. – Вып. 1–2. – С. 46–54. {*Sh.Sh. Sarybayev. Imitative Words and Their Relation to Interjections // Bulletin of the Academy of Sciences of the Kazakh Soviet Socialist Republic. – 1954. – Series of Philology and Art Criticism. – Issue. 1–2. – Pp. 46–54.*}
- Сарыбаев 1954б – *Сарыбаев Ш.Ш.* Еще раз к вопросу об унификации тюркских алфавитов в СССР // Советское востоковедение. – 1954. – №1. – С. 166–167. {*Sh.Sh. Sarybayev. Revisiting the Question about the Unification of Turkic Alphabets in the USSR // Soviet Oriental Studies. – 1954. – No. 1. – Pp. 166–167.*}
- Сарыбаев 1959а – *Сарыбаев Ш.Ш.* О местоимениях ту, түнеу // Известия АН КазССР. – Серия филологии и искусствоведения. – 1959. – Вып. 1 (11). – С. 73–75. {*Sh.Sh. Sarybayev. About the Pronouns tu, tüneu // Bulletin of the Academy of Sciences of the Kazakh Soviet Socialist Republic. – 1959. – Series of Philology and Art Criticism. – Iss. 1 (11). – Pp. 73–75.*}
- Сарыбаев 1959б – *Сарыбаев Ш.Ш.* К вопросу об интонации междометий в казахском языке // Известия. АН КазССР. – 1959. – Сер. филология и искусствоведения. – Вып. 1–2 (8–9). – С. 81–86. {*Sh.Sh. Sarybayev. On the Issue of Intonation of Interjections in the Kazakh Language // Bulletin of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR. – 1959. – Series of philology and art criticism. – Issue 1–2 (8–9). – Pp. 81–86.*}
- Сарыбаев 1960а – *Сарыбаев Ш.Ш.* Некоторые вопросы составления диалектных словарей казахского языка // Вопросы диалектологии тюркских языков. Материалы второго регионального совещания по диалектологии тюркских языков, состоявшегося 11–15 ноября 1958 г. Казань, 1960. – С. 71–78. {*Sh.Sh. Sarybayev. Some Issues of Compiling Dialect Dictionaries of the Kazakh Language // Issues of Dialectology of Turkic Languages. Proceedings of the Second Regional Conference on Dialectology of Turkic Languages (November 11–15, 1958). Kazan, 1960. – Pp. 71–78.*}
- Сарыбаев 1960б – *Сарыбаев Ш.Ш.* К вопросу о монгольско-казахских языковых связях // Қазақ тілі тарихы мен диалектологиясының мәселелері. [Вопросы истории и диалектологии казахского языка.] – Алматы, 1960. – II-шығуы. – Б. 34–71. {*Sh.Sh. Sarybayev. On the Issue of Mongolian-Kazakh Linguistic Connections // Problems of the History and Dialectology of the Kazakh Language. – Almaty, 1960. – Iss. 2. – Pp. 34–71.*}
- Сарыбаев 1963 – *Сарыбаев Ш.Ш.* 1920–1930 жылдардағы әдеби тілдің тарихына қатысты кейбір мәселелер (мерзімді баспасөз материалдары негізінде) [Некоторые вопросы, касающиеся истории литературного языка 1920-х–1930-х гг. (на основе материалов периодической печати)] // Қазақ тілі тарихы мен диалектологиясының мәселелері. [Вопросы истории и диалектологии казахского языка.] – Алматы. 1963. – 5-шығуы. – Б. 5–18. {*Sh.Sh. Sarybayev. Some Issues Related to the History of the Literary Language in the 1920s–1930s (Based on Periodical Press Materials) // Issues of the History and Dialectology of the Kazakh Language. – Almaty, 1963. – 5th edition. – Pp. 5–18. (In Kazakh.)*}
- Сарыбаев 1971 – *Сарыбаев Ш.Ш.* Монгольско-казахские лексические параллели // Проблема общности алтайских языков. – Ленинград: Наука. – 1971. – С. 256–262. {*Sh.Sh. Sarybayev. Mongolian-Kazakh Lexical Parallels // The Problem of Commonality of Altai Languages. – Leningrad: Nauka. – 1971. – Pp. 256–262.*}
- Сарыбаев 1976 – *Сарыбаев Ш.Ш.* Казахская региональная лексикография. – Алма-Ата, 1976. – 216 с. {*Sh.Sh. Sarybayev. Kazakh Regional Lexicography. – Alma-Ata, 1976. – 216 p.*}
- Сарыбаев 1985 – *Сарыбаев Ш.Ш.* Лексикографическое оформление междометий в тюрко-русских словарях // III научные чтения, посвященные памяти академиков И.А. Батманова, К.К. Юдахина, Б.М. Юнусалиева: тезисы докладов и сообщений. 19–20 сентября. 1985. – Ош. 1985. – С. 64–65. {*Sh.Sh. Sarybayev. Lexicographic Design of Interjections in Turkic-Russian Dictionaries // III Scholarly Readings Dedicated to the Memory of Academicians I.A. Batmanov, K.K. Yudakhin, B.M. Yunusaliyev: Abstracts of Papers and Reports. September 19–20, 1985. – Osh, 1985. – Pp. 64–65.*}
- Сарыбаев 1989 – *Сарыбаев Ш.Ш.* Библиографический указатель литературы по тюркологии (по материалам журнала «Советская тюркология». 1970–1988 гг.). – Алма-Ата, 1989. – 94 с.

- {*Sh.Sh. Sarybayev*. Bibliographic Index of Literature on Turkology (Based on Materials from the Journal "Soviet Turkology". 1970–1988). – Alma-Ata, 1989. – 94 p.}
- Сарыбаев 2004 – *Сарыбаев Ш.Ш.* А. Байтұрсынұлы және мәтін тану [Байтұрсынұлы и распознавание текста] // Ахмет Байтұрсынұлы және қазақ филологиясының мәселелері (Халықаралық ғылыми-теориялық конференция материалдары). – Алматы, 2004. – Б. 8–9. {*Sarybayev Sh.Sh.* A. Baitursynuly and Text Recognition (/Textual Studies) // Akhmet Baitursynuly and Problems of Kazakh Philology (Materials of the International Scientific and Theoretical Conference). – Almaty, 2004. – Pp. 8–9. (In Kazakh.)}
- Kenesbaew, Sarybaew 1975 – *Kenesbaew, S. und Sarybaew, Sch.* Kasachisch–mongolische lexikalische Vergleiche in der Verwandtschaftsterminologie und in den Namen der Körperteile [Казахско-монгольские лексические параллели в терминологии родства и в названиях частей тела] // Researches in Altaic Languages. Papers read at the 14th Meeting of the Permanent International Altaistic Conference, held in Szeged, August 22–28, 1971. – Edited by Louis Ligeti. Bibliotheca Orientalis Hungarica XX. – Budapest: Akadémiai Kiadó, 1975. – Pp. 83–90. {*Kenesbaew, S. and Sarybaew, Sh.* Kazakh-Mongolian Lexical Parallels in Kinship Terminology and Body Part Names // Researches in Altaic Languages. Papers read at the 14th Meeting of the Permanent International Altaistic Conference, held in Szeged, August 22–28, 1971, edited by Louis Ligeti, Bibliotheca Orientalis Hungarica XX. – Budapest: Akadémiai Kiadó, 1975. – Pp. 83–90.} (In German.)

Published in the Russian Federation.

Russian Turkology (Previous Name: *Soviet Turkology*, was founded in 1970)

Has been issued as *Russian Turkology* since 2009; ISSN: 2079-9160; E-ISSN: 2712-8121
2025. № 1–2 (46–47), pp. 126–132. Journal homepage: <http://rosturcology.ru/>

УДК/UDC: 94, 929.5

DOI 10.37892/2712-8121-2025-46-47-126-132

РЕЦЕНЗИИ И АННОТАЦИИ

ПОСЛЕДНЯЯ КНИГА ВЛАДИМИРА ЕФИМОВИЧА ВОЙТОВА*

*Игорь Леонидович Кызласов*¹

¹ Институт археологии РАН, г. Москва, Россия
доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
Scopus ID: 57191727444
e-mail: kyzlasovil@mail.ru

© ИЯз РАН, 2025

© Кызласов И.Л., 2025

Для цитирования: Кызласов И.Л. Последняя книга Владимира Ефимовича Войтова // Российская тюркология. 2025. № 1–2 (45–46). С. 126–132. DOI 10.37892/2712-8121-2025-46-47-126-132.

The last book of Vladimir Yefimovich Voytov

*Igor Leonidovich Kyzlasov*¹

¹ Institute of Archeology RAS, Moscow, Russia
Prof. Doctor of Historical Sciences, leading researcher
Scopus ID: 57191727444
e-mail: kyzlasovil@mail.ru

© IL RAS, 2025

© Kyzlasov, I.L., 2025

For citation: Kyzlasov, I.L. The last book of Vladimir Yefimovich Voytov // Russian Turkology. 2025. No. 1–2 (45–46). Pp. 126–132. DOI 10.37892/2712-8121-2025-46-47-126-132.

Всякий медиевист-сибиревед, как и всякий историк культуры Южной Сибири и Центральной Азии¹, не только хорошо знает, но и непременно использует в своих

* Работа выполнена в рамках Государственного задания ИА РАН № НИОКТР 122011200266-3.

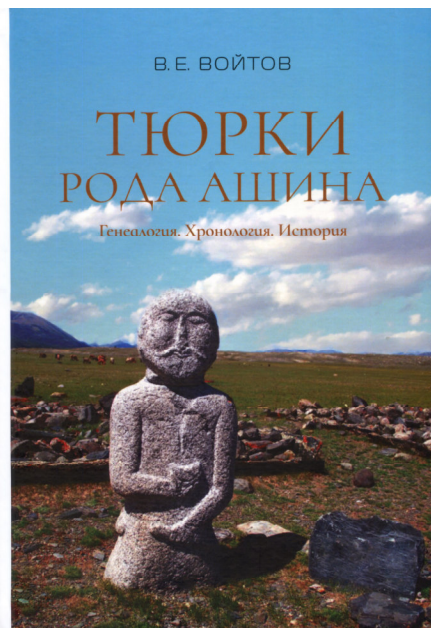
¹ Это понятие употребляется мною в рамках русской географической традиции, основанной на постоянных естественных рубежах водоразделов, а не на изменчивых во времени историко-культурных показателях западноевропейской терминологии.

разработках изданные по всей источниковедческой строгости результаты личных полевых, а затем и кабинетных исследований Владимира Ефимовича Войтова (1946–2021). Обращаясь к молодому поколению ученых-тюркологов, назову четыре основные публикации ученого, которые необходимы каждому специалисту, изучающему древности народа тюрков: «Древнетюркские памятники на Хануе» [Войтов 1986], «Каменные изваяния из Унгету» [Войтов 1987], «Онгинский памятник. Проблемы культуроведческой интерпретации» [Войтов 1989], «Древнетюркский пантеон и модель мироздания в культово-поминальных памятниках Монголии VI–VIII вв.» [Войтов 1996].

В конце 2024 г. после сложной издательской работы увидел свет фундаментальный труд Владимира Ефимовича, опубликованный по плану 2022 г., – большой том «Тюрки рода Ашина: генеалогия, хронология, история» (М.–СПб.: Нестор-История, 2022. – 764 с., илл.), включающий в себя две книги. В нашей исторической науке, в отечественном востоковедении и, в частности, в его тюркологической части еще не было такого труда.

Издание представляет собой результат большого и кропотливого, подвижнического исследования, проводившегося долгие годы. Автор продемонстрировал высокий профессионализм в области источниковедения – перед нами обстоятельный и скрупулезно проведенный анализ письменных источников и составленных на их основе научных публикаций. Подробно прослежена история всех известных представителей одной из знаменитых династий раннего Средневековья Центральной Азии – тюркского правящего рода Ашина. Его представители на протяжении почти двух веков – от середины VI до середины VIII вв. – возглавляли четыре сменявших друг друга державы-каганата, порою достигавших евразийских масштабов.

Для освящения этой проблемы автор привлек огромное количество источников, которые совместно с историографическими материалами по каждому представителю правящего рода Ашина впервые были сведены воедино. Прежде всего, речь идет о китайских источниках, ведь только в них и упоминается имя Ашина, которого нет в памятниках самой тюркской письменности (что, разумеется, известно автору [Войтов 2022: 20]). Причины такого противоречия все еще оста-

ются невыясненными, однако вполне очевидно, и хорошо показано в работе, что для самых ранних исторических этапов понятия «Ашина» и «тюрки» не должны отождествляться.

В.Е. Войтов стал первым ученым, систематизировавшим сведения из источников по упомянутым в них персоналиям. Так, в книгах 1 и 2 автором сформировано 52 персональных раздела, посвященных правителям рода Ашина, в том числе мифологическим персонажам докаганатского периода. Легендарный этап в истории Ашина (IV–V вв.) отражен в генеалогической таблице 1, включающей в себя пять поименованных персонажей (начиная с мальчика, спасенного волчицей), а также 28 их безымянных братьев и 12 жен Ичжи Нишиду и Нодулу-шада. Генеалогическая таблица 2 содержит имена 119 исторических личностей, связанных с периодом существования Великого каганата и обоих Восточнотюркских каганатов – 75 мужчин и 44 женщины.

В работе впервые в историографии осуществляется комплексное воссоздание родственных связей правящей тюркской династии на всем протяжении ее известной истории. Звучание имен и прозвищ всех деятелей рода Ашина уточнены на основе существующих реконструкций раннесредневековой китайской письменной речи. Особую научную ценность представляет тот факт, что под каждым личным именем, начинающим раздел, В.Е. Войтов приводит все варианты его звучания, зафиксированные как в письменных источниках, так и в работах исследователей.

Внимание, уделяемое В.Е. Войтовым супругам правителей Ашина, вполне оправдано. Династийные браки в Центральной Азии играли не меньшую роль, чем в средневековой Европе, однако в тюркском обществе статус жены правителя обладал большей важностью, чем в других странах. Вопреки расхожим современным представлениям о единоличной власти кагана, согласно взглядам самих тюрков, государством правила семейная пара – каган и его катун, поскольку земные правители уподоблялись небесной божественной паре – Тенгри и Умай. Отсюда обычай женитьбы преемника на овдовевшей катун, что служило механизмом легитимации власти. В.Е. Войтов детально исследует этот институт на основе письменных источников и изложил результаты в генеалогической таблице рода Ашина.

Уже этот мировоззренчески обоснованный примат парного брака, принятый у народа тюрков, подразделяет генеалогические данные рода Ашина на два периода. Можно даже предположить, что мифологический этап, в котором наблюдается многоженство правителей, восходит к иной культурной традиции.

Жанр монографии необычен. В.Е. Войтов не просто привел ссылки на письменные источники, как это принято в исторической науке, а свел воедино все варианты перевода тех мест китайских хроник, где упоминается какой-либо представитель рода Ашина. Автор не ограничился трудами корифеев русской китаистики – Н.Я. Бичурина, Н.В. Кюнера, А.Г. Малявкина, а перевел на русский язык, часто впервые, классические труды китаистов Европы, написанные на французском, немецком и английском языках. Ученый также использовал старые китаеведческие работы второй половины XIX – начала XX в. и тем самым напомнил нам об их подзабытом значении. Таким образом, Владимир Ефимович охватил как ранние, так и новейшие исследования.

Именно так, в виде последовательно приведенных цитат из письменных источников, выглядит весь текст этой обширной монографии.

Поименные разделы текста имеют разную величину – этот факт объясняется тем, что сопоставимый по длительности срок правления получил различное отражение в письменных источниках эпохи и последующей историографии. Так, каган Чулухоу правил всего полгода, но раздел о нем занимает более шести страниц текста, набранного в два столбца (С. 180–185). Дулань-каган был у власти 10 лет, и текст о нем также составляет шесть страниц (С. 185–191). Кижинь-каган правил 9 лет, что отражено на 13 страницах (С. 193–206), Шиби-каган – 11 лет, описание которых составило более 24 страниц, 49 столбцов (С. 219–244). В полный рост встает фигура Капаган-кагана – ему посвящена 51 страница с половиной, 103 столбца (С. 372–424). Деятельности и судьбе Бильге-кагана отведены 35 страниц чистого (без иллюстраций) текста (С. 435–473), а его никогда не правившему брату, славному воину Кюль-тегину – 15 страниц (С. 473–488). Так или иначе, но приводимые В.Е. Войтовым материалы в первую очередь указывают на то внимание, которое уделяли каждой из названных фигур историографы раннесредневекового Китая. Иными словами, в рецензируемой работе фактически ставится новая для историков проблема – оценки роли представителей рода Ашина современниками.

Таким образом, с большим трудолюбием и тщательностью выполнена первая часть исследования, обозначенная в подзаголовке монографии как «Генеалогия».

Общеизвестно, что разные общества по-своему исчисляют ход времени, пользуясь разными точками отсчета. В письменных культурах Средневековья одновременно существуют по несколько отличающихся друг от друга традиций, имеющих разное происхождение и нередко применяющихся параллельно внутри одного и того же сочинения, что продемонстрировало, например, изучение «Повести временных лет». Учет таких особенностей летописных описаний не может пройти мимо внимания историка.

Второй подзаголовок книги В.Е. Войтова – «Хронология» – обусловлен тем, что автор рассматривает все системы отсчета времени, бытовавшие в ранней культуре Центральной и Восточной Азии, специфику их самостоятельного применения и наложения. Речь прежде всего идет о китайских традициях введения девизов императорского правления с их внутренним летосчислением при одновременном использовании замкнутого солнечного 60-тиричного цикла, а также животного 12-годового лунного счетного круга, свойственного степным обществам. Задачу усложняет необходимость точно соотнести указанные в источниках датировки с европейским отсчетом дней, месяцев и лет по григорианскому календарю, введенному в России лишь с 1918 г.

Большим подспорьем, несомненно, являются имеющиеся справочники, однако задачу по многоуровневому пересчету дат, за долгие столетия накопившихся в разных источниках, всякий раз приходилось выполнять самому В.Е. Войтову. В результате такой скрупулезной и весьма трудоемкой деятельности ученый внес множество поправок, как в труды переводчиков разноязычных текстов, так и в работы, казалось бы, сведущих историков. Вновь перед нами предстает по-настоящему значимый личный вклад в науку автора рецензируемой монографии.

О третьем подзаголовке – «История» – много говорить не нужно. Письменные свидетельства создают большой событийный ряд, и автор сумел едва ли не поденно воссоздать историю народа тюрков и сопроводить описание цитатами из

источников. Даже классические переводы Н.Я. Бичурина, В.Н. Кюнера и других китаистов дают лишь выборочные, разрозненные сведения и потому нуждаются в дальнейшей выверке. Владеющие большим массивом источников историки-китаисты редки в тюркологии – можно, пожалуй, назвать только Лю Маоця и А.Г. Малявкина. В.Е. Войтов свел данные из десяти средневековых китайских исторических сочинений (характеризуемых на С. 12–14) и дополнил их в частях, касающихся Второго Восточнотюркского каганата, аутентичными свидетельствами собственно тюркских рунических памятников.

Избранный В.Е. Войтовым способ изложения материала на деле дает убедительный ответ на непростой для источникововеда вопрос: как историк, не будучи синологом, может проверить работу китаиста? Посредством сведения и сравнения данных автор уточнил, а то и впервые в отечественной исторической тюркологии установил даты множества конкретных событий. В результате были устранены возникшие в научной литературе заблуждения и ошибки, получена новая твердая почва для исторических построений.

Тот же прием и та же трудоемкая работа проделана с переводами памятников орхонского рунического письма – единственного тюркоязычного источника, созданного в VIII в. в самом Втором Восточнотюркском каганате.

Несмотря на обильную цитацию, перед нами полноценное авторское произведение. Важнейший принцип авторского подхода, вне всяких сомнений, проступает в повсеместном стремлении предоставить читателю объективный, строго выверенный материал. Позиция ученого проявляется не только в композиции изложения, но и в соответствующих комментариях, даже в шрифтовом выделении тех или иных приводимых слов источника или порожденных им суждений иных исследователей.

Помимо письменных источников В.Е. Войтов обращался к данным археологии и географии, выверил разночтения и уточнил географические названия, известные по хроникальным текстам, а также привел их в единой транскрипции. Особенно важным представляется то, что значительно точнее, чем прежде, были определены места обитания тех или иных степных обществ и места расположения их административных и экономически значимых пунктов. Затронутые в исследовании события излагаются в реальных климатических условиях и положены на конкретный ландшафт, для характеристики которых использованы практически не привлекавшиеся для этих целей историками-медиевистами реальные наблюдения над местностью – описания русских путешественников XIX – начала XX вв. Благодаря этому были установлены также и реальные дистанции между местностями и поселениями, необходимые для правильного понимания хода исторических событий, описанных в письменных памятниках.

В этом, несомненно, сказался личный опыт полевой работы В.Е. Войтова, прошедшего 14 экспедиционных сезонов в Монголии, – естественная для такого ученого потребность все действия видеть на конкретном ландшафте. Мы должны понимать, что Владимир Ефимович – ныне едва ли не последний российский исследователь центральноазиатских древностей, много лет проработавший в поле, на натуре, что говорит о его глубоких познаниях и высоком профессионализме.

Стоит отдельного замечания тот факт, что издание снабжено физическими и историко-политическими картами Тюркского каганата, Китая и близлежащих земель, упомянутых в письменных источниках.

Избранный способ прямого цитирования применяется автором и в историко-графической части труда: суждения историков, географов, тюркологов-лингвистов и прочих исследователей Тюркских каганатов передаются их собственными словами. Стремясь точно и скрупулезно излагать материал, В.Е. Войтов приводит оригинальные написания, в том числе выполненные китайской иероглификой и арабским письмом, что позволяет удостовериться в правильности указанных транскрипций дат, наименований, имен и характерных понятий хроникальных средневековых сочинений.

Материалы представлены на фоне широкой исторической панорамы Центральной Азии, где на протяжении веков сосуществовали и боролись могущественные племена, народы и державы. Анализ взаимоотношений степных народов с северокитайскими обществами автор начинает с центральноазиатских гуннов (сюнну) и последовательно прослеживает через все этапы политической истории региона. Особое внимание уделено положению Китая в период подчинения ему тюрков – от конца династии Суй до начала династии Тан (С. 289–337). В.Е. Войтов детально рассматривает предпосылки возникновения каждого этапа тюркской государственности, включая Первый, Второй Восточнотюркский и все последующие каганаты, задействуя в том числе мифологические источники, а также роль правящего рода Ашина.

Список использованной В.Е. Войтовым литературы колоссален, его объем приближается к 2 п. л. (С. 519–534). Этот перечень не только составляет научный аппарат работы, но и, несомненно, станет весьма полезным руководством для многих исследователей. Научную ценность имеют также пять указателей, вошедших в монографию: каждый из них (личных имен, этнонимов, топонимов, государств и специфических терминов) представляет собой аннотированный справочник энциклопедического типа, содержащий реконструкции звучания большого количества слов и соответствующие ссылки на специальную литературу. Общий объем этих указателей превышает 24 п.л. Как и в основном тексте, здесь приводится русская транскрипция китайских слов, для верности сопровождаемая оригинальными китайскими иероглифическими написаниями.

Набор подходов и методик, примененных в монографии, будет полезен не только в научной, но и в преподавательской работе. Проводимый автором разбор весьма разных по научному уровню сочинений историков заслуживает пристального внимания и может быть использован на университетских семинарских занятиях по профессиональному источниковедению.

Разумеется, в таком большом труде читатель встретит разные по обоснованности суждения, однако их разбор будет касаться лишь отдельных позиций и конкретных высказываний. Сегодня значительно важнее увидеть, как эта монография была задумана и в какой степени авторский план оказался реализован. Излагаемые в работе сведения порождают новые научные вопросы и предлагают свежие аргументы для разных исследовательских взглядов.

Данный труд еще долго будет предметом научного обсуждения, поскольку в нем представлен материал, ранее мало или вовсе не известный тюркологам. Науке предстоит также осмыслить и воспринять многочисленные уточнения дат, имен, названий местностей, произведенные В.Е. Войтовым, а это дело нескорое.

Читать эту книгу интересно, познавательно и профессионально необходимо. Однако ее надо не просто читать, с ней надо работать.

Трудно написать короткий отзыв на столь крупную и значимую монографию. Не может быть сомнений, что данная работа выполнена высоким профессионалом и отличается подлинной новизной в постановке и решении многих научных проблем.

Остается сказать, что книгу, представляющую собой многолетний труд, Владимир Ефимович Войтов открыл краткой надписью: «Светлой памяти Леонида Романовича Кызласова, Виталия Васильевича Волкова и Намсрайн Сэр-Оджава, подаривших мне Монголию, посвящаю. Автор». За 14 полевых сезонов археолог В.Е. Войтов не понаслышке постиг подлинную, вековую красоту той земли, познанию древностей и письменной истории которой он посвятил все последующие годы.

В завершение предисловия автор посчитал «своим долгом принести самые теплые слова благодарности» коллегам, оказавшим ему многолетнюю поддержку при исследовательской работе и деятельную помощь при создании монографии.

Самому Владимиру Ефимовичу не довелось увидеть выхода книги в свет, но он до последнего дня работал над ней, успев завершить рукопись, сдать ее в издательство и выправить первые листы корректуры.

Такой труд не может остаться втуне.

Литература

- Войтов 1986 – *Войтов В.Е.* Древнетюркские памятники на Хануе // Советская археология. – 1986. – №4. – С. 74–89. {*V.E. Voitov* (=V.Ye. Voytov). Ancient Turkic Monuments on Khanuy // Soviet Archaeology. – 1986. – No. 4. – Pp. 74–89.}
- Войтов 1987 – *Войтов В.Е.* Каменные изваяния из Унгету // Центральная Азия. Новые памятники письменности и искусства. – М.: Наука, Глав. редакция вост. лит-ры, 1987. – С. 92–109. {*V.E. Voitov*. Stone Sculptures from Ungetu // Central Asia. New (=Newly discovered) Monuments of Writing and Art. – Moscow: Nauka, Chief Editorial Board of Eastern (/Oriental) Literature, 1987. – Pp. 92–109.}
- Войтов 1989 – *Войтов В.Е.* Онгинский памятник. Проблемы культуроведческой интерпретации // Советская тюркология. – 1989. – № 3. – С. 34–50. {*V.E. Voitov*. The Ongin Monument. Problems of Cultural Interpretation // Soviet Turkology. – 1989. – No. 3. – Pp. 34–50.}
- Войтов 1996 – *Войтов В.Е.* Древнетюркский пантеон и модель мироздания в культово-поминальных памятниках Монголии VI–VIII вв. – М.: Изд-во Гос. музея Востока. – 1996. – 152 с. {*V.E. Voitov*. The Ancient Turkic Pantheon and the Model of the Universe in the Cult and Memorial Monuments of Mongolia in the 6th–8th Centuries. – Moscow: Publishing House of the State Museum of the East. – 1996. – 152 p.}
- Войтов 2022 – *Войтов В.Е.* Тюрки рода Ашина: генеалогия, хронология, история. – М.–СПб.: Нестор-История, 2022. – 764 с., илл. {*V.E. Voitov*. The Turks of the Ashina Clan: Genealogy, Chronology, History. – Moscow–St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2022. – 764 p., ill.}

Published in the Russian Federation.

Russian Turkology (Previous Name: *Soviet Turkology*, was founded in 1970)

Has been issued as *Russian Turkology* since 2009; ISSN: 2079-9160; E-ISSN: 2712-8121
2025. № 1–2 (46–47), pp. 133–138. Journal homepage: <http://rosturcology.ru/>

УДК/UDC: 94, 929.5

DOI 10.37892/2712-8121-2025-46-47-133-138

РЕЦЕНЗИЯ:

**ТОЛКОВЫЙ СЛОВАРЬ ХАКАССКОГО ЯЗЫКА =
ХАКАС ТІЛІНІҢ ЧАРЫДЫҒЛЫҒ СӖСТІГІ. БОЛЕЕ 5000 СЛОВ.
ТОМ I. А–П. АБАКАН: ХАКАССКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИМЕНИ В.М. ТОРОСОВА, 2020. 608 С.**

**ТОЛКОВЫЙ СЛОВАРЬ ХАКАССКОГО ЯЗЫКА =
ХАКАС ТІЛІНІҢ ЧАРЫДЫҒЛЫҒ СӖСТІГІ. БОЛЕЕ 7000 СЛОВ.
ТОМ II. С–Я. АБАКАН: ХАКАССКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИМЕНИ В.М. ТОРОСОВА, 2023. 736 С.**

*Мария Дмитриевна Чертыкова*¹

¹ Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории,
г. Абакан, Россия
доктор филологических наук
ORCID: 0000-0002-7467-4388
e-mail: chertikova@yandex.ru

© ИЯз РАН, 2025

© Четыкова М.Д., 2025

Для цитирования: Чертыкова М.Д. Рецензия: Толковый словарь хакасского языка = Хакас тілінің чарыдығылығ сөстігі. Более 5000 слов. Том I. А–П. Абакан: Хакасское книжное издательство имени В.М. Торосова, 2020. 608 с.; Толковый словарь хакасского языка = Хакас тілінің чарыдығылығ сөстігі. Более 7000 слов. Том II. С–Я. Абакан: Хакасское книжное издательство имени В.М. Торосова, 2023. 736 с. // Российская тюркология. 2025. № 1–2 (45–46). С. 133–138. DOI 10.37892/2712-8121-2025-46-47-133-138.

Review:

**Explanatory dictionary of the Khakass language =
Ҥakas тілінің чарыдығылығ сӖстігі. Over 5000 words. Volume I. A–P. Abakan:
Khakass book publishing house named after V.M. Torosov, 2020. 608 p.**

**Explanatory dictionary of the Khakass language =
Ҥakas тілінің чарыдығылығ сӖстігі. Over 7000 words. Volume II. S–Ya. Abakan:
Khakass book publishing house named after V.M. Torosov, 2023. 736 p.**

Maria Dmitriyevna Chertykova¹

¹ Khakass Research Institute of Language, Literature and History, Abakan, Russia
Doctor of Philology
ORCID: 0000-0002-7467-4388
e-mail: chertykova@yandex.ru

© IL RAS, 2025

© Chertykova, M.D. 2025

For citation: *Chertykova, M.D.* Review: Explanatory Dictionary of the Khakass Language = Khakass language of the Khakass language. More than 5,000 words. Volume 1. A–P. Abakan: Khakass Book Publishing House named after V.M. Torosov, 2020. 608 p.; Explanatory Dictionary of the Khakass Language = Khakass language of the Khakass language. More than 7,000 words. Volume II. S–Ya. Abakan: Khakass Book Publishing House named after V.M. Torosov, 2023. 736 p. // Russian Turkology. 2025. No. 1–2 (45–46). Pp. 133–138. DOI 10.37892/2712-8121-2025-46-47-133-138.

28 октября 2024 г. в здании Государственного академического Малого театра состоялась торжественная церемония награждения лауреатов Всероссийской общественной премии «Гордость нации – 2024». Среди участников награждения в номинации «За вклад в сохранение и развитие родных языков» была заведующая сектором языка ХакНИИЯЛИ, кандидат филологических наук Ирина Максимовна Чебоचाкова. Данная премия учреждена Ассамблеей народов России для активизации деятельности институтов гражданского общества, работающих в сфере национальных отношений, и для поощрения личного вклада в этнокультурное развитие и укрепление единства народов РФ. Авторы двухтомника «Толковый словарь хакасского языка = Хакас тілінің чарыдыглыг сѳстігі» приняли участие в этой номинации по инициативе и при поддержке директора ХакНИИЯЛИ, кандидата филологических наук Нины Семеновны Майнагашевой.

Такой высокий уровень признания есть результат многолетнего кропотливого труда не одного поколения хакасских филологов. Работа по созданию толкового словаря была начата в секторе языка ХакНИИЯЛИ еще в 80-е гг. прошлого века. Основные методологические положения и принципы составления словарных статей, анализа семантических и контекстуальных критериев были заложены лингвистами старшего поколения, кандидатами филологических наук Д.Ф. Патачаковой, О.В. Субраковой и О.П. Анжигановой. Ими же был начат сбор материала, написание словарных дефиниций и подбор иллюстративных примеров. Надо отметить, что в те же годы сотрудники сектора языка одновременно занимались разработкой хакасско-русского словаря, который был завершен уже другим составом авторов и увидел свет лишь 2006 г. [ХРС 2006]. Одной из главных трудностей, влияющих на продолжительность работы над подобными словарями, является дефицит профессиональных лексикографов-хакасоведов. Сотрудники сектора языка ХакНИИЯЛИ и по сей день проводят свои научные исследования параллельно с лексикографическими разработками.

Таким образом, двухтомный «Толковый словарь хакасского языка» был создан на основе рукописи «Краткого толкового словаря хакасского языка», подготовленного нашими старшими коллегами, которые, к сожалению, не увидели его выхода в свет. Авторами нового словаря являются сотрудники сектора языка

Фото с сайта Правительства Республики Хакасия: <https://r-19.ru/news/education/170278/>

ХакНИИЯЛИ О.П. Анжиганова, П.Е. Белоглазов, З.Е. Каскаракова, А.С. Кызласов, Р.Д. Сунчугашев, О.В. Субракова, В.В. Субракова, И.М. Чебочакова.

Первый том включает в себя свыше 5000 словарных статей на буквы А–П. Он состоит из предисловия, статьи о рунической письменности древних хакасов, собственно словарных статей, а также очерка по хакасскому языку со сведениями по его фонетическому, лексическому и грамматическому строю.

В Предисловии приводится основная информация о толковом словаре и его составителях, структуре словарной статьи, списке принятых сокращений, грамматических, стилистических и других пометах, источниках иллюстративных материалов, использованных в словарных статьях.

Представленное издание является первым опытом толкового словаря на хакасском языке и, следовательно, первым опытом толкования хакасских слов средствами самого хакасского языка. Отличительной чертой словаря выступает билингвальная подача материала: базовые значения лексических единиц и фразеологизмов сопровождаются переводом на русский язык, что существенно расширяет целевую аудиторию за счет читателей, не владеющих хакасским языком. Также издание выполняет важную дидактическую функцию, способствуя обогащению словарного запаса обучающихся хакасскому языку.

В обоих томах применяется несколько способов толкования лексических единиц, среди которых наиболее частотными являются синонимический, описательный, перечислительный, отрицательного определения и метод отсылочной дефиниции.

Описательный способ представляет собой наиболее универсальный и часто используемый метод семантизации лексических единиц в лексикографии. Однако в данном случае его применение сталкивается с рядом объективных ограничений, обусловленных недостаточной развитостью справочного и дефиниционного потенциала хакасского языка. Безусловно, создание первого толкового словаря стало отправной точкой для формирования описательных моделей хакасской терминосистемы.

Пример: **МОНЧЫХ** адал. Мойынға кизіп, чазанчаң ис, чазағ; мойынға кичеткен аарлығ тастарнаң чізілген ипчілернің чазанчығы, сурларнаң чізілген чазанчаң ниме. – Ожерелье, бусы, бусинка. *Хызыл галстуктарын хызарта палгангалап салган пионерлер, оох мончыхтар чіли, чонның алнында чізіліс парганнар* (БФ ТО). *Часхызы читсе, көк от көгенекнең чабынып, чахайах мончыхтар кис салчалар* (ТМ ЧЧ) [ТСХЯ I 2020: 324].

Данный метод также эффективен при толковании лексических единиц, вышедших из активного употребления в современном хакасском языке. В доступной форме объясняется значение такого слова, как, например, **НАМЫТ** адал. 1. көр: нат. *Суг ағынынаң чир, сай, чылаңмас чыыл (тастал) парған чир; ідөк чил үбүргеннең чир, хум үүл парған орын.* – Наносы. *Суг намыды иледе тастал парған. Намыт чыылган орында өлен палыгастар тол парганнар.* 2. *Пір орында чыыл парған чон.* – перен. Толпа, сброд. *Хара намыт суулазы истілген. Намыт иледе киректер сайбаан* [ТСХЯ I 2020: 345].

Синонимический способ позволяет лучше раскрыть различные аспекты семантической структуры слова. Материалы таких словарных статей могут послужить основой для составления другого вида словарей – синонимических. Например, **ИДЕЕЛБЕС** адал. *Аргаас, ниме чарабаан, эрінчек, ниме идерге хынмас.* – Лентяй, лодырь. *Идеелбес пала школаа пір дее тимненмин чөрче. Идеелбестің харагы чітіг* (ЧТ). *Идеелбесті тоғындырып аларга угаа сидік полча* [ТСХЯ I 2020: 141].

Отметим, что данный способ применяется и в русских переводах, где также приводятся соответствующие синонимы. Например, **ПАЗЫМ I** адал. *Амыр, посты иптiг тудыныс.* – Выдержка, скромность, сдержанность. *Пазым оңдайлыг оол. Пу киректе махачы ла нимес, че паза пазым киректелген* [ТСХЯ I 2020: 447].

Метод отсылочной дефиниции приближен к синонимическому, поскольку используется при толковании слов, являющихся близкими по значению, в том числе однокоренных лексем. Например, **ИЗЕН-ХАЗЫХ** көр: изен; көр: здоровый. *Изен-хазыхсар ба? Прайзы изен-хазых, талаан-часкалыг ползын. Позын изен-хазых тузында көрерге киліспеен* (ХЧ). *Ирткен чаадаң агам изен-хазых айланган* [ТСХЯ I 2020: 144]; **САЙРАМ II** адал., көр.: сайрама [ТСХЯ II: 33]; **УСТАНЧЫ** адал., көр.: узанчы [ТСХЯ II: 364]; **УЛАР II: УЛАР ХАЗАН** адал., көр.: күлер хазан, үлер хазан, тиң: улай. Огромный казан, предназначенный для приготовления еды для большого количества людей; {...} [ТСХЯ II: 344] и др.

Ключевым преимуществом первого тома толкового словаря является наличие научных статей, позволяющих проследить динамику формирования хакасского языка с древности до современного состояния. В начальной статье «Руническая письменность хакасов» (авторы – А.С. Кызласов, И.М. Чебочакова) [ТСХЯ I 2020: 16–20] исследуется развитие системы письма у древних хакасов, а также анализируются выполненные на нем тексты как формы письменно-литератур-

ного существования языка и показатель достижения древними хакасами высокого уровня социокультурного развития. Авторы заключают, что «<...> разнохарактерность обнаруженных на территории Хакасии памятников енисейского рунического письма, исторические и фольклорные данные позволяют судить о распространённости грамотности среди предков хакасов» [ТСХЯ I 2020: 20]. В завершающей статье «Хакасский язык: очерк» (авторы – Л.И. Чебодаева, В.В. Субракова, И.М. Чебочакова) приводятся сведения по фонетике, грамматике и лексике хакасского языка, отражающие результаты последних научных исследований в этой сфере [ТСХЯ I 2020: 524–606]. Данный очерк является ценным вспомогательным материалом в дополнение к имеющейся «Грамматике хакасского языка» 1975 года издания. Например, в нем проводится развернутый анализ семантических функций частиц [ТСХЯ I 2020: 565–568], в то время как в «Грамматике» содержится систематизированное описание их классических семантических типов – вопросительные, усилительные, ограничительные, утвердительные и т. д. [Грамматика хакасского языка 1975: 245–253]. Отметим, что на сегодняшний день одной из наиболее насущных и первоочередных задач хакасской лингвистики является разработка обновленной версии грамматики хакасского языка.

Во второй том толкового словаря вошли более 7000 словарных статей на буквы С–Я. В список авторов добавилось имя молодого исследователя, научного сотрудника сектора языка ХакНИИЯЛИ К.В. Кичеевой. Составители стремились как можно полнее отразить лексическое богатство хакасского языка и дополнили свою работу материалами, не входившими в «Хакасско-русский словарь» 2006 года (ХРС). Впервые в хакасской лексикографии в словарь вошла лексика разговорного стиля (междометия, ругательства, звукоподражательные слова, экспрессивы и др.): *уйс*, *ук-ук-а*, *уух-аах*, *уух-аах* // *аах-уух*; *уухтирга* ‘издавать звук у-ух или подобный ему’ [ТСХЯ II 2023: 370], *якра*, *язба*, *ябыл* и т. д. Подобные лексические единицы, несмотря на высокую частотность в бытовой коммуникации, ранее не становились объектом научного или лексикографического описания. Основная сложность заключается в семантической вариативности таких слов в зависимости от контекста, приводящей к неоднозначной трактовке их значений.

В современном хакасском языкознании, несмотря на определенный накопленный лексикографический опыт, сохраняется острая потребность в качественных академических и идеографических словарях – как в образовательной практике (школьной и вузовской), так и в научных лингвистических исследованиях. В этом плане двухтомный «Толковый словарь хакасского языка = Хакас тілінің чарыдыҕлыг сөстiгi» стал значимым вкладом в развитие хакасской лексикографии. Его авторы, опираясь на материалы и опыт составителей фундаментального «Хакасско-русского словаря» 2006 года [ХРС 2006], существенно обогатили словарные статьи за счет развернутых толкований, грамматических, сочетаемостных и орфоэпических характеристик. Дефиниционный анализ многозначных слов стал более глубоким, например, **сабыларҕа** II ‘передвигаться, перемещаться’ в «Хакасско-русском словаре» имеет 5 лексико-семантических вариантов (ЛСВ) [ХРС 2006: 423], а во втором томе «Толкового словаря» – 8 [ТСХЯ I: 19]; **хысхыларҕа** ‘кричать, шуметь, орать, вопить’ в ХРС имеет 2 ЛСВ [ХРС 2006: 905], а в ТСХЯ – 13 [ТСХЯ: 561] и др. Все значения подкреплены иллюстративными примерами из произведений художественной литературы, фольклорных текстов и других аутен-

тичных источников, что позволяет раскрыть семантические особенности каждого слова и ЛВС многозначной лексики.

Лексическая система любого языка представляет собой бездонное богатство; она постоянно развивается и эволюционирует в соответствии с социокультурными изменениями в обществе, при этом особенно интенсивные трансформации наблюдаются в периоды социально-исторических переломов. Поэтому проекты по созданию словарей всегда обладают значительным лингвистическим потенциалом и открывают перспективы для последующих научных исследований. Каждый словарь имеет эпохальное значение, поскольку в нем фиксируется лексика, отражающая мировидение этноса в конкретный исторический период. Отсюда очевидно, что лексикон любого языка хранит в себе еще много неизученных, неразгаданных, а оттого и представляющих интерес в лексикографическом плане концептуальных полей. Толковый словарь выступает важным инструментом репрезентации этнокультурной и мировоззренческой специфики народа, будучи тесно связанным с национальной картиной мира. Его роль существенна в контексте сохранения и развития родного языка, поскольку он кодифицирует нормы употребления, отражает семантическую динамику и обеспечивает преемственность языковой традиции.

Всего издано 2300 экземпляров «Толкового словаря хакасского языка», они находятся в образовательных учреждениях и библиотеках Республики Хакасия. Словарь предназначен для преподавателей вузов, колледжей и школ, переводчиков, работников печати, радио и телевидения, а также для широкого круга читателей, интересующихся хакасским языком. Данная работа представляет особый интерес для ученых-тюркологов.

Литература

- Грамматика хакасского языка 1975 – Грамматика хакасского языка. /Под редакцией профессора Н.А. Баскакова. – М.: Издательство «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1975. – 420 с. {The Grammar of the Khakass Language. /Ed. by Prof. N.A. Baskakov. – Moscow: “Nauka” Publishing House, Chief Editorial Board of Eastern (/Oriental) Literature 1975. – 420 p.}
- ТСХЯ I – Толковый словарь хакасского языка = Хакас тілінің чарыдыглыг сөстiгi. Более 5000 слов. Том I. А–П. Абакан: Хакасское книжное издательство имени В.М. Торосова, 2020. – 608 с. {An Explanatory Dictionary of the Khakass Language. = Ėakas tilinĭn ĉarydyglyg sŏstĭgĭ. Over (/more than) 5000 Words. – Vol. I. – A–P. – Abakan: Khakass Book Publishing House Named After V. M. Torosov, 2020. – 608 p.}
- ТСХЯ II – Толковый словарь хакасского языка = Хакас тілінің чарыдыглыг сөстiгi. Более 7000 слов. – Том II. С–Я. – Абакан: Хакасское книжное издательство имени В.М. Торосова, 2023. – 736 с. {An Explanatory Dictionary of the Khakass Language = Ėakas tilinĭn ĉarydyglyg sŏstĭgĭ. Over (/more than) 7000 Words. – Vol. II. – S–Ėa. – Abakan: Khakass Book Publishing House Named After V.M. Torosov, 2023. – 736 p.}
- ХРС 2006 – Хакасско-русский словарь – Хакас-орыс сөстiгi: около 22 тыс. слов. Авторы-составители: О.П. Анжиганова, Н.А. Баскаков, М.И. Боргояков, А.И. Инкижекова-Грекул, Д.Ф. Патачакова, О.В. Субракова, П.Е. Белоглазов, З.Е. Каскаракова, А.С. Кызласов, Р.Д. Сунчугашев, М.Д. Чертыкова. Под общей редакцией О.В. Субраковой. Новосибирск: Наука, 2006. – 1114 с. {A Khakass-Russian Dictionary = Ėakas-orys sŏstĭgĭ: About (/Approximately) 22 Thousand Words. – (Compiling) Authors: O.P. Anzhiganova, N.A. Baskakov, M.I. Borgoyakov, A.I. Inkizhekova-Grekul, D.F. Patachakova, O.V. Subrakova, P.Ye. Beloglazov, Z.Ye. Kaskarakova, A.S. Kyzlasov, R.D. Sunchugashev, M.D. Chertykova. – Editor-in-chief (Under the general editorship of): O.V. Subrakova. – Novosibirsk: “Nauka” Publishing House, 2006. – 1114 p.}

Published in the Russian Federation.

Russian Turkology (Previous Name: *Soviet Turkology*, was founded in 1970)

Has been issued as *Russian Turkology* since 2009; ISSN: 2079-9160; E-ISSN: 2712-8121
2025. № 1–2 (46–47), pp. 139–143. Journal homepage: <http://rosturcology.ru/>

УДК/UDC: 94, 929.5

DOI 10.37892/2712-8121-2025-46-47-139-143

ЮБИЛЯРЫ ЭТОГО ГОДА

55 ЛЕТ, ПОСВЯЩЕННЫХ НАУКЕ: ПУТЬ ДЛИННОЮ В ЖИЗНЬ (К ЮБИЛЕЮ И. Я. СЕЛЮТИНОЙ)

*Николай Сергеевич Уртегешев*¹

¹ Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук
(ИФЛ СО РАН). Новосибирск, Россия
доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник
ORCID: 0000-0001-8616-4652
Scopus ID: 56610290000
e-mail: urtegeshev@mail.ru

© ИЯз РАН, 2025

© Уртегешев Н.С., 2025

Для цитирования: *Уртегешев Н.С.* 55 лет, посвященных науке: путь длиною в жизнь // Российская тюркология. 2025. № 1–2 (45–46). С. 139–143. DOI 10.37892/2712-8121-2025-46-47-139-143.

55 years dedicated to science: the journey of a lifetime (dedicated to I.Ya. Selyutina's anniversary)

*Nikolay Sergeyevich Urtegeshev*¹

¹ Federal State Budgetary Institution of Science Institute of Philology of the Siberian Branch
of the Russian Academy of Sciences (IFL SB RAS). Novosibirsk, Russia
Doctor of Philology, Senior Researcher,
ORCID: 0000-0001-8616-4652
Scopus ID: 56610290000
e-mail: urtegeshev@mail.ru

© IL RAS, 2025

© Urtegeshev, N.S., 2025

For citation: *Urtegeshev, N.S.* 55 years dedicated to science: the journey of a lifetime // Russian Turkology. 2025. No. 1–2 (45–46). Pp. 139–143. DOI 10.37892/2712-8121-2025-46-47-139-143.

В 2025 г. известный ученый, доктор филологических наук, профессор Ираида Яковлевна Селютина отметила свой 80-летний юбилей и 55 лет плодотворной научной деятельности. Ираида Яковлевна – главный научный сотрудник Лаборатории экспериментально-фонетических исследований им. В.М. Наделяева сектора языков народов Сибири Института филологии Сибирского отделения РАН, признанный эксперт в области экспериментальной фонетики.

Жизненный путь Ираиды Яковлевны начался 30 октября 1945 г. в Курской области. Вскоре семья переехала на о. Сахалин, в г. Холмск, где ее отец был назначен редактором местной газеты. Дорога до нового дома была долгой и непростой: сначала поездом из Курской области до Москвы, а затем до Владивостока, и, наконец, трехдневное путешествие на пароходе «Крильон», во время которого они попали в сильный шторм.

Первое жилище семьи Селютиных в Холмске представляло собой скромную постройку с тонкими стенами, продуваемую всеми ветрами. Несмотря на суровые условия, Ираида Яковлевна с отличием окончила школу в 1964 г. Попытка поступить в МГУ в тот год не увенчалась успехом, и она вернулась в Холмск, где работала в детском саду и помогала в подготовке школьных мероприятий.

По совету одноклассника, студента НГУ, Ираида Яковлевна решила попытаться счастья в Новосибирске. Подача документов в НГУ оказалась непростой из-за проблем с почтой, но ее ждали! Профессор Кирилл Алексеевич Тимофеев, узнав о золотой медалистке с о. Сахалина, лично захотел с ней познакомиться. Впоследствии он стал ее научным руководителем, под началом которого были написаны курсовые работы и диплом, посвященный особенностям склонения имен существительных в Друцком евангелии. В 1970 г. Ираида Яковлевна с отличием окончила гуманитарный факультет НГУ по специальности «Филолог».

В 1971 г. по рекомендации К.А. Тимофеева Ираида Яковлевна начала работу в Институте истории, филологии и философии СО АН СССР в Лаборатории экспериментально-фонетических исследований, созданной В.М. Наделяевым. Ей пришлось сменить специализацию и перейти от древнерусского языка к изучению сибирских языков. С этого момента ее жизнь неразрывно связана с лабораторией и экспериментальной фонетикой. Она прошла путь от старшего лаборанта до главного научного сотрудника, которым является с 2003 г.

Ираида Яковлевна Селютина – выдающийся лингвист, посвятившая свою научную деятельность изучению фонетики тюркских языков Сибири. Ее вклад в эту область огромен и многогранен. В 1980 г. она защитила кандидатскую диссертацию, посвященную консонантизму кумандинского языка, а в 2000 г. – докторскую диссертацию, рассматривающую фонетику кумандинского как историко-лингвистический источник. В 2005 г. ей было присвоено звание профессора по специальности «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание».

С 2007 г. Ираида Яковлевна является членом Российского комитета тюркологов при РАН. Долгое время была бессменным председателем Государственной аттестационной комиссии в Горно-Алтайском государственном университете по направлениям «Родной язык и литература» и «Филология».

Ее экспертное мнение востребовано на международном уровне. Она выступала академическим экспертом QS World University Rankings и экспертом Российского научного фонда. Кроме того, Ираида Яковлевна входит в состав редколлегий и редакционных советов ряда авторитетных научных журналов России. В 2012 г. она была сотрудником Тюркской академии Республики Казахстан.

После кончины своего учителя, В.М. Наделяева, Ираида Яковлевна возглавила Лабораторию экспериментально-фонетических исследований (ЛЭФИ), продолжая и развивая его научные концепции. В сложные 90-е годы, несмотря на трудности с финансированием, ей удалось сохранить лабораторию и привлечь новых учеников, обеспечив преемственность научных традиций.

Под ее руководством впервые в лингвистике стало проводится комплексное, массовое изучение звуковых систем миноритарных языков Сибири с использованием объективных инструментальных методов. Применение данных экспериментальной фонетики позволило получить новые теоретические результаты, важные для фонетической типологии и этнолингвистики, в частности, была предложена новая типологическая классификация консонантных систем в урало-алтайских языках и определены общие и специфические параметры артикуляционно-акустических баз южносибирских тюркских этносов.

И.Я. Селютина занимается изучением звуковых систем северных диалектов алтайского языка, выявляя их общие и специфические черты в сравнении с другими тюркскими и нетюркскими языками. Ее исследования, в сочетании с данными антропологии и этнографии, указывают на сложное, смешанное происхождение северо-алтайских этнических групп и позволяют предположить, что особенности их артикуляционно-акустической базы являются результатом ассимиляции тюрками предшествующего угро-самодийского субстрата.

Ираида Яковлевна является автором 370 научных работ, включая 18 монографий, получивших положительные отзывы в журналах *Word* и *Ural-Altaische Jahrbücher*. Ее статьи опубликованы в престижных отечественных и зарубежных изданиях и журналах. Она также подготовила и издала шесть учебных пособий, в том числе «Фонетика языков народов Сибири», «Фонологические системы языков народов Сибири», «Введение в общую фонетику» и «Звуковые системы языков народов Сибири». И.Я. Селютина является редактором 12 сборников научных трудов и 25 монографий.

С губернатором Новосибирской области А.А.Травниковым

И.Я. Селютина – признанный эксперт в области фонетики, активно участвующий в международном научном обмене. Она регулярно представляет результаты своих исследований на конференциях и симпозиумах различного уровня, имея в своем активе более 100 докладов.

Значительную часть своей деятельности Ираида Яковлевна посвятила подготовке нового поколения фонетистов-экспериментаторов, в том числе и для вузов Сибири. Она вела лекционные курсы, руководила дипломными и диссертационными работами. Так, в Новосибирском государственном университете И.Я. Селютина читала специализированные курсы для студентов и аспирантов, посвященные фонологическим системам языков Сибири и современным методам экспериментально-фонетических исследований.

Кроме того, она являлась профессором кафедры алтайского языка и литературы в Горно-Алтайском государственном университете. Под ее научным руководством успешно защищены 11 кандидатских диссертаций и одна докторская.

Ираида Яковлевна активно участвовала в организации научной жизни, будучи ученым секретарем многочисленных международных и региональных конференций, а также членом оргкомитетов конференций, проводимых Объединенным институтом истории, филологии и философии СО РАН. На протяжении многих лет она являлась членом Ученого совета Института филологии СО РАН и входила в состав специализированных и диссертационных советов по защите кандидатских и докторских диссертаций. В 1996 г. И.Я. Селютиной было присвоено почетное звание «Заслуженный ветеран Сибирского Отделения РАН».

В преддверии Дня российской науки президент России подписал указ «О награждении государственными наградами Российской Федерации» (№ 59 от 06.02.2026). Согласно указу, «за заслуги в научной деятельности и многолетнюю добросовестную работу» медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени награждена доктор филологических наук профессор Ираида Яковлевна Селютина. Награда была вручена 30 апреля 2026 г. – в день первого празднования Дня коренных малочисленных народов Российской Федерации (учрежден Указом Президента от 4 ноября 2025 года № 799) – в торжественной обстановке губернатором Новосибирской области Андреем Александровичем Травниковым.

Ираида Яковлевна Селютина поражает своей энергией и душевной щедростью. Она успевает не только писать статьи и делать доклады на высоком уровне, но и помогать другим. Она всегда в курсе научных новинок и событий, происходящих в мире и в жизни ее учеников. Ираида Яковлевна поддерживает связь с родными, друзьями, одноклассниками и сокурсниками. Она умеет найти подход

к каждому, выслушать, поддержать и дать совет. Ее мнение ценно, а общение с ней всегда интересно.

Ираида Яковлевна Селютина внесла и продолжает вносить огромный личный вклад в дело фиксации, сохранения и исследования языков коренных народов Сибири и их звуковых систем.

С Юбилеем, дорогая Ираида Яковлевна! Желаем Вам научного долголетия, здоровья и успехов во всех начинаниях!¹

¹ Список научных трудов И.Я. Селютиной представлен на сайте Института филологии СО РАН – URL: <https://www.philology.nsc.ru/departments/lefi/people/selutina.php> (дата обращения: 03.10.2025), а также в Научной электронной библиотеке – URL: https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=73674&pubrole=100&show_refs=1&pubcat=risc (дата обращения: 03.10.2025).

Published in the Russian Federation.

Russian Turkology (Previous Name: *Soviet Turkology*, was founded in 1970)

Has been issued as *Russian Turkology* since 2009; ISSN: 2079-9160; E-ISSN: 2712-8121
2025. № 1–2 (46–47), pp. 144–151. Journal homepage: <http://rostrurcology.ru/>

УДК/UDC: 811.512.122

DOI 10.37892/2712-8121-2025-46-47-144-151

ЕФРЕМОВ НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ (К 75-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)

*Федор Николаевич Дьячковский*¹

¹ Институт гуманитарных исследований и проблем
малочисленных народов Севера СО РАН, г. Якутск, Россия
Кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела якутского языка
ORCID: ID 0000-0001-8132-4215
e-mail: fedjatschkov0801@mail.ru

© ИЯз РАН, 2025

© Дьячковский Ф.Н., 2025

Для цитирования: *Дьячковский Ф.Н.* Ефремов Николай Николаевич (к 75-летию со дня рождения) // *Российская тюркология*. 2025. № 1–2 (45–46). С. 144–151. DOI 10.37892/2712-8121-2025-46-47-144-151.

**Nikolay Nikolayevich Yefremov
(dedicated to his 75th birthday)**

*Fedor Nikolayevich Diyachkovskiy*¹

¹ Institute for Humanities Research and Problems of Indigenous Peoples of the North SB RAS,
677027 Yakutsk, Russia,
Candidate of Sciences (Philology), Leading Researcher
of the Department of Yakut Languages
ORCID: ID 0000-0001-8132-4215
e-mail: fedjatschkov0801@mail.ru

© IL RAS, 2025

© Diyachkovskiy, F.N., 2025

For citation: *Diyachkovskiy, F.N.* Nikolay Nikolayevich Yefremov (Dedicated to his 75th birthday) // *Russian Turkology*. 2025. No. 1–2 (45–46). Pp. 144–151. DOI 10.37892/2712-8121-2025-46-47-144-151.

21 марта 2025 г. отметил свой 75-й юбилей Николай Николаевич Ефремов – доктор филологических наук, главный научный сотрудник отдела якутского языка Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения РАН (ИГИИПМНС СО РАН) – обособленного

структурного подразделения ФИЦ «Якутский научный центр СО РАН», заслуженный ветеран СО РАН, заслуженный деятель науки Республики Саха (Якутия), внесший неоценимый вклад в изучение и развитие родного якутского языка.

Николай Николаевич родился 21 марта 1950 г. в с. Бетюн Амгинского района Якутской АССР. После окончания историко-филологического факультета Якутского государственного университета в 1976 г. поступил в аспирантуру Якутского филиала Сибирского отделения АН СССР. Успешно окончив аспирантуру, был принят на работу в Институт языка, литературы и истории Якутского филиала СО АН СССР. Занимал следующие должности: 1979–1980 гг. – лаборант, 1980–1986 гг. – младший научный сотрудник, 1986–1991 гг. – научный сотрудник, 1991–1999 гг. – старший научный сотрудник, с 1999 г. – заведующий отделом грамматики и диалектологии, 2004–2005 гг. – заведующий отделом современных проблем якутского языка, с 2005 г. – главный научный сотрудник отдела якутского языка ИГиПМНС СО РАН.

В 1981 г. под руководством видного ученого-лингвиста, основателя новосибирской синтаксической школы, д.ф.н., профессора Новосибирского государственного университета Майи Ивановны Черемисиной защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата филологических наук по теме «Сложноподчиненные предложения времени в якутском языке». В этой работе были рассмотрены с помощью методики структурно-семантического моделирования синтетические и аналитико-синтетические сложноподчиненные (бипредикативные) предложения якутского языка. Структурные модели подобных предложений были представлены формами зависимых сказуемых в символической записи. Были выделены модели дифференцированного и недифференцированного временного значения. Семантика этих моделей была представлена прежде всего в виде одновременности и разновременности. Всего были установлены 123 структурно-семантические модели указанных предложений. Данная работа является первым исследованием, в котором бипредикативные конструкции синтетического и аналитико-синтетического типа были освещены в качестве двусторонних синтаксических знаков.

В 1999 г. Н.Н. Ефремов защитил докторскую диссертацию по теме «Полипредикативные конструкции якутского языка: система, структура, семантика».

Николай Николаевич с научным руководителем кандидатской диссертации
проф. М.И. Черемисиной (2008, 22 октября)

Ученый впервые системно описал полипредикативные конструкции (ППК) с точки зрения их структурной и семантической организации и с учетом ключевых особенностей якутского языка – агглютинативности и комплексивности (бессоюзия). Исследователь предложил новую схему классификации структурно-семантических моделей ППК, разделив их на два типа: базовую и конкретизированные в зависимости от способа выражения предикативности. В базовой модели категория предикативности представлена формой компонентов – членов предложения, в конкретизированных моделях – формами относительно самостоятельных предложений. Ядро системы ППК образуют построения синтетического типа – конструкции, в которых предикативные части являются формами компонентов предложения. Периферию системы составляют аналитические ППК – конструкции, где предикативные части выступают в виде форм относительно самостоятельных предложений. Основным средством связи компонентов полипредикативных конструкций являются синтетические формы – так называемый «нулевой» показатель и фиксированный порядок слов, проявляющийся в виде структурной схемы «зависимая предикативная конструкция (ЗПК) + главная предикативная конструкция (ГПК)». Она конкретизируется такими способами связи, как изафет, управление и согласование, то есть определенными показателями подчинительного типа. По результатам научных исследований были сделаны доклады и сообщения на научных и научно-практических конференциях разного уровня в Москве, Санкт-Петербурге, Новосибирске, Нальчике, Якутске и в других городах и регионах России.

В настоящее время д.ф.н. Н.Н. Ефремов – известный специалист в области грамматики, лексикологии и лексикографии якутского языка, а также истории духовной культуры якутского народа. Он принадлежит к числу ученых-лингвистов, которые работают на стыке наук, хорошо разбираются в фольклоре, литературе и духовной культуре изучаемых регионов, а также в диалектах Сибири и северо-востока России. Николай Николаевич – автор более 300 научных и научно-популярных публикаций: монографий «Сложноподчиненные предложения времени в якутском языке» (М., 1984), «Грамматика современного якутского литературного языка» (Новосибирск, 1995, соавтор), «Полипредикативные конструкции в якутском языке» (Новосибирск, 1998), соавтор коллективных монографий: «Россия и Якутия: сквозь призму истории» (Якутск, 2007), «Функционально-семантические категории в якутском языке: каузальность, эвиденциальность, итеративность» (Новосибирск, 2013), «Функционально-семантические категории в якутском языке: грамматическая и лексическая база» (Якутск, 2017); «Категория образности в языке» (Якутск, 2019), «Тюркские ареалы Сибири» (Новосибирск, 2022), «Языковое и литературное образование в поликультурной среде: теоретические и методические аспекты» (Якутск, 2023), «Язык и культура: текст и контекст. Междисциплинарные исследования» (Якутск, 2023), «Функционально-семантические категории в якутском языке: взаимодействие лексики и грамматики» (Новосибирск, 2024), «SIBERICA: Сибирские исследования» (Анкара, 2024).

Николай Николаевич внес значительный вклад в развитие академической науки Республики Саха благодаря своим работам по актуальным теоретическим и прикладным проблемам современного якутского языка, в частности в области полипредикативного синтаксиса, а также функционально-семантических категорий якутского языка. Материалы его диссертации используются при чтении курса лекций по синтаксису якутского языка в Северо-Восточном федеральном университете им. М.К. Аммосова.

В период с 1992 по 2008 гг. Н.Н. Ефремов, кроме работы в ИГиИПМНС СО РАН, также занимал должности доцента и затем профессора в Северо-Восточном федеральном университете им. М.К. Аммосова. В настоящее время он возглавляет государственные экзаменационные и аттестационные комиссии в Институте языков и культуры народов Северо-Востока РФ СВФУ им. М.К. Аммосова.

Н.Н. Ефремов – соавтор учебных пособий «Курс якутской грамматики» (Якутск, 2004) и «Изучающим якутский язык» (Якутск, 1990), принимал участие в составлении «Понятийно-терминологического русско-якутского словаря по психологии» (Якутск, 1994) и «Орфографического словаря якутского языка» (Якутск, 2001). Был членом редколлегии и составителем двух томов «Большого толкового словаря якутского языка» (Новосибирск, 2004–2018).

Николай Николаевич посвятил множество статей изучению истории своей родной Амги, в том числе генеалогии Немчиновых, Артемьевых, Расторгуевых, семьи известного российского этнографа и фольклориста В.Н. Васильева, а также академика АН СССР, Героя Социалистического Труда Л.В. Киренского и др. В своих работах Н.Н. Ефремов освещал жизнь и деятельность ученых-тюркологов и якутоведов, таких как О.Н. Бётлингк, С.А. Новгородов, С.В. Ястремский, Д.В. Хитров, Л.Н. Харитонов, Н.К. Антонов, Е.И. Убрятова, В.М. Надеяев, Е.И. Коркина, П.А. Слепцов, Г.Г. Филиппов, Н.И. Данилова и др.

Н.Н. Ефремов с коллегами после круглого стола,
посвященного памяти проф. Н.Е. Петрова (2024, декабрь)

Особое внимание Николай Николаевич уделяет изучению лингвистических аспектов якутского фольклора. Он исследовал язык эпического произведения *олонхо* Т.В. Захарова-Чэбия, творчество С.А. Зверева-Кыыл Уола и других исполнителей. Ученый анализировал работы собирателей якутского эпического наследия, таких как В.Н. Васильев и Э.К. Пекарский. Среди научных трудов Н.Н. Ефремова есть публикации, посвященные творчеству якутских писателей А.Е. Кулаковского, П.А. Ойунского, А.И. Софронова и В.Г. Короленко. Кроме того, Николай Николаевич является переводчиком учебника «Основы православной культуры» (2012) на якутский язык, филологическим редактором якутских переводов православной литературы («Новый Завет» (2004, 2008), «Детская Библия» (2016), книг «Ветхого Завета» – «Бытие», «Исход», (2021, 2022)) и др. Все это свидетельствует о широких научных интересах якутского ученого.

Н.Н. Ефремов – эрудированный и трудолюбивый человек, обладающий исключительными профессиональными качествами. Он открыт и доброжелателен к людям, пользуется уважением в своем коллективе и в Республике Саха (Якутия). Его знают и ценят как выдающегося ученого-тюрколога не только в России, но и за ее пределами.

В течение многих лет Николай Николаевич успешно совмещает научную работу с активной деятельностью в области организации науки. На протяжении длительного времени он занимал должность ученого секретаря, а затем и председателя диссертационного совета по защите докторских и кандидатских диссертаций по специальности «Русский язык. Языки народов Российской Федерации (филологические науки)» на базе Федерального исследовательского центра

Н.Н. Ефремов с коллегами во время встречи с проф., д.ф.н.
Натальей Николаевной Широбоковой (Новосибирск, октябрь, 2014 г.)

«Якутский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук». Признание научных и организаторских заслуг Н.Н. Ефремова было отмечено присуждением ему премии имени С.А. Новгородова, первого якутского ученого-лингвиста, от главы Республики Саха (Якутия) в 2020 г., а также присвоением звания «Заслуженный деятель науки Республики Саха (Якутия)» в 2010 г. Под руководством Николая Николаевича было подготовлено четыре кандидата наук, в том числе Н.А. Сивцева, Е.П. Копырина, Н.С. Сивцева, Е.П. Федорова.

В 2016–2023 гг. Н.Н. Ефремов был главным редактором научного журнала «Северо-Восточный гуманитарный вестник». Является членом редколлегии следующих научных журналов: «Эпосоведение», «Вестник СВФУ им. М.К. Аммосова», «Алтаистика», «Северо-Восточный гуманитарный вестник», «Полилингвальность и транскультурные практики», «Российский гуманитарный журнал», «Вопросы истории и культуры северных стран и территорий». Член диссертационного совета по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук 24.2.396.03, созданного на базе ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова». Эксперт РАН, член учебно-методического совета Министерства образования и науки Республики Саха (Якутия).

Награжден орденом Русской Православной Церкви святителя Макария Митрополита Московского III степени (2012), почетной грамотой Постоянного коми-

тета по науке и образованию Государственного Собрания (Ил Түмэн / Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия) (2014), нагрудным знаком «За заслуги в области науки» Госкомитета РС(Я) по инновационной политике и науке (2015), почетной грамотой РАН (2017), юбилейной медалью «150 лет Якутской епархии РПЦ» (2021).

Николай Николаевич Ефремов – замечательный семьянин, у него двое детей, и он активно участвует в воспитании внуков. В честь знаменательного юбилея пожелаем Николаю Николаевичу крепкого здоровья, долгих лет жизни, новых творческих достижений в работе и научных исследованиях!

Основные работы Н.Н. Ефремова

- Ефремов Н.Н.* Сложноподчиненные предложения времени в якутском языке. – М.: Наука, 1984. 85 с. {*N.N. Yefremov.* Complex Tense Sentences in the Yakut Language. – Moscow: Nauka, 1984. – 85 p.}
- Ефремов Н.Н.* Полипредикативные конструкции в якутском языке. – Новосибирск: Наука, 1998. 193 с. {*N.N. Yefremov.* Poly-Predicative Constructions in the Yakut Language. – Novosibirsk: Nauka, 1998. – 193 p.}
- Курс якутской грамматики: система морфологических категорий и синтаксических конструкций. – Якутск, 2004. 202 с. (в соавторстве с Даниловой Н.И., Поповой Н.И.). {*Yakut Grammar Course: A System of Morphological Categories and Syntactic Constructions.* Yakutsk, 2004. 202 p. (co-authored with N.I. Danilova, N.I. Popova.)}
- Грамматика современного якутского литературного языка. Синтаксис. – Новосибирск: Наука, 1995. – 495 с. (соавтор). {*Grammar of the Modern Yakut Literary Language. The Syntax.* – Novosibirsk: Nauka Publ., 1995. – 495 p. (in Russian). (co-authored)}
- Николай Егорович Афанасьев. Серия: Ими гордится Якутия / Сост.: Наумов Д.Ф., Ефремов Н.Н. Отв. ред. и автор примечаний Петров П.П. – Якутск: Бичик, 2011. – 336 с. (С илл.) {*Nikolay Yegorovich Afanasiyev. Series: Yakutia is Proud of Them / Comp.: D.F. Naumov, N.N. Yefremov. Editor-in-chief and annotator: P.P. Petrov.* – Yakutsk: Bichik Publ., 2011. – 336 p. (illus.)}
- Категория эвиденциальности в якутском языке // Функционально-семантические категории в якутском языке. Каузативность, эвиденциальность, итеративность // Н.И. Данилова, Н.Н. Ефремов, Е.М. Самсонова. – Новосибирск: Наука, 2013. – 240 с. – С. 72–177. {*Category of Evidentiality in the Yakut Language // Functional-Semantic Categories in the Yakut Language. Causativity, Evidentiality, and Iterativity.* N.I. Danilova, N.N. Yefremov, Ye.M. Samsonova. – Novosibirsk: Nauka, 2013. – 240 p. – Pp. 72–177.}
- Тонуй – төбөчөөн // Большой толковый словарь якутского языка: в 15 томах. – Т. 10-й: (буква Т: т – төһүүлээ) / под ред. П.А. Слепцова. – Новосибирск: Наука, 2013. 575 с. – С. 457–523 {*Dictionary entries: tonui – töböçöön / The Large Explanatory Dictionary of the Yakut Language: in 15 Vol. Vol. 10: (letter T: t – töhüüle)* / Ed. by: P.A. Sleptsov. – Novosibirsk: Nauka, 2013. – 575 p. – Pp. 457–523.}
- Функционально-семантические категории в якутском языке. Грамматическая и лексическая база / Данилова Н.И., Ефремов Н.Н., Винокурова Н.И. и др. – Якутск: ИГиИПМНС СО РАН, 2017. – 164 с. {*Functional-Semantic Categories in the Yakut Language. Grammatical and Lexical Base* / N.I. Danilova, N.N. Yefremov, N.I. Vinokurova *et al.* – Yakutsk: IHRNIPP SB RAS (Institute for Humanitarian Research and North Indigenous Peoples Problems of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences), 2017. – 164 p.}
- Категория образности в языке (на материале сопоставления якутского языка с казахским, киргизским и монгольским языками): колл. монография / Отв. ред. С.М. Прокопьева. – Якутск: Издательский дом СВФУ, 2019. – 196 с. (в соавторстве с С.М. Прокопьевой и др.). {*The Category of Imagery in the Language (Based on the Comparison of the Yakut Language with the Kazakh, Kyrgyz, and Mongolian Languages): A Collective Monograph.* / Editor-in-Chief: S.M. Prokopiyeva. – Yakutsk: NEFU Publishing House, 2019. – 196 p. (co-authored with S.M. Prokopiyeva *et al.*)}
- Ефремов Н.Н.* Основные направления исследований сложного предложения в якутском языке // Сибирский филологический журнал. – 2008. – № 3. – С. 160–163. {*N.N. Yefremov.* Main Directions of Research of Complex Sentences in the Yakut Language // *Siberian Journal of Philology.* – 2008. – No. 3. – Pp. 160–163.}

- Ефремов Н.Н.* Языковые единицы, обозначающие масти лошадей, в якутском языке // Вопросы алтайской филологии. Памяти Э.Р. Тенишева. – Вып. 3. – М.: Тезаурус, 2008. – С. 241–249. {*N.N. Yefremov.* Linguistic Units Denoting Horse Suits in the Yakut Language // *Voprosy altayskoy filologii* [Issues of Altai Philology]. In memory of E.R. Tenishev. – Iss. 3. – Moscow: Tezaurus, 2008. – Pp. 241–249.}
- Ефремов Н.Н.* Современные аспекты изучения синтаксиса // Актуальные проблемы функционирования, преподавания и изучения русского языка и литературы в современных условиях. – Материалы 2-й Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. – Якутск, 19–21 ноября 2008. – Якутск, Изд-во ЯГУ, 2009. – Ч. 2. – С. 121–124. {*N.N. Yefremov.* Modern Aspects of the Syntax // *Current Problems of the Functioning, Teaching, and Studying of the Russian Language and Literature in Modern Conditions. Proceedings of the 2nd All-Russian Research and Practical Conference with International Participation.* – Yakutsk, November 19–21, 2008. – Yakutsk, YaSU Publishing House, 2009. – Part 2. – Pp. 121–124.}
- Ефремов Н.Н.* Исследования по грамматике якутского языка: итоги, перспективы, проблемы // Северо-Восточный гуманитарный вестник. – Якутск, 2010. – № 1. – С. 44–47. {*N.N. Yefremov.* Research on the Grammar of the Yakut Language: Results, Prospects, Problems // *North-Eastern Humanitarian Bulletin.* – Yakutsk, 2010. – No. 1. – Pp. 44–47.}
- Ефремов Н.Н.* Структурные особенности предложений во вступительной части олонхо // Фольклор и традиция народов Сибири: традиции и новации. – Якутск: Изд-во ИГиИПМНС СО РАН, 2010. – С. 187–191. {*N.N. Yefremov.* Structural Features of Sentences in the Introductory Part of the Olonkho // *Folklore and Tradition of the Peoples of Siberia: Traditions and Innovations.* – Yakutsk: IHRNIPP SB RAS (Institute for Humanitarian Research and North Indigenous Peoples Problems of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences) Publishing House, 2010. – Pp. 187–191.}
- Ефремов Н.Н.* Средства выражения косвенной эвиденциальности в якутском языке // Сибирский филологический журнал. – 2010. – № 1. – С. 152–156. {*N.N. Yefremov.* Means of Expressing Indirect Evidentiality in the Yakut Language // *Siberian Philological Journal.* – 2010. – No. 1. – Pp. 152–156.}
- Ефремов Н.Н.* Стяженные формы глагола якутского языка (на материале ранних рассказов Эрилика Эристиина) // Северо-Восточный гуманитарный вестник. – 2020. – №1. – С. 76–81. {*N.N. Yefremov.* Contracted Verb Forms of the Yakut Language (Based on the Texts of Erilik Eristiin's Early Stories) // *North-Eastern Humanitarian Bulletin.* – 2020. – No. 1. – Pp. 76–81.}
- Язык и культура: текст и контекст. Междисциплинарные исследования. (В соавторстве.) – Якутск, 2023. {*Language and Culture: Text and Context. Interdisciplinary Research (co-authored).* – Yakutsk, 2023.}
- Функционально-семантические категории в якутском языке: взаимодействие лексики и грамматики. – Новосибирск: Наука, 2024. (соавтор) {*Functional-Semantic Categories in the Yakut Language: the Interaction of Vocabulary and Grammar.* – Novosibirsk: Nauka, 2024. (co-authored).}
- SIBERICA: Сибирские исследования. – Анкара, 2024 (соавтор). {*SIBERICA: Siberian Studies.* – Ankara, Türkiye/Turkey, 2024 (co-authored).}.

Published in the Russian Federation.

Russian Turkology (Previous Name: *Soviet Turkology*, was founded in 1970)

Has been issued as *Russian Turkology* since 2009; ISSN: 2079-9160; E-ISSN: 2712-8121
2025. № 1–2 (46–47), pp. 152–156. Journal homepage: <http://rosturcology.ru/>

УДК/UDC: 811.512.111

DOI 10.37892/2712-8121-2025-46-47-152-156

С ЛЮБОВЬЮ К ФИЛОЛОГИЧЕСКИМ НАУКАМ И ОБРАЗОВАНИЮ (К ЮБИЛЕЮ ЧУВАШСКОГО ЯЗЫКОВЕДА А.М. ИВАНОВОЙ)

*Артём Дмитриевич Гаврилов*¹

¹ Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова, г. Чебоксары, Россия
Чувашский государственный институт гуманитарных наук, г. Чебоксары, Россия
кандидат филологических наук
ORCID: 0000-0001-6031-2725
e-mail: artmaster28@rambler.ru

© ИЯз РАН, 2025

© Гаврилов А.Д., 2025

Для цитирования: Гаврилов А.Д. С любовью к филологическим наукам и образованию (к юбилею чувашского языковеда А.М. Ивановой) // Российская тюркология. 2025. № 1–2 (45–46). С. 152–156. DOI 10.37892/2712-8121-2025-46-47-152-156.

With love for philological sciences and education (dedicated to the anniversary of the Chuvash linguist A.M. Ivanova)

*Artem Dmitriyevich Gavrilov*¹

¹ I.N. Ulyanov Chuvash State University, Cheboksary, Russia
Chuvash State Institute of Humanities, Cheboksary, Russia
Ph.D. in Philology
ORCID: 0000-0001-6031-2725
e-mail: artmaster28@rambler.ru

© IL RAS, 2025

© Gavrilov, A.D., 2025

For citation: Gavrilov, A.D. With Love for Philological Sciences and Education (On the Anniversary of the Chuvash Linguist A.M. Ivanova) // Russian Turkology. 2025. No. 1–2 (45–46). Pp. 152–156. DOI 10.37892/2712-8121-2025-46-47-152-156.

8 февраля 2025 г. исполнилось 50 лет Ивановой Алёне Михайловне, доктору филологических наук, профессору, заведующей кафедрой чувашской филологии и культуры, декану факультета русской и чувашской филологии и журналистики Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова. Известный исследователь языков, литератур и культур народов Урало-Поволжья, она на протя-

жении многих лет активно реализует научные и образовательные проекты по изучению, преподаванию и продвижению в нашей стране и за рубежом русского, чувашского, татарского и других языков многонациональной России.

А.М. Иванова – автор более 100 научных и учебно-методических работ по чувашскому языку, в том числе шести монографий, учебных пособий с грифом Минобразования Чувашии, научных статей в журналах, включенных в Перечень ВАК, индексируемых в РИНЦ, Scopus и Web of Science.

Профессиональное становление ученого неразрывно связано с Чувашским государственным университетом им. И.Н. Ульянова. Окончив вуз в 1997 г. с красным дипломом и получив квалификацию филолога-преподавателя по специальности «Чувашский язык и литература», Алена Михайловна начала работать на кафедре чувашского языкознания, где прошла путь от ассистента (1997–2002), старшего преподавателя (2002–2004), доцента (2004–2013), профессора (2013–2015) до заведующей кафедрой и декана факультета (с 2015 г.). В 2003 г. ей была присуждена ученая степень кандидата филологических наук, в 2011 г. – ученая степень доктора филологических наук.

Кандидатская диссертация «Сложноподчиненное предложение в чувашском и русском языках: опыт сравнительно-сопоставительного исследования» и докторская диссертация «Сравнительно-сопоставительное исследование проблем морфосинтаксиса в чувашском языкознании» А.М. Ивановой внесли существенный вклад в разработку теории и практики современного чувашского языка, расширили и углубили представление о его грамматическом строе.

Алена Михайловна стала первой в чувашском языкознании, кто в полном объеме исследовал особенности именных и глагольных словосочетаний; выявил новые типы изафетных конструкций; показал многообразие временных форм

глагола, выражаемых аналитическими конструкциями; рассмотрел морфосинтаксическую деривацию словосочетаний, осуществляемую путем прогрессивного и регрессивного расширения; дал подробную морфосинтаксическую характеристику падежным формам, словооборотам со служебными словами.

Рассмотрение проблем морфосинтаксиса чувашского языка в исследованиях Алены Михайловны сопровождается использованием сравнительного материала родственных тюркских языков, в основном татарского и башкирского, находящихся в контакте с чувашским с древних времен и выступающих в качестве титульных языков соседних республик. Анализ морфосинтаксических явлений базируется на работах Н.И. Ашмарина. Его труд «Опыт исследования чувашского синтаксиса» представляет собой воспроизведение данных морфологии и синтаксиса экспериментальным путем. Н.И. Ашмарин заложил надежный фундамент так называемой (малоизвестной в то время) общефункциональной грамматики, в связи с чем его можно назвать первооткрывателем теории морфосинтаксиса чувашского языка.

Круг научных интересов А.М. Ивановой широк и охватывает такие направления, как грамматика чувашского языка, история чувашской письменной культуры, сравнительно-сопоставительный анализ и лингвокультурология. В последние годы в соавторстве с коллегами она подготовила к печати такие труды, как «Чувашский антропонимикон XVIII века: иная культурная реальность» (2020), «Словарь чувашских антропонимов дохристианской эпохи» (2020), «Повтор в лексической системе современного чувашского языка. Сравнительно-сопоставительное исследование» (2021), «Чувашская языковая терминология в контексте интерлингвистики» (2024) и др.

Алена Михайловна является инициатором проведения научно-практических конференций «Ашмаринские чтения» и «Язык и слово», которые ежегодно выступают уникальной площадкой для научных дискуссий лингвистов, литературоведов, фольклористов и медиаисследователей со всей России. Она активно работает с аспирантами, под ее научным руководством защищены одна докторская и три кандидатские диссертации. Регулярно выступает официальным оппонентом на защитах диссертаций в различных вузах Урало-Поволжья. Ведет разноплановую общественную, научную и организационную деятельность. Ученый секретарь (2008–2016), член (2016–2022), председатель (с 2023 г.) диссертационного совета по филологическим наукам на базе ЧГУ им. И.Н. Ульянова, член Научно-технического совета ЧГУ им. И.Н. Ульянова (с 2014 г.), член Ученого совета Чувашского государственного института гуманитарных наук, руководитель комитета по образованию Чувашского национального конгресса.

А.М. Иванова – член редколлегий научных журналов «Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева», «Этническая культура» и «Современная гуманитаристика». Председатель государственной экзаменационной комиссии по профилю «Филология» в Казанском (Приволжском) федеральном университете (2015–2017; с 2023 г.), член экспертной комиссии (2018–2023) Всероссийской общественной премии за сохранение языкового многообразия «Ключевое слово», учрежденной Федеральным агентством по делам национальностей (Москва). Согласно приказам Министерства образования Чувашской Республики, Алена Михайловна ежегодно участвует в работе

жюри межрегиональной и международной олимпиады школьников по чувашскому языку и литературе, республиканского конкурса «Учитель года Чувашии», межрегиональной конференции-фестиваля «Юность Большой Волги».

Алена Михайловна принимает участие в повышении профессиональной квалификации учителей чувашского языка и литературы в республике и в регионах проживания чувашской диаспоры. Будучи членом УМС при Министерстве образования Чувашской Республики, своими рецензиями и рекомендациями оказывает большую помощь авторам книг в совершенствовании и улучшении качества учебно-методических пособий и учебников по чувашскому языку, участвует в республиканских мастер-классах, выступает с докладами на конференциях.

А.М. Иванова – один из авторов культурно-образовательного проекта «Чувашский в чемодане», ставшего победителем конкурса грантов Фонда сохранения и изучения родных языков народов Российской Федерации (Москва). С целью ознакомления молодежи с культурой и языком чувашского этноса, развития диалога культур и укрепления дружбы между народами командой проекта было проведено более тысячи интерактивных занятий в школах, колледжах и вузах Чувашской Республики, а также в регионах с компактным проживанием чувашской диаспоры – в Ульяновской области и Республике Татарстан. Кроме того, она является инициатором Международного конкурса чтецов «Сей добро – вот жизни цель святая!», посвященного творчеству великого татарского поэта Габдуллы Тукая. В этом мероприятии ежегодно принимают участие более 600 школьников и студентов из разных городов и регионов Российской Федерации, а также стран СНГ.

Немало времени Алена Михайловна уделяет делу продвижения русского языка за рубежом. Под ее руководством были проведены семинар для учителей русского языка и литературы Республики Казахстан (2017), фестивали русского языка и культуры в Узбекистане (2022) и Таджикистане (2023). А.М. Иванова – организатор международной олимпиады по русскому языку «Грамотей», к которой ежегодно подключаются иностранные школьники и студенты из 30 стран мира, а также международной олимпиады по чувашскому языку и литературе «Чăваш чĕлхин илемĕ».

Развитие и сохранение национальных языков и литератур, приобщение подрастающего поколения к культурным, духовным ценностям народов России являются неотъемлемой частью всей жизни А.М. Ивановой. В этой статье отражена лишь часть той работы, которую ежедневно проводит этот языковед, – с полной самоотдачей, с любовью к филологическим наукам и образованию. Это отмечает каждый, кто знаком с Аленой Михайловной. Ее уважают коллеги, на нее равняются молодые преподаватели-исследователи, ее обожают студенты.

За многолетний добросовестный труд А.М. Иванова награждена Почетной грамотой Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (2023), Почетной грамотой Министерства образования и молодежной политики Чувашской Республики (2017), Почетной грамотой Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова (2012), благодарственными письмами Главы Чувашской Республики (2022), губернатора Ульяновской области (2023), а также разных ведомственных учреждений Чувашской Республики.

Основные работы А.М. Ивановой
A.M. Ivanova's main works

- Иванова А.М.* Проблемы морфосинтаксиса в чувашском языкознании: типолого-контрастивный аспект. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2011. – 308 с. {*A.M. Ivanova*. Problems of Morphosyntax in Chuvash Linguistics: a Typological and Contrastive aspect. – Cheboksary: Chuvash State University Publ., 2011. – 308 p.}
- Иванова А.М., Семенова Г.Н.* Сложноподчиненное предложение в современном чувашском языке: сравнительно-сопоставительный аспект. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2016. – 120 с. {*A.M. Ivanova, G.N. Semenova* (/Semyonova). Compound Sentence in the Modern Chuvash Language: Comparative Aspect. – Cheboksary: Chuvash State University Publ., 2016. – 120 p.}
- Фомин Э.В., Иванова А.М.* Чувашский антропонимикон XVIII века: иная культурная реальность. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2020. – 140 с. {*E.V. Fomin, A.M. Ivanova*. The Chuvash Anthroponymicon of the 18th Century: a Different Cultural Reality. – Cheboksary: Chuvash State University Publ., 2020. – 140 p.}
- Иванова А.М., Фомин Э.В.* Словарь чувашских антропонимов дохристианской эпохи. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2020. – 408 с. {*A.M. Ivanova, E.V. Fomin*. Dictionary of Chuvash Anthroponyms of the Pre-Christian Era. – Cheboksary: Chuvash State University Publ., 2020. – 408 p.}
- Семенова Г.Н., Иванова А.М.* Повтор в лексической системе современного чувашского языка. Сравнительно-сопоставительное исследование. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2021. 160 с. {*G.N. Semenova, A.M. Ivanova*. Repetition in the Lexical System of the Modern Chuvash Language. A Comparative Research. – Cheboksary: Chuvash State University Publ., 2021. – 160 p.}
- Иванова А.М., Кравецкая И.О., Лемская В.М., Фомин Э.В.* Чувашская языковая терминология в контексте интерлингвистики: учеб. пособие / Чуваш. гос. ун-т им. И.Н. Ульянова. – Чебоксары, 2024. – 208 с. {*A.M. Ivanova, I.O. Kravetskaya, V.M. Lemskaya, E.V. Fomin*. Chuvash Linguistic Terminology in the Context of Interlinguistics: training manual / Chuvash State University named after I.N. Ulyanov. – Cheboksary, 2024. – 208 p.}
- Иванова А.М.* Сложноподчиненное предложение в чувашском языке в сравнительно-сопоставительном аспекте: учеб. пособие / Чуваш. гос. ун-т им. И.Н. Ульянова. – Чебоксары, 2024. – 60 с. {*A.M. Ivanova*. Compound Sentence in the Chuvash Language in a Comparative Aspect: training manual / I.N. Ulyanov Chuvash State University. – Cheboksary, 2024. – 60 p.}
- Иванова А.М.* Грамматический разбор в чувашском языке: учеб. пособие / Чуваш. гос. ун-т им. И.Н. Ульянова. – Чебоксары, 2024. – 152 с. {*A.M. Ivanova*. Grammatical Analysis in the Chuvash Language: training manual / I.N. Ulyanov Chuvash State University. – Cheboksary, 2024. – 152 p.}
- Владимирова О.Г., Иванова А.М.* Хуравё мёнке-ши? Кто знает ответ? Материалы муниципального этапа олимпиады школьников по чувашскому языку и литературе: учеб. пособие: в 3 кн. Кн. 1 / Чуваш. гос. ун-т им. И.Н. Ульянова. – Чебоксары, 2024. – 100 с. {*O.G. Vladimirova, A.M. Ivanova*. Who Knows the Answer? Proceedings of the Municipal Stage of the Olympiad of Schoolchildren in the Chuvash Language and Literature: training manual: in 3 books. Book 1 / I.N. Ulyanov Chuvash State University. – Cheboksary, 2024. – 100 p.}
- Иванова А.М., Владимирова О.Г.* Хуравё мёнке-ши? Кто знает ответ? Материалы межрегиональной олимпиады школьников по чувашскому языку и литературе: учеб. пособие: в 3 кн. Кн. 2 / Чуваш. гос. ун-т им. И.Н. Ульянова. – Чебоксары, 2024. – 148 с. {*A.M. Ivanova, O.G. Vladimirova*. Who Knows the Answer? Proceedings of the Interregional Olympiad of Schoolchildren in the Chuvash Language and Literature: training manual: in 3 books. Book 2 / I.N. Ulyanov Chuvash State University. – Cheboksary, 2024. – 148 p.}
- Владимирова О.Г., Иванова А.М.* Хуравё мёнке-ши? Кто знает ответ? Материалы международной олимпиады школьников по чувашскому языку и литературе: учеб. пособие: в 3 кн. Кн. 3 / Чуваш. гос. ун-т им. И.Н. Ульянова. – Чебоксары, 2024. – 164 с. {*O.G. Vladimirova, A.M. Ivanova*. Who Knows the Answer? Proceedings of the International Olympiad of Schoolchildren in the Chuvash Language and Literature: training manual: in 3 books. Book 3 / I.N. Ulyanov Chuvash State University. – Cheboksary, 2024. – 164 p.}

Published in the Russian Federation.

Russian Turkology (Previous Name: *Soviet Turkology*, was founded in 1970)

Has been issued as *Russian Turkology* since 2009; ISSN: 2079-9160; E-ISSN: 2712-8121
2025. № 1–2 (46–47), pp. 157–160. Journal homepage: <http://rosturcology.ru/>

УДК/UDC: 811.512.111

DOI 10.37892/2712-8121-2025-46-47-157-160

НЕКРОЛОГИ

ПАМЯТИ ПРОФЕССОРА ЗЕЙНЕП КОРКМАЗ (05.07.1922¹ – 06.02.2025)

*Шюкрю Халук Акалын*¹

¹ Университет Хаджеттепе, Анкара, Турция,
доктор филологических наук, профессор
ORCID: 0000-0002-5313-1763
e-mail: sukruhaluk.akalin@hacettepe.edu.tr

© ИЯз РАН, 2025

© Акалын Ш.Х., 2025

Для цитирования: Акалын Ш.Х. Памяти профессора Зейнеп Коркмаз // Российская тюркология. 2025. № 1–2 (45–46). С. 157–160. DOI 10.37892/2712-8121-2025-46-47-157-160.

In Memory of Professor Zeynep Korkmaz (05.07.1922 – 06.02.2025)

*Şükrü Halûk Akalın*¹

¹ Hacettepe University, Ankara, Türkiye.
PhD. in Philology, Professor.
ORCID: 0000-0002-5313-1763
e-mail: sukruhaluk.akalin@hacettepe.edu.tr

¹ Нередко встречается информация о другой, более ранней, параллельно указываемой дате рождения – 5 июля 1921 г.: «5 Temmuz 1921'de Nevşehir'de doğdu» (<https://tdk.gov.tr/wp-content/uploads/2025/03/YITIRDIKLERIMIZ.pdf>); «Prof. Dr. Zeynep Korkmaz, kimliğinde 1921 yazsa da asıl doğum tarihinin 5 Temmuz 1922 olduğunu söyler» (<https://dergipark.org.tr/en/download/article-file/4787358>) и т.п. Таким образом, возраст 103 полных лет, указываемый ниже по тексту, соответствует именно этой точке отсчета. Более подробная информация о ее биографии, научной деятельности и публикациях приведена в статье Акалына Ш.Х. «Зейнеп Коркмаз (К 95-летию юбилею)» в разделе «Персоналии» журнала «Российская Тюркология», № 3–4 (20–21), 2018, с. 112–116.

© IL RAS, 2025

© Akalin, Ş.H. 2025

For citation: Akalin, Ş.H. In Memory of Professor Zeynep Korkmaz (05.07.1922 – 06.02.2025) // Russian Turkology. 2025. No. 1–2 (45–46). Pp. 157–160. DOI 10.37892/2712-8121-2025-46-47-157-160.

6 февраля 2025 г. в возрасте 103 лет скончалась одна из крупнейших представительниц турецкой тюркологии – доктор филологических наук, профессор Зейнеп Коркмаз.

Родилась 5 июля 1922 г. в г. Невшехир – за год до провозглашения Турецкой Республики. Зейнеп Коркмаз происходила из семьи Денги, корни которой восходят к юрюкам – туркменским племенам. Поступила на филологическую кафедру факультета языка, истории и географии (Dil ve Tarih-Coğrafya Fakültesi, DTCF) Анкарского университета, который окончила в 1944 г. В 1948 г. была назначена ассистентом на ту же кафедру. Научным руководителем Зейнеп Коркмаз была д.ф.н, профессор Саадет Чагатай – дочь известного татарского деятеля и мыслителя Гаяза Исхаки.

Помимо университета, Зейнеп Коркмаз многие годы работала в Турецком лингвистическом обществе (ТЛО), входила в состав его Научного совета, а также была членом Исполнительного и Руководящего советов. Более подробная информация о ее биографии, научной деятельности и публикациях приведена в моей статье «Зейнеп Коркмаз (к 95-летию юбилею)» в разделе «Персоналии» («Российская Тюркология», № 3–4 (20–21), 2018, с. 112–116).

Зейнеп Коркмаз не была моим непосредственным преподавателем, так как работала в Анкарском университете, а мое обучение проходило на кафедре тюркской филологии Стамбульского университета. Я познакомился с научным наследием ученого через ее статьи и монографии. С ранних лет меня привлекала многогранность научных интересов Зейнеп Коркмаз: она, с одной стороны, исследовала исторические этапы турецкого языка и публиковала тексты, а с другой –

занималась проблемами его диалектов, грамматикой, терминологией и языковой реформой Ататюрка.

Я впервые лично познакомился с Зейнеп Коркмаз на международных тюркологических конгрессах, проводимых в Стамбульском университете. С интересом слушал ее доклады, в которых ученый всесторонне анализировала тему, делала содержательные выводы и уверенно, с достоинством представляла результаты своих исследований. На вопросы отвечала спокойно, обстоятельно и с академической зрелостью. Ее отличала убежденность в своих научных взглядах и принципиальность. В собственных статьях, докладах и книгах я все чаще ссылался на ее труды. Зейнеп Коркмаз была выдающимся специалистом по тюркологии, публиковавшим точные, детализированные и фундаментальные исследования, которым я подражал.

После того как в 1995 г. я стал действительным членом Научного совета Турецкого лингвистического общества, наше общение с Зейнеп Коркмаз стало гораздо более регулярным. В 1999 г. мы оба были избраны членами Исполнительного совета ТЛЮ. Совет собирался дважды в месяц, что укрепило наше профессиональное взаимодействие. На эти заседания Зейнеп Коркмаз всегда приходила с записной книжкой и ручкой – делала подробные записи и сверялась со своими заметками при чтении протоколов. Если в ходе обсуждения упоминались законы или нормативные акты, она непременно требовала их полный текст и не соглашалась голосовать, пока не ознакомится с соответствующими документами.

С момента моего назначения на пост председателя ТЛЮ в 2001 г. профессор Зейнеп Коркмаз стала одной из тех, кто оказывал мне наибольшую поддержку. За одиннадцать лет моего председательства (2001–2012) мы вместе осуществили ряд важных проектов, прежде всего по подготовке новых редакций *«Орфографического справочника»* и *«Турецкого словаря»*. Зейнеп Коркмаз входила в состав комиссии по пересмотру правил турецкой орфографии и внесла ряд ценных предложений по разработке новых норм. Она активно участвовала в мероприятиях, конференциях и заседаниях, организованных ТЛЮ. Именно в годы моего председательства было издано фундаментальное исследование Зейнеп Коркмаз *«Грамматика современного турецкого языка. Морфология»*.

Мы с Зейнеп Коркмаз принимали участие во многих конференциях как в Турции, так и за рубежом. В числе прочего – на заседаниях Международной постоянной алтаистической конференции (PIAC) в **Бельгии, Великобритании и Азербайджане**. Ее первым иностранным языком был немецкий, вторым – английский. Языком конференций по алтаистике являлся английский, и Зейнеп Коркмаз свободно выступала на этих мероприятиях с докладами, отвечала на вопросы и отстаивала свои научные взгляды с большим профессионализмом.

В 2003 г. конференция PIAC проходила в Анкаре, и я в тот период исполнял обязанности ее председателя. В этом качестве я также входил в состав медальной комиссии из пяти человек. Учитывая многочисленные статьи, книги и вклад в алтаистические исследования, я предложил кандидатуру Зейнеп Коркмаз на получение медали PIAC. Моя инициатива была поддержана, и Зейнеп Коркмаз вошла в историю как первый и единственный на тот момент академик из Турецкой Республики, удостоенный этой награды.

На протяжении всей своей жизни она не переставала трудиться, заниматься наукой и писать. Она оставалась верна науке вплоть до последних дней своей жизни.

10 февраля 2025 г., после траурной церемонии, состоявшейся в Анкарском университете на факультете языка, истории и географии, д.ф.н., профессор Зейнеп Коркмаз была похоронена на кладбище Джебеджи в Анкаре.

Для меня как человека и как исследователя величайшим приобретением стало то, что я имел возможность лично познакомиться с Зейнеп Коркмаз и работать с ней вместе. Своими глубокими и искренними человеческими качествами, верной дружбой, трудолюбием и научной дисциплиной она стала примером для молодых тюркологов, а особенно – для девушек, выбирающих научный путь в тюркологии.

Доктор филологических наук, профессор Зейнеп Коркмаз будет жить в своих книгах, статьях, докладах и в наших воспоминаниях.

СОДЕРЖАНИЕ

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

<i>У.О. Донорова, И.В. Кормушин</i> (Кызыл, Москва) Музыкальная лексика в тувинском языке: русские заимствования и адаптация	7
<i>Е.Р. Николаев</i> (Якутск) Диалектные названия рыболовных заграждений в якутском языке	21
<i>Д.В. Рухлядев</i> (Москва) Социальное и языковое взаимодействие древних тюрков и Китая (на примере термина <i>qinčuj</i>).....	35

АРХИВНАЯ ПУБЛИКАЦИЯ

<i>Е.Д. Поливанов</i> Фонетические особенности касимовского диалекта (1923 г.) (научный комментарий – А.В. Дыбо, А.В. Андронов)	67
---	----

ИСТОРИЯ НАУКИ

<i>А.П. Леонтьев</i> (Чебоксары) Вклад Гурия Комиссарова в теорию болгарского происхождения чувашского народа	86
---	----

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ФОЛЬКЛОР

<i>А.М. Муртазалиев</i> (Махачкала) Образы дагестанцев в турецкой мемуаристике второй половины XIX – начала XX века.....	98
--	----

ПАМЯТИ УЧЕНОГО

<i>Х.Ч. Алишина</i> (Тюмень) Научное наследие предшественников: к 90-летию специалиста по древнеуйгурскому языку, профессора Д.М. Насилова	108
<i>З.А. Сиразитдинов</i> (Уфа) Академик Шора Шамгалиевич Сарыбаев – известный ученый-тюрколог (к 100-летию со дня рождения)	117

РЕЦЕНЗИИ И АННОТАЦИИ

<i>И.Л. Кызласов</i> (Москва) Последняя книга Владимира Ефимовича Войтова	126
<i>М.Д. Чертыкова</i> (Абакан) <i>Рецензия:</i> Толковый словарь хакасского языка = Хакас тілінің чарыдыҕлыг сөстiгi. Более 5000 слов. Том I. А–П. Абакан: Хакасское книжное издательство имени В.М. Торосова, 2020. 608 с.; Толковый словарь хакасского языка = Хакас тілінің чарыдыҕлыг сөстiгi. Более 7000 слов. Том II. С–Я. Абакан: Хакасское книжное издательство имени В.М. Торосова, 2023. 736 с.	133

ЮБИЛЯРЫ ЭТОГО ГОДА

<i>Н.С. Уртегешев</i> (Новосибирск). 55 лет, посвященных науке: путь длиною в жизнь (к юбилею И.Я. Селютиной)	139
<i>Ф.Н. Дьячковский</i> (Якутск). Ефремов Николай Николаевич (к 75-летию со дня рождения)	144
<i>А.Д. Гаврилов</i> (Чебоксары) С любовью к филологическим наукам и образованию (к юбилею чувашского языковеда А.М. Ивановой).....	152

НЕКРОЛОГИ

<i>Шюкрю Халюк Акалын</i> (Анкара, Турция). Памяти профессора Зейнеп Коркмаз (05.07.1922 – 06.02.2025).....	157
--	-----

CONTENTS

STRUCTURE AND HISTORY OF LANGUAGE

<i>U.O. Donorova, I. V. Kormushin</i> (Kyzyl, Moscow). Musical vocabulary in the Tuvian language: Russian borrowings and adaptation	7
<i>Ye.R. Nikolayev</i> (Yakutsk). Dialect names of fishing barriers in the Yakut language	21
<i>D.V. Rukhlyadev</i> (Moscow). Social and linguistic interactions between the ancient Turks and China (using the term <i>qunčuj</i> as an example)	35

ARCHIVES

<i>Professor Ye.D. Polivanov</i> . Phonetic Features of the Kasimov Dialect (1923). (Academic commentary by A.V. Dybo and A.V. Andronov)	67
--	----

HISTORY OF SCIENCE

<i>A.P. Leontiyev</i> (Cheboksary). Guriy Komissarov's contribution to the theory of the Bulgarian origin of the Chuvash people	86
---	----

LITERARY AND FOLKLORE STUDIES

<i>A.M. Murtazaliyev</i> (Makhachkala). Images of Dagestani people in Turkish memoirs of the late 19 th and early 20 th century	98
---	----

IN MEMORIAM

<i>Kh.Ch. Alishina</i> (Tyumen). The scholarly legacy of predecessors: on the 90 th anniversary of professor D.M. Nasilov, a specialist in the Old Uyghur language	108
<i>Z.A. Sirazitdinov</i> (Ufa). Academician Shora Shamgaliyevich Sarybayev – A prominent turkologist (on the centenary of his birth)	117

REVIEWS AND ANNOTATIONS

<i>I.L. Kyzlasov</i> (Moscow). The last book of Vladimir Yefimovich Voytov	126
<i>M.D. Chertykova</i> (Abakan). Review: Explanatory dictionary of the Khakass language = <i>Ĥakas tilinĭn čarydyglyg söstigi</i> . Over 5000 words. Volume 1. A–P. Abakan: Khakass book publishing house named after V.M. Torosov, 2020. 608 p. Explanatory dictionary of the Khakass language = <i>Ĥakas tilinĭn čarydyglyg söstigi</i> . Over 7000 words. Volume II. S–Ÿa. Abakan: Khakass book publishing house named after V.M. Torosov, 2023. 736 p.	133

ANNIVERSARIES

<i>N.S. Urtegeshev</i> (Novosibirsk). 55 years dedicated to science: the journey of a lifetime (to I.Ya. Selyutina's anniversary).....	139
<i>F.N. Diyachkovskiy</i> (Yakutsk). Nikolay Nikolayevich Yefremov (dedicated to his 75 th birthday).....	144
<i>A.D. Gavrilov</i> (Cheboksary). With love for philological sciences and education (dedicated to the anniversary of the Chuvash linguist A.M. Ivanova)	152

ANNIVERSARIES

<i>Şükrü Halûk Akalın</i> (Ankara). In memory of Professor Zeynep Korkmaz (05.07.1922 – 06.02.2025)	157
--	-----

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Редакция научного журнала «Российская тюркология» (РТ) просит авторов присылать свои статьи для публикации на электронный адрес журнала: rosturcology@yandex.ru – с безличным обращением: Уважаемая редакция! При этом просим руководствоваться следующими правилами оформления представляемых в журнал статей; статьи, оформленные без соблюдения этих правил, будут возвращаться без рассмотрения.

Общие положения

Научный журнал «Российская тюркология» печатается 2 раза в год сдвоенными номерами, объемом 10–12 а. л. каждый, т. е. фактически 4 номера в год. С 2020 г. журнал выходит только в электронной версии. Номера журнала доступны на сайте: <http://rosturcology.ru/>. Журнал индексируется в РИНЦ и находится в открытом доступе.

В журнале публикуются статьи, содержащие результаты фундаментальных и прикладных исследований в области языков, литературы, фольклора, истории и этнографии тюркских народов. Помимо научных статей, в журнале печатаются рецензии на научные издания, опубликованные за последние 5 лет и относящиеся к тематике журнала. К публикации принимаются рукописи на *русском, английском и турецком* языках. Статьи должны содержать – под личную гарантию авторов – неопубликованные ранее новые фактические данные или теоретические положения. Обзорные статьи и рецензии, представляющие собой пересказ рецензируемого материала, к печати не принимаются.

Текст статьи должен быть тщательно вычитан и проверен носителем русского языка. Статьи, содержащие грубые грамматические, орфографические и пунктуационные ошибки, к публикации не принимаются и возвращаются авторам без рассмотрения.

Передавая рукопись в редакцию, автор гарантирует, что она полностью или частично не опубликована и не отправлена на публикацию в другие издания. Автор также соглашается не размещать текст статьи на интернет-ресурсах до тех пор, пока не будет принято решение о ее публикации в журнале «Российская тюркология».

РТ публикует материалы по следующим рубрикам:

- ♦ Структура и история языка
- ♦ Дискуссии и обсуждения
- ♦ Языковые связи
- ♦ Ономастика
- ♦ Культурология
- ♦ Литературоведение
- ♦ Фольклористика
- ♦ История науки, документы
- ♦ Рецензии и аннотации

- ♦ Научная жизнь
- ♦ Хроника
- ♦ Памяти ученого
- ♦ Персоналии

Основным требованием к публикуемым материалам является их соответствие научным критериям:

- ♦ актуальности;
- ♦ проблемности;
- ♦ научной новизны;
- ♦ доказательности;
- ♦ фактологической обоснованности.

Редакционная коллегия оставляет за собой право отбора материала для публикации.

Все статьи, поступающие в редакцию, проходят двойное слепое рецензирование, а также проверку на уникальность. Оригинальность текста должна составлять не менее 80%.

Небольшие исправления стилистического или формального характера вносятся в текст статьи без согласования с автором; статьи, требующие серьезных исправлений, возвращаются авторам на доработку вместе с замечаниями рецензентов и членов редколлегии.

Возвращение рукописи автору на доработку **не означает**, что статья не принята к печати. Автор должен доработать статью, отметив исправленные части текста желтым цветом и добавив индекс 2 к заглавию, а затем в 10-дневный срок переслать ее обратно в редакцию. После получения доработанного текста рукопись вновь рассматривается редколлегией. Статьи утверждаются к печати по решению редколлегии, в порядке общей очереди.

Требования к оформлению статьи

Авторский оригинал статьи может быть представлен для публикации в РТ на одном из трех языков – русском, английском или турецком в двух форматах – doc/docx или PDF (для контроля правильности отображения особых знаков).

Статья должна содержать следующие данные:

Код **УДК**, соответствующий тематике статьи или рецензии (указывается автором).

DOI (присваивается редакцией).

Заголовок статьи набирается прописными буквами с выравниванием по центру. Он должен кратко и точно отражать содержание статьи или рецензии.

Благодарность или признательность (при необходимости) размещается в виде постраничной сноски к названию статьи и отмечается символом *. Здесь также можно указать информацию о финансовой поддержке исследования. Если статья является публикацией поготавливаемой кандидатской или докторской диссертации, необходимо указать этот факт, назвать утвержденную тему диссертации, а также фамилию и ученое звание руководителя / консультанта (оформляется в виде сноски к заглавию статьи).

Сведения об авторах содержат фамилию, имя и отчество каждого из авторов, их ученые степени и ученые звания, а также должности с указанием места работы. Обязательно указать город и страну. Указывается контактный адрес (e-mail – индивидуальный или рабочий), телефон (для связи с редакцией, в журнале не публикуется). Сведения об авторе (авторах) следует также продублировать на английском языке. При этом приводится официальное англоязычное название учреждения. Каждый из авторов должен указать Scopus ID и ORCID (при наличии).

Аннотация (Abstract) на русском и английском языках (не менее 200 слов) должна отражать новизну, цели и задачи, основные методы, а также главные результаты работы. Она не должна содержать ссылки на разделы, цитаты, рисунки или номера цитируемой литературы.

Ключевые слова (Key words) на русском и английском языках (от 5 до 10 слов) используются для поиска читателем статьи в электронных базах, поэтому должны отражать дисциплину (область науки, в рамках которой написана работа), тематику, объект и предмет исследования.

Текст

Параметры страницы – А4, поля для всех сторон – 2 см, ориентация – книжная.

Шрифт – Times New Roman (12 пт), межстрочный интервал – 1,5 строки, интервал до и после абзаца – 0, абзацный отступ – 0,75 см.

Примеры на национальных языках, а также на русском языке необходимо давать *курсивом*. Если пример оформлен оригинальным шрифтом, этот шрифт должен быть прислан в редакцию вместе со статьей по электронной почте.

Все примеры на национальных языках должны **в обязательном порядке** сопровождаться переводом на русский язык. Значения слов, словосочетаний и переводы приводятся прямым шрифтом в марровских кавычках (‘’).

Заголовок набирается прописными буквами с выравниванием по центру, на следующей строке идет фамилия автора (инициалы стоят впереди).

Специальные символы набираются шрифтами, поддерживающими Unicode.

Ссылка приводится внутри текста в квадратных скобках (напр., [Малов 1951: 430]); в случае необходимости постраничные *сноски* должны вводиться верхним индексом и иметь сквозную нумерацию по всему тексту.

Список литературы дается в конце статьи и оформляется по ГОСТу.

Ориентировочный объем статьи – от 0,7 до 1 а. л. (28–40 тыс. знаков с пробелами), включая список литературы, аннотацию и постраничные сноски. Файл со статьей должен быть назван следующим образом: «Иванов И.И. Статья для РТ».

Иллюстрации

Число рисунков не должно превышать 5.

Они должны быть выполнены на компьютере или черной тушью на белой бумаге с обозначением всех необходимых букв и символов и обязательно упомянуты в тексте.

Размеры рисунков не должны превышать размеры текстового поля.

Рисунки в компьютерном исполнении должны быть внедрены в текст в режиме «Вставка – Объект – Рисунок». Подрисовочные подписи выполняются шрифтом Times New Roman (9 пт) и вставляются в режиме «Вставка».

Рисунки, выполненные на бумаге, должны иметь подрисуночные подписи. На обороте каждого рисунка необходимо написать карандашом ФИО автора и № рисунка. Надписи не должны повреждать лицевую часть, при необходимости указать верх рисунка.

Таблицы

Выполняются в режиме «Таблица» редактора Word с заголовками или без них шрифтом 10 пт.

Таблицы должны быть обязательно упомянуты в тексте.

Список литературы

Приводится без нумерации в алфавитном порядке сокращенного обозначения источников по названию или фамилии автора и году издания прямым шрифтом; далее через тире курсивом фамилия и инициалы автора, затем прямым шрифтом полное название труда и выходные данные; все набирается шрифтом Arial (9 пт).

Для книг – фамилии и инициалы всех авторов, полное название книги, место издания, двоеточие, издательство, год издания, том или выпуск, общее количество страниц.

Для отдельных статей в периодических изданиях или сборниках – фамилии и инициалы всех авторов, название статьи, через две косые линии // название журнала (или сборника), место издания, год издания, том, номер, первая и последняя страницы статьи.

Ссылка на электронные источники должна включать информацию о сайте, режиме доступа и дату последнего посещения.

С 2019 г. введены дополнительные правила по оформлению литературы согласно европейским требованиям:

- литература на русском языке остается на первом месте по отношению к иностранной; сразу после названия дается перевод этого названия на английский язык в фигурных скобках {} ; также необходимо перевести на английский язык данные о месте и годе издания;

- далее следует литература на национальных языках; она должна содержать перевод на русский [в квадратных скобках] и английский {в фигурных скобках} языки, а также указание на язык издания (в круглых скобках);

- литература на иностранных языках (за исключением изданий на английском, немецком и французском языках) дается в списке после литературы на русском и национальных языках и должна быть переведена на русский [в квадратных скобках] и английский {в фигурных скобках} языки и также содержать указание на язык издания (в круглых скобках).

В настоящем номере журнала по таким принципам оформлены все статьи.

Примеры оформления

Благова 1982 – *Благова Г.Ф.* Тюркское склонение в ареально-историческом освещении. – М.: Наука, 1982. {*G.F. Blagova. Turkic declension in the light of areal and historical data.* – Moscow: Nauka, 1982.}

Валеев, Тугужекова 2011 – *Валеев Р.М., Тугужекова В.Н.* Профессор Н.Ф. Катанов и его вклад в изучение этнографии и фольклора тюркских народов Центральной Азии // Новые исследования Тувы. – 2011. – № 1. – С. 14. {*R.M. Valeyev, V.N. Tuguzhekova. Professor N.F. Katanov and his contribution to ethnography and folk-*

lore studies related to the Turkic peoples of Central Asia // New Tuva Researches. – 2011. – No. 1. – P. 14.}

Əlizadə 1993 – *Əlizadə S.* Əski Azərbaycan yazısı. [*Ализаде С.* Старая азербайджанская письменность.] – Bakı: Bakı Universiteti, 1993. – 142 s. {*S. Alizadeh.* Old Azerbaijani script. – Baku: Baku University, 1993. – 142 p.} (In Azerbaijani.)

Dilçiler 2019 – Türkiye dışındaki türk dünyası türkologları. Dilçiler. [Тюркологи тюркского мира за пределами Турции. Языковеды.] – Ankara: Akçağ, 2019. {The Turkologists of Turkic World (outside Turkey/Türkiye). The Linguists. – Ankara: Akçağ, 2019}. (In Turkish.)

Schönig 1992 – *Schönig, Claus.* Analogie als sprachbildende Kraft in den Türk-sprachen // Laut- und Wortgeschichte der Türksprachen. [Аналогия как языкообра-зующая сила в тюркских языках // История фонетики и лексики тюркских языков. – Wiesbaden, 1995]. (In German.)

БУДЕМ РАДЫ СОТРУДНИЧЕСТВУ С ВАМИ!

Данный номер журнала
подготовлен редакторской группой в составе:

Выпускающий редактор: *З.Н. Экба*

Научный редактор: *О.А. Трифонова*

Технический редактор: *А.В. Шаров*

Редакторы-переводчики: *Д.В. Абдурахманова-Павлова, Т.Н. Тан*

Компьютерная верстка: *В.Ю. Гусев*

Дизайн обложки: *Ф.Н. Латыпова*

Разработчик сайта: *С.В. Смирнов*